

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2025 Том 17 № 2

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Куделин А.А., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор, Каирский университет, Гиза, Египет

Варику Кулбхушан, профессор, Университет имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления, Университет Карлтона, Оттава, Канада, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры иностранных языков ФГСН, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, специалист Центра просветительской деятельности «Разговоры о важном», Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор, Университет имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, DOAJ, Cyberleninka, индексируются Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов научных исследований ученых из России и различных регионов мира в виде оригинальных научных сообщений, библиографических обзоров.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 5.6.2 Всеобщая история, 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Основные рубрики журнала: история исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, история ислама, история Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, к сотрудничеству по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *О.В. Горячева*

Редакторы англоязычных текстов *Т.А. Майкова, А.А. Куделин*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 20.06.2025. Выход в свет 26.06.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,8. Тираж 500 экз. Заказ № 778. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2025 VOLUME 17 NUMBER 2

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
named after PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

DEPUTY

EDITOR-IN-CHIEF

Andrey A. Kudelin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of Department of Foreign Languages, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, specialist of the Center for Educational Activities "Conversations about important things", State University of Education, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Professor, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), DOAJ, Electronic Library Cyberleninka, Indexing by Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles and review, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *O.V. Goryacheva*

Translation Editors *T.A. Maykova, A.A. Kudelin*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Три облика халифатизма: представления о халифате исламских мыслителей конца XIX — начала XX в. 137

Соловьева Д.В. Основания султанской власти в Алаутском Марокко XVII–XVIII вв.: торжество военной силы или поиск консенсуса? 159

Забелла А.А. Политика Китая в Арктике: амбиции и реалии 172

Михайлов С.А. Военный и информационно-психологический конфликт в Ракхайне: прошлое, настоящее, перспективы разрешения 187

Duarte L. Imagined communisms: the Argentine New left and the construction of “Real socialism” in the 1960s/1970 (Воображаемый коммунизм: аргентинские новые левые и построение «реального социализма» в 1960–1970-е гг.) 201

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

Гришина Д.Е. Ранние попытки создания корейского дипломатического представительства в Европе в конце XIX в. 222

Люлина А.Г., Егорова М.А. Становление нового Китая по материалам статей журнала «China Reconstructs» 239

АНТИЧНЫЙ МИР

Чисталев М.С. Interpretatio Romana: египетские религиозно-культурные топосы за пределами Египта 259

CONTENTS

IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

Kirillina S.A., Safronova A.L., Orlov V.V. The three faces of caliphatism: ideas about the caliphate among Islamic thinkers of the late 19th – early 20th century..... 137

Solovieva D.V. The bases of Sultan’s power in Alawi Morocco during XVII–XVIII centuries: the triumph of military force or the search of consensus? 159

Zabella A.A. China’s policy in the Arctic: ambitions and realities 172

Mikhailov S.A. Military, informational and psychological conflict in Rakhine: past, present and prospects for resolution 187

Duarte L. Imagined communisms: The Argentine new left and the construction of “Real Socialism” in the 1960s/1970s 201

ORIENTAL STUDIES

Grishina D.E. Early attempts to establish Korean diplomatic representation in Europe in the late 19th century 222

Liulina A.G., Egorova M.A. The rise of modern China based on the magazine “China reconstructs” 239

ANTIQUÉ WORLD

Chistalev M.S. Interpretatio Romana: Egyptian religious and cultural toposes outside Egypt..... 259

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2-137-158

EDN: UMHRYU

Научная статья / Research article

Три облика халифатизма: представления о халифате исламских мыслителей конца XIX — начала XX в.

С.А. Кириллина ✉, А.Л. Сафронова, В.В. Орлов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ kirillina@iaas.msu.ru

Аннотация. На конкретных примерах творческих и политических подходов мусульманских интеллектуалов и идеологов: Абд ар-Рахмана ал-Кавакиби (1855–1902), Абд ал-Азиза Джавиша (1876–1929) и Абул Калама Азада (1888–1958) — рассматривается процесс складывания образа халифата и института халифской власти в центральных и периферийных районах исламского мира в конце XIX и первой трети XX в. Упадок османского государства и успешная колонизация мусульманских территорий заставили арабских, турецких и индийских мыслителей дать оценку опыту Османов в деле использования халифской власти. Дискуссии вокруг обязанностей халифа и условий легитимности его правления подняли широкий спектр проблем политико-культурного и философского свойства. Они проявили противоречия в трактовке признаков единства мусульманской общины (*уммы*), возможности сосуществования халифата и секулярной модели общественного развития, перспектив преодоления зависимости мусульманских народов от иноверных колониальных держав. Выявлены поколенческие и региональные особенности в понимании интеллектуальной элитой мусульман задач и степени законности правления последних османских султанов. Показаны исторические аргументы и идеологические установки сторонников и противников концепции «арабского халифата» («халифата курайшитов»). Дана оценка этой концепции в свете геополитических перемен, последовавших за младотурецкой революцией 1908–1909 гг. и ослаблением османских властных порядков после Первой мировой войны. Проведенное исследование позволяет поставить под сомнение распространенный тезис о халифатизме как сравнительно стройной, логически обоснованной и не подверженной заметной эволюции мировоззренческой системе.

© Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: младотурецкая революция, Первая мировая война, Ближний Восток, Северная Африка, Южная Азия

Вклад авторов. Авторы внесли равный вклад в разработку концепции, сбор данных и их интерпретацию, подготовку статьи к публикации.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24.11.2024; принята к публикации 20.01.2025.

Для цитирования: Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Три облика халифатизма: представления о халифате исламских мыслителей конца XIX — начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 137–158. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-137-158>

The three faces of caliphatism: ideas of the caliphate among islamic thinkers of the late 19th — early 20th centuries

Svetlana A. Kirillina ✉, Alexandra L. Safronova, Vladimir V. Orlov

Lomonosov State University, Moscow, Russian Federation

✉ kirillina@iaas.msu.ru

Abstract. The study undertakes a rigorous examination of the process of shaping the image of the caliphate and caliphal institutions in the central and peripheral regions of Islamic world in the late 19th century and the first third of the 20th century. To this end, it provides a look at specific examples of creative and political thought, drawing upon the works of prominent Muslim intellectuals and ideologists — Abd al-Rahman al-Kawakibi (1855–1902), Abd al-Aziz Javish (1876–1929) and Abul Kalam Azad (1888–1958). The Ottoman Empire decline accompanied by successful colonization of Muslim lands by Europeans compelled Arab, Turkish, and Indian thinkers to refer to the Ottomans' experience in the caliphal capacity. Discussions around the duties of the Caliph and conditions for his legitimacy raised a wide range of political, cultural, and philosophical issues. They revealed contradictions in the interpretation of unity within Muslim community (umma), on the question on whether the caliphate and the secular model of social development could coexist, and on the prospects of overcoming the dependence of Muslim peoples on foreign colonial powers. The study sheds light on generational and regional features in the way Muslim intellectual elite regarded the tasks and legitimacy of the rule of the last Ottoman sultans. It reveals historical arguments and ideological attitudes of those who supported and opposed the concept of the 'Arab caliphate' ('caliphate of the Quraysh'), while the concept itself is evaluated in the light of geopolitical change that followed the Young Turk revolution of 1908–1909 and the Ottoman decline after the First World War. This study makes it possible to question the widespread view of caliphatism as a comparatively systematic, logically sound and non-evolving worldview system.

Keywords: Revolution of Young Turks, World War I, Middle East, North Africa, South Asia

Contribution. The authors have made an equal contribution to the development of the concept, collection of data and their interpretation, and preparation of the article for publication.

Contribution. The authors have made an equal contribution to the development of the concept, collection of data and their interpretation, and preparation of the article for publication.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: Received: 24.11.2024. Accepted: 20.01.2025.

For citation: Kirillina SA, Safronova AL, Orlov VV. The three faces of caliphatism: ideas about the caliphate among islamic thinkers of the late 19th — early 20th century. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(2):137–158. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-137-158>

Введение

Начиная с середины XIX в. мусульманский мир оказался под всевозрастающим нажимом социальной, политической и культурной модернизации. Активная колониальная экспансия европейских государств и ослабление Османской империи, сопровождавшие этот процесс, поставили перед мыслящей частью исламских обществ сложные и часто болезненные вопросы об отношении к своей традиции и ее полезности в дальнейшем развитии мусульманского мира. С окончанием Первой мировой войны (1918 г.) и военным, а затем и духовно-политическим крахом османского государства в фокусе общественных дискуссий оказалось и понятие о сущности и легитимности института халифата¹. При этом исламские политики и философы породили широкий спектр противоречивых, а порой и непоследовательных суждений о возможностях мусульманской общины (*уммы*) воспользоваться многовековым опытом халифского руководства, при том, что внедрение современности в общественную ткань традиционных обществ неизменно носило форсированный и принудительный характер, а не явилось следствием их естественного развития.

Рассмотрены три самобытных подхода к значимости поста халифа и набору задач, стоящих перед халифской властью османского падишаха. Эти подходы были разработаны исламскими мыслителями разных поколений, убеждений, ценностных ориентиров и географической принадлежности. Но всех их объединяло равнодушие к судьбе современной им османской государственности — важнейшего фактора политической идентичности населения Ближнего Востока и Южной Азии, идеологического прибежища в обстановке колониального господства иноверцев, фактора культурной преемственности с временами величия и могущества арабо-мусульманской цивилизации.

---

¹ *Халифат* (араб. *ал-хилафа*) — государство, возглавляемое халифом; период правления халифа. Халиф — первоначально титул светского и духовного главы арабского государства, позже — титул правителя, претендовавшего на роль главы мусульманского мира.

Абд ар-Рахман ал-Кавакиби: новая страница в прочтении халифатистской концепции

Халифатизм как идейно-политический конструкт получил новое измерение на исходе XIX в., когда достоянием арабской общественности стал быстро обретший широкую популярность трактат «Умм ал-кура» («Мать городов» — общепринятое в исламском мире название Мекки)². Его автор — сирийский идеолог Абд ар-Рахман ал-Кавакиби (1855–1902) — пополнил ряды ярчайших представителей Арабского Возрождения (ан-Нахды), выступив беспощадным критиком османского абсолютизма, что нашло выражение в другом его произведении «Табаи‘ ал-истибад ва масари‘ ал-исти‘бад» («Природа деспотизма и гибельность порабощения»)³, и горячим сторонником движения за арабский халифат с собственным видением института халифата как основы национального возрождения арабов. Эти две знаковые работы мыслителя увидели свет только на исходе его жизни, предопределив его всеарабскую славу.

Для того чтобы понять, почему творческое наследие Абд ар-Рахмана ал-Кавакиби, который фигурирует в истории арабской общественной мысли как «отец арабского национализма» [1. С. 64], по сути, ограничено всего двумя трудами, совершив краткий экскурс в его биографию.

Родился Абд ар-Рахман ал-Кавакиби в 1855 г. в Халебе, в уважаемой семье, давшей Сирии видных представителей исламской религиозной и административной элиты. Он получил образование на дому и в ряде учебных заведений, в т.ч. в основанной одним из членов его рода семейной школе (*ал-мадраса ал-Кавакибийя*). С юности проявив живой интерес к журналистике, Абд ар-Рахман уже в 20 лет взялся за редактирование местной еженедельной газеты «Ал-Фурат» («Евфрат»). Однако ее сугубо официозный характер и жесткость цензуры ал-Кавакиби тяготили, и вскоре он эту работу оставил, с головой погрузившись в административную, общественную и предпринимательскую деятельность. В качестве почетного секретаря он подключился к работе комитета по вопросам просвещения, заведовал типографией, исполнял обязанности шариатского судьи (*кади*) и инспектора табачной монополии «Режи», возглавлял сельскохозяйственный банк и городскую торговую палату, а в 1892 г. занял престижный пост главы муниципалитета (*ра’ид ал-баладийа*) Халеба. Значительный авторитет ал-Кавакиби как

² *Ал-Кавакиби, Абд ар-Рахман*. Умм ал-кура ли-с-сайид ал-Фурати ва хува дабт муфавадат ва мукарарат му’тамар ан-нахда ал-исламийа ал-мун’акид фи Макка ал-мукаррама санат 1316 (Мать городов господина ал-Фурати: протоколы переговоров и постановлений конгресса исламского возрождения, состоявшегося в благородной Мекке в 1316 г. по хиджре) (на араб. яз.). Каир : Ал-Матба’а ал-мисрийа би-л-Азхар, 1350 г. х. (1931).

³ *Ал-Кавакиби, Абд ар-Рахман*. Табаи‘ ал-истибад ва масари‘ ал-исти‘бад. Каир : Му’ассаса ал-хиндави, 2010 (на араб. яз.) / пер. на рус: *Аль-Кавакиби, Абд ар-Рахман*. Природа деспотизма и гибельность порабощения / пер. с араб. и исслед. З.И. Левина. М. : АН СССР, 1964.

управленца, радеющего за интересы горожан, и известность среди рядовых жителей города нашли отражение в данном ему халепцами почетном прозвище *абу ду'афа* («отец слабых», то есть «обездоленных»). Одновременно он пытался продолжить занятия журналистикой, однако в родном Халебе перспективы в этой сфере были не радужными. Первый еженедельник ал-Кавакиби — «Аш-Шахба'» (одно из наименований г. Халеп), на страницах которого он намеревался открыто высказываться на злободневные темы, был закрыт после второго номера (1877 г.), и две попытки возобновить его издание ни к чему не привели. В 1879 г. упорный ал-Кавакиби приступил к выпуску еще одной еженедельной газеты «И'тидал» (Умеренность) (имеется в виду проявление справедливости и ответственности), в передовице первого номера которой было заявлено, что она призвана «разоблачать злоупотребления чиновников, доводить до сведения властей общественные нужды и просвещать народ» [2. С. 34]. Однако и ее быстро постигла та же участь, что и ее предшественника.

Гиперактивный Абд ар-Рахман ал-Кавакиби все более раздражал власти своим критическим настроением и неумной инициативностью. Чтобы избавиться от нежелательного нарушителя спокойствия, его ложно обвинили в антигосударственной деятельности: за заключением в тюрьму последовал смертный приговор. При пересмотре в бейрутском суде высшей инстанции сфабрикованное дело на глазах развалилось: ал-Кавакиби был оправдан, однако понесенные им убытки крайне осложнили его и так шаткое финансовое положение. Когда же над ним нависла угроза нового витка преследований, ал-Кавакиби принял решение бежать из Сирии. В 1898 г. он тайно перебрался в Египет, который уже с 1882 г. контролировался англичанами, будучи фактически вне юрисдикции османского султана, и где действовала влиятельная группа сирийских интеллектуалов-эмигрантов. Здесь он обрел много сторонников и друзей, в число которых входил шейх Али Юсуф (1863–1913), издатель крупнейшей в тот период египетской газеты «Ал-Му'аййад» (Помощник). Именно в «Ал-Му'аййаде» публиковалась серия его заметок ярко выраженной антиабсолютистской направленности, которые, сведенные воедино, в 1901 г. вышли отдельным изданием, озаглавленным «Природа деспотизма и гибельность порабощения». Тем самым восточный корпус антитиранической литературы пополнился одним из самых ярких ее образцов, созданных в эпоху позднего Нового времени [3. С. 151]. В 1900 г. вышла в свет книга «Умм ал-кура», написанная ал-Кавакиби по большей части еще в Халебе и доработанная в Египте⁴.

Следуя по уже проторенному пути, дающему возможность достучаться до широкого читателя, ал-Кавакиби принял решение опубликовать эту работу частями в прессе, на этот раз в другом влиятельном периодическом

⁴ Обе книги ал-Кавакиби опубликовал под псевдонимом *ар-раххала К.* (путешественник К.).

издании — рупоре исламских реформаторов журнале «Ал-Манар» (Маяк)⁵. Личный же опыт ал-Кавакиби на поприще независимой журналистики оказался крайне скромным: он свелся к неудачным начинаниям на заре карьеры и к редким статьям, обычно анонимно публиковавшимся в различных арабских газетах в 1880–1890-х гг.

В последние два года жизни ал-Кавакиби много и увлеченно путешествовал по городам и весям мира ислама, побывал в Эфиопии, Сомали, верхом на верблюде пересек Аравийский полуостров. Однако поездка в Индию стала для 47-летнего ал-Кавакиби последней: он скоропостижно скончался в июне 1902 г. По утверждению его внука Са‘ада Заглула, составившего пространное жизнеописание своего прославленного деда, Абд ар-Рахмана ал-Кавакиби отравили, подсыпав яд в кофе, когда он проводил время с друзьями в каирском кафе «Стамбул»⁶. Мы никогда не узнаем, были ли причастны к его неожиданному уходу из жизни наймиты египетского хедива Аббаса Хилми II (правил в 1892–1914 гг.), чьи амбиции стать халифом ал-Кавакиби не поддержал, или тайные агенты султана-халифа Абдул-Хамида II (правил в 1876–1909 гг.), по приказу которого на произведения ал-Кавакиби был наложен строжайший запрет, хотя такие слухи циркулировали. Как пишет Ицхак Вейсман — автор свежей биографии ал-Кавакиби, по-видимому, он не пережил ишемический инсульт [2. С. 63].

Антиосманские настроения ал-Кавакиби, убежденного в том, что султанский деспотический режим неумолимо тормозит поступательное развитие арабского мира, во многом определили ход его мыслей по поводу будущности *дар ал-ислама*⁷, которую он связывал с возрождением халифата в его «арабской» интерпретации (о чем идет речь в трактате «Умм ал-кура»).

Описанные в нем события — плод неистощимой авторской фантазии, хотя все выглядит предельно правдоподобно. Перед нами 12 протоколов заседаний воображаемого конгресса, который якобы тайно прошел в Мекке в 1898 г. в период большого мусульманского паломничества — хаджа, а также устав основанной на нем Ассоциации по наставлению мусульман (*Джам‘ийа та‘лим ал-муваххидин*), обозначенной также как Общество «Умм ал-кура» (*Джам‘ийа Умм ал-кура*). Председательствует на конгрессе мекканец, а сам автор, пользуясь псевдонимом «ас-Сайид ал-Фурати» («Господин с Евфрата»), берет на себя функции организатора и секретаря этого форума.

⁵ Публикации в «Ал-Манаре» с апреля 1902 по февраль 1903 г. После повторного издания трактата в виде книги в 1904 г. с комментариями редактора «Ал-Манара» Мухаммада Рашида Риды (1865–1935). Она неоднократно переиздавалась.

⁶ *Ал-Кавакиби, Са‘ад Заглул*. Абд ар-Рахман ал-Кавакиби: ас-сира аз-затийа (Абд ар-Рахман ал-Кавакиби: автобиография). Бейрут : Биссан, 1998. С. 181. См. также: [4. С. 85].

⁷ *Дар ал-ислам* («обитель ислама») — территория, на которой, согласно нормам мусульманского права, осуществляется верховенство шариата как юридической системы.

Если схематично представить структуру имажинарного халифата в трактовке ал-Кавакиби, она выстраивается следующим образом⁸. Центр халифата и штаб-квартира халифа — священная для всех последователей ислама Мекка. Во главе халифата стоит непременно араб-курайшит, представляющий родное племя пророка Мухаммада. Принадлежность халифа к сословию потомков Пророка — *шарифов*, традиционно пользующихся глубоким уважением в мусульманском мире, по мысли ал-Кавакиби, должна была укрепить авторитет главы обновленного халифата, акцентируя внимание на его духовной связи с Посланником Аллаха.

Халифский пост не носит наследственный характер. Определенный в три года срок пребывания халифа на этом посту может быть официально пролонгирован. Однако халиф может быть смещен раньше срока в случае нарушения им властных полномочий или явной неспособности справиться с возложенными на него обязанностями.

Сфера территориальной административной юрисдикции халифа ограничивается родиной ислама — Хиджазом, но и в его границах глава халифата не обладает неограниченной полнотой власти, поскольку его деятельность контролирует Специальный консультативный совет Хиджаза (*Шура хасса хиджазийя*). В рамках *дар ал-ислама* халиф легитимен только как верховный религиозный авторитет, что подтверждается упоминанием его имени в мусульманской проповеди — *хутбе* на первом месте. Халиф лишен права непосредственного вмешательства в политику и административные дела входящих в халифат султанатов и эмиратов, ограничиваясь лишь ролью эксперта-консультанта (таким образом религия отделяется от политики). В помощь халифу формируется специальный орган — Общемусульманский консультативный совет (*Хай'а аш-шура ал-'амма*) в составе 100 представителей стран распространения ислама, который собирается ежегодно перед хаджем и рассматривает только вопросы религиозной политики. В его функции также входит избрание халифа и продление его полномочий каждые три года. Сам же халиф наделяется формальным правом инвеституры глав мусульманских государств — султанов, эмиров и т.п.⁹

По задумке ал-Кавакиби, возрожденный халифат, базу которого на первых порах составляют эмираты Аравийского полуострова, со временем должен преобразоваться в полноценный Исламский союз (*ал-иттихад ал-исламий*) — альянс мусульманских государств. Таким образом, мы имеем дело не с единым государственным образованием, а с «конфедеративным» халифатом, в котором политическая власть сохраняется за правителями входящих в него территорий. Что же касается народов, которые вбирает в себя

⁸ Пошаговый план политического возрождения мусульманского мира изложен в «Умм ал-кура» в форме проекта, предложенного неким присутствовавшим на конгрессе эмиром (Умм ал-кура... С. 198–210).

⁹ Ал-Кавакиби, Абд ар-Рахман. Умм ал-кура... С. 207–209.

гипотетический халифат, то Абд ар-Рахман ал-Кавакиби оценивает их, взяв за основу их отличительные «расовые» качества. Турки вносят вклад в достижение исламского единства как кураторы политико-дипломатической сферы, египтяне — как модераторы общественной активности, ответственными за прогресс экономики и науки становятся иранцы и индийцы, а гарантами военной мощи — афганцы и жители Кавказа вкупе с марокканцами и негроидными народами Черной Африки. Роль же духовных наставников мыслитель возлагает на арабов, проживающих в колыбели ислама — Аравии, где расположены главные мусульманские святыни. При этом ал-Кавакиби особо подчеркивает непреходящую значимость Хиджаза как места, где «засиял свет ислама», и хиджазцев как «фундамента консолидации всех мусульман»¹⁰.

Призыв вверить халифские функции арабу стал краеугольной идеей концептуальных построений ал-Кавакиби. Идеолог настойчиво проводит мысль о том, что арабы первенствуют в семье мусульманских народов, и на них лежит ответственная миссия сплотить *дар ал-ислам* и вдохнуть новую жизнь в институт халифата, незаконно узурпированный Османами. Именно страстная защита ал-Кавакиби неоспоримых достоинств арабов принесла ему славу предтечи арабского национализма. Сам же реконструированный халифат должен был помочь миру ислама выбраться из глубокого упадка и преодолеть поразивший его экзистенциальный кризис.

Другой важной характеристикой халифатистских воззрений ал-Кавакиби стала авторская интерпретация светского по своей природе принципа разделения религии и политики как поиска некоего срединного пути, который позволил бы и политике, и религии занять достойное место в возрождении ислама.

Намечая первые шаги на пути к мусульманскому единению и формированию полноценного халифата на просторах мира ислама, включая державу Османов, Абд ар-Рахман ал-Кавакиби ратовал за широкие административные преобразования на основе децентрализации Османской империи, которая, по его искреннему убеждению, была оплотом деспотизма и царством произвола.

Абд ар-Рахман ал-Кавакиби не раз попадал под огонь критики своих оппонентов — сторонников сохранения османского халифата, которому история отвела еще почти четверть века (вплоть до его отмены в 1924 г. республиканским руководством Турции). Апологетам султана-халифа Абдул-Хамида II арабское халифатистское движение виделось как империалистический проект Британии, следовавшей в своей ближневосточной политике неизменному принципу «разделяй и властвуй». Так, заметный египетский политик проосманской ориентации Али Фахми Мухаммад (1870–1926), хотя и ценил

¹⁰ Ал-Кавакиби, Абд ар-Рахман. Умм ал-кура... С. 192–195.

ал-Кавакиби как «независимого мыслителя и уважаемого ученого», тем не менее ставил ему в вину его простодушие и отсутствие здравого политического мышления, не позволяющего адекватно оценить реальную ситуацию в исламском мире. Это, по уверению Али Фахми, позволило британцам «соблазнить» ал-Кавакиби и привлечь его на свою сторону, а самому мыслителю — нанести серьезный ущерб интересам *дар ал-ислама*¹¹.

Допускал ли ал-Кавакиби возможность кооперации в своих интересах с той или иной европейской державой? Вероятно. По крайней мере известно о его контактах с итальянцами в период его пребывания в Египте [5. Р. 228–229]. Время же доказало, что Абд ар-Рахман ал-Кавакиби по праву занял достойное место в авангарде религиозных и политических мыслителей своего времени, в т.ч. и как автор детально проработанного халифатистского проекта, сколь иллюзорного, столь и жизнеутверждающего.

Абд ал-‘Азиз Джавиш: богослов-модернист и защитник османского халифата

В иной перспективе развивал свои представления о роли халифата в исламской истории Абд ал-‘Азиз Джавиш (Шавиш) (1876–1929). Его происхождение и полная перипетий судьба связали в одно целое несколько провинций Османской империи. Он родился в Александрии в семье тунисского мигранта и турчанки и успешно окончил исламские учебные заведения Египта — Ал-Азхар и Дар ал-‘Улум, а затем колледж Боро-Роуд в Лондоне. Довелось ему преподавать и в Кембриджском университете. На родине Джавиш занялся журналистикой и в условиях британской оккупации вместе с влиятельным египетским политиком Мухаммадом Фаридом (1868–1919) вступил в Национальную партию (*Ал-Хизб ал-ватаний*). Наряду с основателем партии Мустафой Камилем (1874–1908) Абд ал-‘Азиз Джавиш подчеркивал связь между ее консолидацией и интересами османского государства [6. С. 6]. После кончины Мустафы Камиля Абд ал-‘Азиз Джавиш возглавил редакцию партийной газеты «Лива» (Знамя), ставшей главной антибританской платформой в Египте [7. Р. 105–106]. Под его началом работало более 150 сотрудников, а тираж «Лива» достигал 18 тыс. экземпляров [1. С. 334]. Принципиальная критика колониальной политики Британии стоила Джавишу тюремного срока и высылки в Стамбул. Там он редактировал проосманские газеты

¹¹ В 1911 г. Али Фахми писал по этому поводу: «Британцы весьма хороши в обольщении наивных ученых вроде него ... [но] сегодня [османскому халифату] не стоит опасаться соперников. Тем не менее иностранные правительства сеют разногласия между нами и настраивают нас друг против друга, чтобы ... нарушить наше единство». — *Али Фахми Мухаммад*. Ал-Хилафа ал-исламийа ва-л-джамийа ал-‘усманийа (Исламский халифат и османская общность) // *Hilafet Risaleleri*. Vol. 3. Istanbul : Klasik Yayınları, 2003. Р. 96–97.

«Ал-Хилал» (Полумесяц) и «Ал-Хиддайя» (Коршун), выходившие на арабском языке [8. С. 608]¹².

Воззрения Абд ал-‘Азиза Джавиша на сущность и легитимность института халифата складывались длительно и оказались противоречивыми. Обращаясь к задачам халифа в отношении общины, тунисско-египетский богослов и журналист придерживался модернистских позиций. Джавиш подчеркивал ограниченность духовной власти падишаха и заявлял о приоритете его общественно-политической функции. «Быть халифом, — утверждал он в трактате «Ал-Хилафа ал-исламийя», — означает иметь способность принимать необходимые меры для ведения войн, сбора и обучения солдат, для защиты религии и сохранения мусульманского общества. Следовательно, халиф должен обладать достаточными навыками и властью, чтобы управлять делами государства и общества. Он также обязан владеть политическим искусством и являть мастерство в применении исламских принципов правления»¹³.

Этот подход Джавиша вполне совпадал с идейно-политическими установками лидеров младотурок, которые после революции 1908–1909 гг. воспринимали институт халифата не как божественную данность, а как формально-юридический договор между стамбульским падишахом и подданными. Подобным образом о миссии султана-халифа рассуждали и арабские националистические мыслители. Например, оппонент Джавиша Мухаммад Рашид Рида призывал к переформатированию идеи халифата в условиях превосходства Запада над миром ислама. Однако он не меньше Джавиша склонялся к модернистскому толкованию задач османского халифа. Рида утверждал, что хотя халифат и был «санкционирован религией», но халиф не властен над верованиями мусульман или их отношениями с Аллахом. Его авторитет у мусульман уступает престижу папы римского у католиков. Поэтому халиф, по мнению Риды, должен стать современным правителем, который правит на основе конституции¹⁴. Его власть будет ограничена мирскими делами, и ему придется давать подданным отчет о своей политике¹⁵.

Критикуя отдельные стороны халифского правления Османов, Абд ал-‘Азиз Джавиш на протяжении всей своей карьеры был его последовательным и твердым защитником. Многолетнее противостояние британскому

¹² С 90-х годов XIX в. антибританские настроения в Египте соединились со стремлением хедива Аббаса Хилми II к статусу халифа, что привело к неафишируемому конфликту между Стамбулом и Каиром [9. Р. 25–29].

¹³ *Jawish A. Hilafet-i İslamiye // Hilafet Risaleleri*. Vol. 4. Istanbul : Klasik Yayınları, 2004. P. 251.

¹⁴ *Рида, Мухаммад Рашид*. Ал-Хилафа, ау ал-Имама ал-‘узма (Халифат, или Верховный имамат). Каир : Ал-Матба‘а ал-джадида, 1975. С. 142–143.

¹⁵ *Рида, Мухаммад Рашид*. Зафар ат-турк би-л-йунан ва саллухум ‘аршат даулат ‘Усман ва джа‘лухум ал-хилафа ал-исламийя султа руханийя адабийя (Триумф греков над турками, похищение ими престола османского государства, и превращение ими исламского халифата в морально-духовное господство) // Ал-Манар. 1922. Т. XXIII. № 9. С. 717.

присутствию в Египте убедило тунисско-египетского алима в необходимости защищать халифское достоинство падишаха как от происков европейских колонизаторов, так и от претензий арабского национального движения.

В начале Первой мировой войны правительство и колониальные круги Франции в лице основателя французского протектората в Марокко Л.-Ю. Лиотэ (1854–1934) и министра иностранных дел Т. Делькассе (1852–1923) разработали проект «магрибинского халифата». Смысл этого плана состоял в подрыве легитимности халифского правления Османов и демонстрации покровительства исламу со стороны Франции. На роль халифа Лиотэ выдвигал правителя Дальнего Магриба (Марокко) — султана Мулай Йусуфа ибн Хасана (1912–1927 гг.). Лиотэ желал сохранить на северо-западе Африки самобытный традиционный уклад и избавить культуру и общество Марокко от разрушений, сопровождавших колонизацию Алжира [10. С. 141]. Он вновь возвысил идею построения колониальной империи, которая «пленила его как идеалиста, романтика, гуманиста и миссионера» [11. С. 53].

Логика в разработке такого проекта присутствовала. Мулай Йусуф принадлежал к Алаутской династии, происходившей от пророка Мухаммада, а почитание *шарифов* в Марокко и их политическая активность были нормой для местного общества [12. С. 93–94]. В то же время в XVII–XIX вв. марокканские властители неизменно оберегали свою независимость, тогда как Стамбул нередко оспаривал их суверенитет [13. Р. 108–109]. Поэтому в 1914–1918 гг. ни идеи панисламизма, ни младотурецкие агенты, направленные в Марокко для антиколониальной подрывной работы, не встречали поддержки у местных городских и племенных верхушек, не говоря уже об официальных алаутских структурах [14. С. 17]. К тому же мусульмане Северной Африки слабо реагировали на призыв султана Мехмеда V (1909–1918 гг.) к джихаду против Антанты, а британское командование планировало на зиму 1915–1916 гг. Дарданелльскую операцию с целью штурма Стамбула и разгрома Османской империи. Сходными доводами руководствовалась и разведка Великобритании, которая склоняла на сторону Антанты шарифского лидера Мекки Хусайна ибн ‘Али (1853–1931) и его сыновей. В 1916 г. они начали в Хиджазе восстание против власти Османов, ориентируясь не только на идею «арабского королевства», но и на лозунг «арабского халифата» [15. Р. 182–183; 16. С. 129–130].

Отвечая на эти вызовы, Абд ал-‘Азиз Джавиш в своих исследованиях и пропагандистских работах защищал концепцию османского халифата как единственной законной формы, которую могла получить исламская государственность на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Его аргументация заслуживает внимания как пример одновременно традиционно-богословского и политического мышления мусульманского интеллектуала начала XX в.

Осуждая сотрудничество Мулай Йусуфа с французами, Джавиш обвинил его в «разобщении халифской власти», что, по его мнению, не допускалось ни в Коране, ни в пророческой традиции. Он критиковал династии

Фатимидов (X–XI вв.) и Альмохадов (XII–XIII вв.) за присвоение статуса халифов и соперничество с Аббасидским халифатом. Это, как полагал тунисско-египетский богослов, и привело средневековую мусульманскую общину (*умму*) к распаду¹⁶. Также он ссылался на дискуссию о кандидатуре первого халифа, которая велась между мусульманами, уверовавшими в Мекке (*мухаджирами*), и их сотоварищами из Медины (*ансар*). Последние предложили избрать сразу двух халифов, по одному от каждой группы, но большинство отвергло эту идею и избрало Абу Бакра¹⁷. Наконец, Абд ал-‘Азиз Джавиш приравнивал французских колониалистов, манипулировавших государем Дальнего Магриба, к язычникам Мекки, всемерно вредившим мусульманам на раннем этапе истории общины. Он напоминал читателю о хадисе, в котором пророк Мухаммад предписал мусульманам не сотрудничать с язычниками, и предостерег магрибинцев от доверия к правительству, которое, по его мнению, было не меньшим врагом ислама, чем мекканцы начала VII в.¹⁸

В том, что касалось восстания Хусайна ибн ‘Али и его сыновей, Джавиш был полностью на стороне Стамбула. Он считал, что вооруженный бунт против османского халифа в критический момент мировой войны явился грубым и возмутительным нарушением заповедей Аллаха и установленных шариатских норм¹⁹. Кроме того, богослов и журналист полагал, что притязания арабийского властителя на власть были еще и бессмысленны, так как он не обладал авторитетом у мусульман вне Аравии. В то же время, по мнению Абд ал-‘Азиза Джавиша, османский султан извлекал законность своего халифата из военной и политической силы империи, достаточной для объединения исламского мира. «Мусульмане знают, — писал тунисско-египетский мыслитель, — что Мехмед V не таков, каковы марионетки, назначенные и защищаемые Францией в Магрибе или Великобританией в Египте в качестве ложных халифов ... Это он — истинный султан, сын султанов и владыка всех мусульман. Враги не понимают, что подлинные потомки Пророка — это те, кто лучше всех знает, кто на земле заслуживает быть халифом»²⁰.

Отдельным объектом богословской и идеологической критики Джавиша послужил знаменитый «хадис о курайшитах» («Имамы да будут из курайшитов»). На этом высказывании Пророка строили свои аргументы арабские

¹⁶ Jawish A. Hilafet-i İslamiye // Hilafet Risaleleri. Vol. 4. Istanbul : Klasik Yayınları, 2004. P. 259.

¹⁷ Jawish A. Hilafet-i İslamiye // Hilafet Risaleleri. Vol. 4. Istanbul : Klasik Yayınları, 2004. P. 259–260.

¹⁸ Jawish A. Hilafet-i İslamiye // Hilafet Risaleleri. Vol. 4. Istanbul : Klasik Yayınları, 2004. P. 262.

¹⁹ В частности, Джавиш ссылался на коранический *аййат*: «Держитесь за вервь Аллаха все, и не разделяйтесь, и помните милость Аллаха вам, когда вы были врагами, а Он сблизил ваши сердца, и стали вы по Его милости братьями!» [3: 103]. В целом, появление претендента на халифат при действующем халифе считалось в мусульманском мире дурным предзнаменованием, а средневековые юристы настаивали на том, что даже несправедливая власть в общине предпочтительнее анархии, в соответствии с хадисом: «Имам-деспот лучше смуты» [17. С. 141].

²⁰ Jawish A. Hilafet-i İslamiye // Hilafet Risaleleri. Vol. 4. Istanbul : Klasik Yayınları, 2004. P. 255.

халифатисты и сторонники зарождавшегося в начале XX в. арабского националистического движения. Популяризация ими этого хадиса позволяла им использовать священное предание как инструмент в борьбе против халифского статуса османского государя. В их представлениях члены Османской династии, не будучи ни представителями племени курайш, ни даже арабами, не могли претендовать на значимую роль в мусульманской общине. В то же время, начиная с середины XIX в. этот хадис нередко использовался европейскими колониальными администрациями для принижения важности власти османского халифа в их мусульманских владениях [18. Р. 20–21].

Джавиш задался целью оспорить содержательную часть «хадиса о курайшитах». Цепь передатчиков (*иснад*) этого хадиса была убедительной, и он был признан достоверным (*сахих*) сообщением о словах Пророка. В силу этого «хадис курайшитов» не подлежал опровержению на основе сомнений в его достоверности. Поэтому Абд ал-‘Азиз Джавиш пошел по пути его реинтерпретации. В своем трактате «Ал-Хилафа ал-исламийа» он доказывал, что при всей подлинности этих слов Мухаммада они утратили актуальность для мусульман. Важным условием легитимности власти халифа в исламе признавалось наличие у него авторитета и военно-политической мощи, достаточных для поддержки общины и защиты ее интересов. Поскольку в начале XX в. племя курайш уже не обладало таким авторитетом и силой, ограничения на замещение руководства общиной, намеченные Мухаммадом в VII в., Джавиш считал неприменимыми к текущему историческому моменту²¹. Тем самым нейтрализовался важный элемент антиосманской пропаганды и правящие круги Стамбула приобретали противовес — как заявлениям арабских халифатистов и националистов, так и колониальному политическому дискурсу.

Верность османским имперским идеалам Абд ал-‘Азиз Джавиш пронес через всю Первую мировую войну. Он участвовал в деятельности «Особого формирования» (*Тешкилят-и махсуса*) — младотурецкого разведывательного и пропагандистского агентства, содействовал министерству иностранных дел Германии в издании журнала «Мусульманский мир» (*Ал-‘алам ал-исламий*), в 1916–1918 гг. вместе с другими магрибинскими мигрантами под руководством Мухаммада Баш Хамбы (1881–1920) организовал в Женеве работу антиколониального издания «La Revue du Maghreb» [20. Р. 51–52]. Даже после капитуляции империи (1918 г.) Джавиш продолжил трудиться в Стамбуле на благо республиканского руководства Турции. Он возглавил «Научный комитет» (*Билимсель комите*), который ведал организацией религиозных дел в республике и поддерживал связи с мусульманской общественностью Ближнего Востока и Северной Африки. Только когда Мустафа Кемаль

²¹ *Jawish A. Hilafet-i İslamiye // Hilafet Risaleleri. Vol. 4. Istanbul : Klasik Yayınları, 2004. P. 246–249.* Подобным же образом (Османской империи требуется сильная власть и авторитетная идеология) обосновывали необходимость создания турецкой политической нации ранние младотурки [19. С. 34].

(1881–1938) и его окружение в 1923 г. приняли решение упразднить османский халифат²², Джавиш вернулся в Каир. Здесь он работал в королевском Министерстве образования и был избран вице-президентом Ассоциации мусульманской молодежи [21. Р. 96–97].

В эти годы панисламизм и имперская идея, столь дорогие его сердцу, терялись в бурной атмосфере государственностроительства и антиколониальной борьбы. Превращение османских руин в исламскую сверхдержаву оказалось несбыточной мечтой, и бывшие политические травмы заставили Абд ал-‘Азиза Джавиша отстраниться от дискуссий вокруг идеи халифата²³. Его модернистские представления о власти в исламе пережили болезненную деполитизацию [23. С. 44]. Как завещание звучат его слова, написанные в годы его философского расцвета: «Пост халифа — это не должность, на которой можно ожидать благословений и милости с небес. Скорее, это учреждение, которое призвано вступаться за права [мусульман], применять наказания, защищать от угнетения, принимать необходимые меры и проводить современную политику, полезную для исламского общества»²⁴.

Абул Калам Азад: от «апостола халифатизма» до «апологета светского национализма»

Судьба халифата имела огромное значение для мусульман Британской Индии — как в плане отстаивания интересов мусульманской общины перед британскими колониальными властями, так и в поисках политической консолидации исторически раздробленной в этническом, конфессиональном и территориальном отношении мусульманской общины Индостана [24. С. 294–295].

Накануне и в годы Первой мировой войны в мусульманской общине Британской Индии появились идеологи панисламизма, ратовавшие за общность интересов последователей ислама во всех ареалах его распространения (Абул Калам Азад, Номани Шибли, Мухаммад и Шаукат Али, Зафар Али-хан и др.) [1]. Эти веяния среди мусульманских лидеров были обусловлены разочарованием мусульман в курсе умеренного конституционализма, проводимого

²² Последний османский халиф Абдул-Меджид II (1868–1944) после ликвидации султаната (1922 г.) оказался единственным халифом в истории империи, не носившим титул султана. Но в 1924 г. декретом Великого национального собрания Турции халифат был также упразднен, и Абдул-Меджид покинул бывшую османскую метрополию.

²³ Видные магрибинские алимь и политики — Абд ал-Хамид бен Бадис (1889–1940), Абд ал-‘Азиз ас-Са‘алиби (1876–1944), Мухаммад ибн Абд ал-Карим ал-Хаттаби (1883–1963) — активно переписывались с организаторами Всеобщего исламского конгресса за халифат в Каире (1926 г.) и готовились к участию в нем [22. Р. 89, 96–98]. Между тем Джавиш, проживавший в Каире, не участвовал в этом мусульманском форуме.

²⁴ *Jawish A. Hilafet-i İslamiye // Hilafet Risaleleri. Vol. 4. Istanbul : Klasik Yayınları, 2004. P. 251.*

Сайид Ахмад-ханом, лидером алигархистов²⁵, и Ага-ханом, основателем Мусульманской лиги²⁶, предполагавшем лояльность британским властям. Формирование радикального антиколониального направления сопровождалось растущим интересом к религии, что повлекло за собой приведение всего образа жизни его последователей в соответствие с нормами ислама.

Абул Калам Азад (1888–1958)²⁷, крупнейший представитель панисламских настроений в среде мусульман, впоследствии видный конгрессист, сподвижник Джавахарлала Неру и Мохандаса Карамчанда Ганди, сторонник единой и неделимой Индии, начинал свой политический путь как сторонник панисламизма и халифатизма. Этому периоду его жизни посвящена значительная историография [25–29]. Обстоятельства его жизни предопределили его интерес к исламу на Ближнем и Среднем Востоке: он родился в Мекке, провел там первые семь лет своей жизни, получил образование в Ал-Азхаре, много путешествовал по Арабскому Востоку, бывал в Турции и Иране, слыл знатоком арабской и персидской литературы, владел арабским, персидским, турецким языками, имел глубокие познания в учении и истории ислама. Азад родился в мусульманской семье, имевшей родственные связи как в Индии, так и в Хиджазе и строго соблюдавшей все религиозные предписания. Первым наставником Азада в постижении ислама стал его отец. Позднее семья обосновалась в Калькутте, что не прервало связи Азада с ближневосточным кругом общения.

Он имел тесные взаимоотношения с видными мусульманскими деятелями *дар ал-ислама*²⁸. Дж. Неру, высоко ценивший Абул Калама Азада, писал о его роли в халифатистском движении: «Впитав традиции ислама и обладая многочисленными личными связями с видными мусульманскими вождями и реформаторами Египта, Турции, Сирии, Палестины, Ирака и Ирана, он находился под сильным влиянием политического и культурного развития в этих странах. Благодаря своим произведениям, он был известен в странах ислама, вероятно, больше, нежели любой другой индийский мусульманин... Он лично наблюдал рост национализма в Турции и в других странах ислама и применил этот опыт к Индии; в индийском националистическом движении

²⁵ Алигархистское движение возникло после основания колледжа в Алигархе (1875 г.), в котором была воплощена идея современного мусульманского образования. Лидеры алигархистов были приверженцами реформирования ислама, при этом они придерживались идеи налаживания отношений с британской колониальной администрацией.

²⁶ Мусульманская лига была создана в 1906 г. как организация, призванная представлять интересы многомиллионной мусульманской общины на общендийском уровне. Лига проявляла лояльность в отношении британских властей и выступала с идеей введения для мусульман специальной курии на выборах в законодательные собрания.

²⁷ Полное имя: Abul Kalam Ghulam Muhiyuddin Ahmed bin Khairuddin Al-Hussaini Azad.

²⁸ Деятельность Азада не осталась незамеченной на Ближнем Востоке: в Каире в 1992 г. был открыт индийско-египетский культурный центр, носящий его имя (Maulana Abul Kalam Azad Center for Indian Culture in Egypt).

он видел общие черты с националистическим движением в этих странах»²⁹. Особое влияние оказали на него взгляды мусульманских реформаторов Мухаммада Абдо и Джамаль ад-Дина Афгани [30. Р. 69–70].

В поисках идеи мусульманской общности обращение к идейному наследию и современной общественной мысли стран Ближнего и Среднего Востока послужило источником вдохновения для Азада и индийских мусульман в целом, сыграло заметную роль в становлении мусульманских общественно-политических движений и этноконфессионального самосознания в южноазиатском регионе. Мусульманские движения в Южной Азии конца XIX — начала XX в. рассматривались Азадом прежде всего в контексте политической активности, направленной на консолидацию разрозненных групп населения, исповедующих ислам, привития разнородным этническим группам, разбросанным по просторам субконтинента, идеи единоверия. Значительное воздействие на его идейное развитие оказали панисламистские идеи, распространившиеся в южноазиатском регионе в последней четверти XIX в., которые помогали, по мысли Азада, преодолевать комплекс отдаленности от традиционных центров мусульманской культуры на Ближнем и Среднем Востоке и потери некогда высокого статуса в самой Южной Азии в результате крушения Могольской державы³⁰.

Азад считал, что политическое развитие Османской империи имело определяющее значение для формирования понятия мусульманской идентичности в Британской Индии. Поиски путей консолидации мусульман Южной Азии привели к складыванию проосманского направления в общественно-политической мысли последователей ислама в Британской Индии. На Османскую империю были ориентированы самые разные мусульманские движения и организации [31]. Расчленение территорий Османской империи вызвало в Индии опасения по поводу судьбы халифа как главы суннитов и хранителя мусульманских святынь, что соединило в себе панисламские и антибританские мотивы и стало составной частью борьбы индийских националистов за создание независимой государственности [32–34].

Азад в своих трудах, прежде всего в работе «Проблема халифата и святыни ислама», приводит доказательства значимости обращения индийских мусульман к авторитету османской духовной власти. Он указывает, что после краха государства Великих Моголов исламская община утратила содействие верховного правителя-мусульманина и стала ощущать свое бесправие в среде индуистского большинства. О значимости приобщения индийских мусульман к исламскому миру за пределами Индостана пишет также Дж. Неру в книге «Открытие Индии»: «Могольские правители не признавали ни халифа, ни других духовных владык за пределами Индии. Только после полного

²⁹ Неру Дж. *Открытие Индии* / пер. с англ. Книга вторая. М. : Изд-во политической литературы, 1989. С. 105.

³⁰ *Azad Abul Kalam. India Wins Freedom: The Complete Version. Hyderabad : Orient Longman, 1988. Р. XII.*

краха Могольской империи и прихода XIX столетия имя турецкого султана начало упоминаться в индийских мечетях»³¹.

Абул Калама Азада называли «теоретиком халифатистского движения», так как он видел своей задачей создание неопровержимой системы аргументов, доказывающих легитимность прав османского султана на звание халифа. «Согласно нормам шариата, мусульмане должны иметь халифа и имама. Халифом является тот независимый мусульманский правитель, который способен защитить мусульман и их земли от поплзновений врагов ислама и утвердить в них исламские законы. Таким правителем является турецкий султан», — так подытоживает свои умозаключения, касающиеся теологической дискуссии среди богословов-улама о халифате, маулана³² Абул Калам Азад [35. Р. 14–15].

Азад по праву считался одним из крупнейших представителей мусульманской религиозно-философской мысли Южной Азии. Ему принадлежит перевод на язык урду Корана («Тарджуман ал-Кур'ан»), который он снабдил обширными комментариями.

Однако маулана Азад был не только ученым-теологом. Абул Калам Азад вел последовательную антибританскую агитацию в возглавляемом им журнале «Ал-Хилал» («Полумесяц»). За это вскоре после начала войны он был посажен в тюрьму, где провел четыре года (до конца 1919 г.). В общей сложности Азаду как неизменному участнику впоследствии всех гандистских кампаний гражданского неповиновения было суждено провести в тюрьмах Британской Индии долгих 11 лет [36. С. 57]. Мухаммад и Шаукат Али также находились под арестом после поездки в пуштунские районы в 1915 г.

Лидеры халифатистов (Абул Калам Азад, братья Мухаммад и Шаукат Али и др.) поддержали «Заговор шелковых писем» — проект подготовки вооруженного антианглийского восстания среди пуштунских племен при содействии Германии и Афганистана. Этот проект был разработан в недрах Деобандского *дар ал-улама*³³ под руководством его главы Махмуда ал-Хасана и его сподвижника Убайдуллы Синдхи.

Халифатистское движение усилилось после нападения Англии в 1919 г. на Афганистан. В сентябре 1919 г. по инициативе Азада в Лакхнау состоялась первая общеиндийская халифатистская конференция. На ней было принято решение о создании Всеиндийского халифатистского комитета, одобрен его устав и избрано руководство. В мероприятиях халифатистов активно

³¹ Неру Дж. Открытие Индии : пер. с англ. Книга вторая. М. : Изд-во политической литературы, 1989. С. 100.

³² Маулана — (араб. букв. наш господин), титул мусульманских ученых-богословов, принятый среди последователей ислама в Южной Азии.

³³ Деобандское движение развивалось на базе Деобандского *дар ал-‘улама* (араб. букв. дом знаний) — крупнейшего в Индостане мусульманского религиозного и академического центра, основанного богословами-улама в 1867 г., и отстаивало во главе со своим лидером Махмудом ал-Хасаном традиционалистский комплекс ценностей.

участвовал Мохандас Карамчанд Ганди, вернувшийся в Индию из Южной Африки. Именно на конференции халифатистов, состоявшейся в Дели в ноябре 1919 г., он впервые огласил свою антиколониальную программу «ненасильственного несотрудничества», основанную на проведении массовых общиндийских кампаний гражданского неповиновения британским властям. Подключение халифатистов к кампании гражданского неповиновения, проводившейся в начале 1920-х гг., и тесные связи Ганди с лидерами этого движения создавали предпосылки для совместных действий двух основных конфессий — индусов и мусульман. В сентябре 1920 г. Калькуттская сессия Индийского национального конгресса (ИНК, Конгресса) поддержала движение халифатистов³⁴. Азад и его сподвижники принимали участие во всех гандистских начинаниях, стали проповедниками индусско-мусульманской общности в Южной Азии, в отличие от Мусульманской лиги, все более отдалявшейся от Конгресса.

Представления о единстве мусульман всего мира после прекращения существования Османской империи и упразднения халифата сменились у Азада интересом к идее возрождения халифата в его «арабской» интерпретации, связанной с развитием арабского национализма на территориальной основе. Однако он не стал поддерживать тех представителей арабского национализма, которые выступали за выдвижение кандидатуры будущего халифа из среды арабов-курайшитов. Идеи арабского национализма привели его к размышлениям об индийском национализме, основанном на общности территориальной принадлежности, сделав его приверженцем идеи иного рода единения — индусско-мусульманского братства в рамках единой и неделимой Индии. Он стал последовательным противником идеи раздела Британской Индии на два доминиона по религиозному принципу и образования Пакистана как государства индийских мусульман. Азад отошел и от участия в дальнейшем развитии движения за возрождение всемирного халифата, в котором продолжали принимать участие многие индийские мусульмане-халифатисты, и потерял интерес к участию в панисламских конгрессах в Каире, Мекке и Иерусалиме.

Абул Калам Азад прочно связал свою жизнь с Конгрессом и Индией, в решающий период борьбы за независимость (1940–1946 гг.) став председателем ИНК. Ему принадлежат слова: «Если бы ангел спустился с небес и с высоты Кутб-минара провозгласил, что Индия достигнет свараджа за счет сохранения индусско-мусульманского единства, я бы отказался от такой независимости и ни за что не пожертвовал бы отношениями индусов и мусульман, ибо если отсрочится сварадж, пострадает Индия, если же пострадает индусско-мусульманское единство, пострадает все человечество»³⁵.

³⁴ *Azad Maulana Abul Kalam*. India Wins Freedom. An Autobiographical Narrative. Bombay; Calcutta; Madras; New Delhi : Orient Longman, 1959. P. 51–52.

³⁵ Цит. по: *Muzammiluddin Syed*. Maulana Abul Kalam Azad (1888–1958): A Revolutionary Journalist // Boloji. 19.03.2005. URL: <https://www.boloji.com/articles/936/>

Маулана Абул Калам Азад, оставшийся в ИНК после раздела и занявший пост министра образования в правительстве Джавахарлала Неру, был по достоинству оценен политическими кругами в современной Индии: он неизменно включается в «первую пятерку» создателей основ независимой государственности на базе идей общеиндийского национализма, наряду с М.К. Ганди, Дж. Неру, В. Пателем, С.Ч. Босом. День его рождения (11 ноября) отмечается в Индии как день образования. В Пакистане же его имя предано забвению [37. Р. 33–34].

Заключение

Биографии и интеллектуальное наследие мыслителей мира ислама, творивших на стыке XIX и XX вв., дают основания задуматься о роли концепции халифата и возрожденческой халифатистской идеологии в формировании самоотождествления мусульман предвоенной и межвоенной эпохи. Никто из рассмотренных нами деятелей не был сторонником халифата на протяжении всей своей жизни. Более того, Абд ал-‘Азиз Джавиш и Абул Калам Азад в 20-х гг. XX в. отступились от халифатизма в пользу националистических идей, а Абд ар-Рахман ал-Кавакиби, ушедший из жизни в 1902 г., видел в халифате средство возвеличения «арабского дела».

Интерес к истории и легитимности халифской власти не мешал исламским идеологам ярко и противоречиво оценивать четырехсотлетний османский опыт правления. Так, ал-Кавакиби был известен как рьяный обличитель османского деспотизма и произвола. «Арабский халифат» был для него средством проведения в жизнь воли Божией, восстановления гармонии и взаимопомощи в общине в духе пророка Мухаммада и «праведных халифов». Джавиш, наоборот, твердо придерживался лояльности османскому престолу. Он полагал, что властная традиция, заложенная Мехметом II Завоевателем (1444–1446, 1451–1481 гг.), Селимом I Грозным (1512–1520 гг.) и Сулейманом I Великолепным (1520–1566 гг.), была жизнеспособна и нуждалась всего только в адаптации к вызовам XX в. «Арабские» же халифатистские проекты он воспринимал как происки европейских колониальных кругов и специальных служб. Для Азада халифатизм оказался не более, чем отдельным шагом на пути к пониманию главной ценности его жизни — индусско-мусульманского единения как основы независимости и исторического успеха Индии.

Примечательно, что все три мыслителя для концептуализации своих версий идеи халифата обратились к своеобразному «изобретению традиции» в том смысле, который вкладывал в это понятие британский историк Э. Хобсбаум [38. Р. 1–14]. Переосмыслив события раннего этапа

истории мусульманской общины, они смогли предвидеть (ал-Кавакиби) или верно оценить (Джавиш и Азад) драму разделения османской монархии и института халифата (1922 г.), а затем и упразднения руководством Турции постов халифа и шейх-уль-ислама (1924 г.). С этого момента идея халифата окончательно стала «мечтой-воспоминанием» [39], давшей жизнь халифатизму как новой политической субкультуре. Она на протяжении XX в. неоднократно использовалась как альтернатива идее построения национального государства и основа исламских представлений о «государстве-цивилизации».

Список литературы

1. Ardiç N. *Islam and the politics of secularism: the caliphate and Middle Eastern modernization in the early 20th century*. London — New York: Routledge; 2012. <https://doi.org/10.4324/9780203137734>
2. Weismann I. *Abd al-Rahman al-Kawakibi: islamic reform and Arab revival*. London: Oneworld; 2015.
3. Левин З.И. Восток: Модернизация в человеческом измерении (опыт системного подхода). М.: Институт востоковедения РАН, 2011. 208 с. EDN: QXBNGZ
4. Sheehi St. Al-Kawakibi: From political journalism to a political science of the “Liberal” Arab Muslim. *Alif: Journal of Comparative Poetics*. 2017;(37):85–109.
5. Kedourie E. Egypt and the caliphate 1915–1946. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1963;(3/4):208–248. <https://doi.org/10.1017/S0035869X00121938>
6. Lawson FH. Invoking the empire: an overlooked component of Egyptian nationalism, 1879–1919. *The Maghreb Review*. 2023;48(1):6–25. <https://doi.org/10.1353/tmr.2023.0005>
7. Fahmy Z. *Ordinary Egyptians. Creating the modern nation through popular culture*. Stanford (CA): Stanford University Press; 2011. <https://doi.org/10.1515/9780804777742>
8. Tauber E. Egyptian secret societies, 1911. *Middle Eastern Studies*. 2006;42(4):603–623. <https://doi.org/10.1080/00263200600642290>
9. Özcan A. Egypt in the “Caliphal policy of Sultan Abdulhamid II”. *Les Ottomans et le monde méditerranéen: nouvelles approches*. Coordination A. Moudden, A. Benhadda. Rabat: Université Mohammed V, Faculté des Lettres et des Sciences Humaines; 2003. P. 21–30.
10. Pennell CR. *Morocco: from empire to independence*. Oxford: Oneworld, 2003. 222 p.
11. Hoisington WA, Jr. *The Casablanca connection: French colonial policy, 1936–1943*. Chapel Hill (NC): University of North Carolina Press; 1984. 320 p.
12. Соловьева Д.В. Идрисидские шерифы в Алауитском Марокко (XVII–XVIII вв.): союзники престола или ограничители властных амбиций? // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 3. С. 93–107. EDN: SQLIBW
13. El-Moudden A. The idea of the caliphate between Moroccans and Ottomans: political and symbolic stakes in the 16th and 17th century — Maghrib. *Studia Islamica*. 1995;(82):103–112.
14. El-Moudden A. Les relations Maroc-Ottomanes: quelques grands traits d’une culture diplomatique. *Le Maghreb à l’époque ottomane*. Coordonné par A. El-Moudden. Rabat: Université Mohammed V, Faculté des lettres et des sciences humaines, 1995. P. 13–20.
15. Kayalı H. *Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism and Islamism in the Ottoman empire, 1908–1918*. Berkeley (CA): University of California Press; 1997. 266 p.
16. Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Идея халифата в контексте Первой мировой войны: диалог и противостояние Востока и Запада // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 125–141. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-125-141> EDN: GBMSWR

17. Сюкияйнен Л.Р. Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. №3. С. 139–154. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2016-12-3-139-154> EDN: XFWCRZ
18. Buzpinar Ş.T. The question of caliphate under the last Ottoman Sultans. In *Ottoman reform and muslim regeneration. Studies in Honour of Butrus Abu-Manneh*. Ed. by I. Weismann, F. Zachs. London: I.B. Tauris; 2005. P. 3–34.
19. Hatimi M. La crise des relations arabo-turques: nationalisme arabe contre touranisme. *Les Ottomans et le monde méditerranéen: nouvelles approches*. Coordination A. Moudden, A. Benhadda. Rabat: Université Mohammed V, Faculté des Lettres et des Sciences Humaines; 2003. P. 31–35.
20. Merad A. *Le réformisme musulman en Algérie de 1925 à 1940. Essai d'histoire religieuse et sociale*. Paris–La Haye: Mouton & Co; 1967.
21. Goldschmidt A. *Biographical dictionary of modern Egypt*. Boulder (CO): Lynne Rienner; 2000. <https://doi.org/10.1515/9781588269850>
22. Kramer M. *Islam assembled. The advent of the muslim congresses*. New York: Columbia University Press; 1986.
23. Schulze R. *A modern history of the Islamic World*. Transl. by A. Azodi. London — New York: I.B. Tauris; 2002.
24. Alayev LB., Vigasin AA., Safronova AL. *Istoriya Indiyi* [A History of India]. 2nd ed., enlarged. Moscow: GAUGN-Press; 2018. (In Russ.). EDN: YXPCSJ
Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. История Индии. 2-е изд., доп. М. : ГАУГН-Пресс, 2018. 542 с. EDN: YXPCSJ
25. Hasan M., editor. *Islam and Indian nationalism: Reflections on Abul Kalam Azad*. New Delhi: Manohar Publications; 1992.
26. Datta VN. *Maulana Azad*. New Delhi: Vanguard Books; 1990.
27. Douglas IH. *Abul Kalam Azad: an intellectual and religious biography*. New Delhi: Oxford University Press; 1993.
28. Gandhi R. *Eight lives: a study of Hindu-Muslim encounter*. Albany (NY): State University of New York Press; 1986.
29. Hameed SS. *Islamic seal on Indian independence: Abul Kalam Azad — A fresh look*. Karachi: Oxford University Press; 1998.
30. Umar M, Umar F. The ideals of Islam in Maulana Abul Kalam Azad's thoughts and political practices: an appraisal. *Research Journal: Al Başīrah*. 2021;10(1):63–77. <https://doi.org/10.52015/albasirah.v10i01.65>
31. Shukla RL. *Britain, India and the Turkish empire. 1853–1882*. New Delhi: People's Publishing House; 1973.
32. Hasan M., editor. *Communal and Pan-Islamic trends in Colonial India*. New Delhi: Manohar Publications; 1985.
33. Minault G. *The Khilafat movement: religious symbolism and political mobilization in India*. New York: Columbia University Press; 1982.
34. Hasan M, Pernau M. (eds.) *Regionalizing Pan-Islamism: documents on the Khilafat movement*. New Delhi: Manohar Publications; 2005.
35. Alavi H. Ironies of History: contradictions of Khilafat movement. *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 1997;17(1):1–16. <https://doi.org/10.1215/1089201X-17-1-1>
36. Ahmed AS. *Jinnah, Pakistan and Islamic Identity. The Search for Saladin*. London — New York: Routledge, 2001. <https://doi.org/10.4324/9780203990995>
37. Hasan M. Maulana Abul Kalam Azad: The Odd Secularist. *India Today: 100 People Who Shaped India. A Special Issue*. Delhi: Living Media India Ltd.; 1999. P. 33–37.
38. Hobsbawm E. Introduction: inventing traditions. In: Hobsbawm E, Ranger T (eds.). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press; 1992. P. 1–14.
39. Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Халифат и «мечта-воспоминание» об исламском государстве-цивилизации // Новая и новейшая история. 2024. Т. 68. № 2. С. 144–158.

Информация об авторах:

Кириллина Светлана Алексеевна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1, e-mail: kirillina@iaas.msu.ru ORCID: 0000-0001-5769-3715. SPIN-код: 2492-5979.

Сафронова Александра Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1, e-mail: alsafronova@iaas.msu.ru ORCID: 0000-0003-1554-3449. SPIN-код: 6189-7121.

Орлов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1, e-mail: orlov@iaas.msu.ru ORCID: 0000-0002-2649-5422. SPIN-код: 6318-4102.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2-159-171

EDN: UGSNOE

Научная статья / Research article

Основания султанской власти в Алаутском Марокко XVII–XVIII вв.: торжество военной силы или поиск консенсуса?

Д.В. Соловьева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ solovieva.dv@yandex.ru

Аннотация. Актуальная проблема формирования государств и легитимации власти в странах Ближнего Востока и Северной Африки в доколониальный период на примере Марокко представляет особый интерес, так как позволяет рассмотреть политическую модель, которая сформировалась на западной периферии арабо-мусульманского мира. Цель исследования — анализ властной концепции, сложившейся при Алаутской династии (с 1631 г.), которая до сих пор находится у власти в Марокко. Опираясь на материалы арабоязычных летописей, автор рассматривает основные принципы легитимации власти алаутских монархов XVII–XVIII вв.: султаны были шерифами, т.е. потомками пророка Мухаммада, и пользовались почитанием в марокканском обществе, в связи с чем шерифская благодать (*барака*), передававшаяся по наследству, и благородное происхождение стали главными факторами легитимности их правления. Показано, как идея сакральности власти шерифов сочеталась с элементами суннитской политической доктрины, не признававшей божественного характера власти. Дана авторская оценка дискуссии о роли военной силы и принуждения в господстве монархов, которая долгое время велась в марокканской историографии. Сделан вывод о том, что силовые методы являлись важной, но не единственной составляющей могущества султана, а применение силы также удавалось санкционировать и встраивать в шерифскую концепцию власти.

Ключевые слова: легитимность, барака, шерифы, Северная Африка

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24.11.2024; принята к публикации 20.01.2025.

Для цитирования: Соловьева Д.В. Основания султанской власти в Алаутском Марокко XVII–XVIII вв.: торжество военной силы или поиск консенсуса? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 159–171. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-159-171>

© Соловьева Д.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The bases of Sultan's power in Alawi Morocco during XVII–XVIII centuries: the triumph of military force or the search of consensus?

Darya V. Solovieva

Lomonosov State University, *Moscow, Russian Federation*

✉ solovieva.dv@yandex.ru

Abstract. The actual problem of state-building and legitimization of power in the Middle East and North Africa in the precolonial period on the example of Morocco is of particular interest, as it allows us to examine a political model that was formed in the western periphery of Arab-Muslim world. The purpose of this research is to analyse the concept of power that developed during the rule of Alawi dynasty (since 1631), which is still in power in Morocco. Based on the Arab chronicles, the article examines the major elements of legitimating ideologies used by Alawi monarchs during the XVII–XVIII centuries. Moroccan sultans were sharifs — descendants of the Prophet Muhammad, and were the object of veneration in Moroccan society. The Sharifian baraka (a hereditary blessing power) and noble origin thus became the main factors in the legitimacy of their rule. The study shows how the idea of sacred power of the Sharifian sultans was combined with elements of the Sunni political doctrine which did not recognise the divine nature of power. The study also gives the author's assessment of the discussion about the role of military force and coercion in Sultan's domination which has been taken in Moroccan historiography. It is concluded that Alawi sultan used violence in dealings with his subjects but it wasn't the only base of his power. Moreover, the Alawis have managed to legitimise this violence and make it a part of the Sharifian concept of power.

Keywords: legitimacy, baraka, sharifs, North Africa

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 24.11.2024. Accepted: 20.01.2025.

For citation: Solovieva DV. The bases of Sultan's power in Alawi Morocco during XVII–XVIII centuries: the triumph of military force or the search of consensus? *RUDN Journal of World History*. 2025;17(2):159–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-159-171>

Введение

С распадом Аббасидского халифата в X–XI вв., когда халиф потерял бóльшую часть своей политической власти, сохранив за собой в сознании мусульман лишь духовный авторитет, властные полномочия все больше присваивали себе местные военно-политические лидеры [1. С. 15]. В этих условиях аббасидская модель халифата неминуемо стала предметом пересмотра и основанием для выработки новой властной концепции. Результатом этого процесса стал консенсус, согласно которому силовой захват власти считался законным при условии, что ее новый обладатель гарантировал мусульманской общине защиту от внешних угроз и внутренней смуты [2. С. 67].

Тем не менее, значение религиозного фактора для обоснования политического господства в арабо-мусульманском мире не ослабевало¹. Правители продолжали эксплуатировать авторитет аббасидских халифов: Сельджукиды (1037–1194), мамлюкские (1250–1517), а затем и османские султаны стремились подчеркнуть преемственность своей власти по отношению к Аббасидам².

В Марокко, или Дальнем Магрибе (араб. *ал-Магриб ал-Акса*), расположенном на западной периферии арабо-мусульманского мира, сложился свой ответ на кризис легитимности в постаббасидскую эпоху. Он воплотился в концепции власти султанов-шерифов — потомков Пророка, наделенных божественной благодатью (*баракой*).

Барака как основа харизматического господства султана

Дальний Магриб имел давние традиции государственности: первая самостоятельная по отношению к власти Аббасидских халифов династия Идрисидов (788–984) появилась там уже в VIII в. Основатель династии Идрис ибн Абдаллах, или Идрис I (788–791 гг.), происходивший от Пророка по линии Хасана ибн Али, вынужден был бежать от преследований Аббасидов и нашел убежище в Марокко, где основал шиитскую династию. По выражению российского магрибиста В.В. Орлова, идрисидское правление стало своего рода «репетицией» шерифской формы правления в Дальнем Магрибе [5. С. 4].

После распада Идрисидского государства Дальним Магрибом управляли берберские династии (Альморавиды, Альмохады, Мариниды), которые делали ставку на принципы племенной солидарности (*асабийя*) [5. С. 9]. Однако уже при султанах династии Маринидов (1269–1465) культ и почитание шерифов начал возрождаться. Опасаясь роста политического влияния и оппозиции суфийских братств (*турук*) и местных святых (*мурабитов*), берберские султаны способствовали распространению культа потомков Пророка, а сами выступали в качестве охранителей этого культа³.

В начале XVI в. шерифы долины Дра'а (на юге Марокко) стали движущей силой джихада против экспансии испанцев и португальцев на марокканском побережье и основали Саадидскую династию (1511–1659). Концепция шерифского султаната начала складываться при саадидских

¹ О развитии идеи халифата в более поздний период, в т.ч. после распада Османской империи, см. [3; 4].

² С 1261 г. потомки Аббасидов жили в Каире и принимали присягу египетских повелителей, при османском султани Селиме I (1512–1520 гг.) их перевезли в Стамбул.

³ Традиции почитания шерифов стали популярны после того, как были обнаружены гробницы Идриса I (в 1318 г.) и Идриса II (в 1437 г.) [6. С. 20].

монархах, а окончательно сформировалась при следующей династии потомков Пророка — Алауитах (1631 — наст. время).

В соответствии с теорией М. Вебера о типах господства, шерифскую властную концепцию можно определить как харизматическую. Благодаря своей харизме, обусловленной присутствием *бараки*, султан-шериф являлся одновременно носителем светской и духовной власти. Российские и зарубежные исследователи сходятся во мнении о том, что сакральный статус монарха был отголоском влияния шиитской концепции священного лидера-имама, принесенной в Дальний Магриб Идрисидами⁴ [5. С. 4; 7. Р. 76].

На раннем этапе становления государства чистота шерифской генеалогии стала фундаментом власти Алауитской династии. Первые султаны выстраивали легитимность на безупречности своей родословной, в отличие от их предшественников — Сааидов⁵. Так, придворный историк Ахмад ибн Халид ан-Насири писал о том, что «среди тех, кто управлял Марокко, шерифы Тафилалета уступали по чистоте генеалогии только Идрисидам»⁶. О Сааидах же он писал, что, по некоторым версиям, шерифы Дра'а вели свое происхождение от племени *бану саад*, родом из которого была Халима, кормилица пророка Мухаммада⁷, что ставило под сомнение подлинность их шерифской генеалогии⁸. Стоит отметить, что и само название «Сааиды» (с явной отсылкой к упомянутому племени *бану саад*) было инструментом антисааидской пропаганды Алауитов: так, сами шерифы именовали себя Зайданидами в честь своего прародителя Зайдана ибн Ахмада, который переселился в Марокко из Аравии в XIV в., а имя «Сааиды» распространилось уже при Алауитах [8. С. 91].

Чистота генеалогии, которую алауитские султаны использовали в идеологических целях, предполагала такой же интерес государства к подлинности родословных остальных шерифских семейств Марокко.

⁴ Идрисиды исповедовали зейдизм, который считается наиболее «умеренным» течением в шиизме.

⁵ Подобное пренебрежительное отношение к сааидским шерифам было свойственно только ранним Алауитам: по сведениям летописца Абу ал-Касима аз-Заййани, уже при султани Сиди Мухаммаде ибн Абдаллахе (1757–1790 гг.) шерифский статус сааидского рода не подвергался сомнению и они получали ежемесячную пенсию и султанские дары наравне с другими кланами потомка Пророка — *Аз-Заййани А.* Ал-Бустан аз-зариф фи даулат аулад Мулай аш-Шариф [Красивый сад в [повествовании о] государстве потомков Мулай аш-Шарифа]. Изд. Р. аз-Зауийа. Рисани : Марказ ад-дирасат аль-алауийа, 1992. С. 31.

⁶ *Ан-Насири А.* Китаб ал-истикса ли ахбар дуввал ал-Магриб ал-акса [Книга изучения сведений о династиях Дальнего Магриба]. Т. 7. Касабланка : Дар ал-китаб, 1997. С. 4.

⁷ Арабы и берберы признавали молочное родство, однако считали его ниже по достоинству, чем родство по крови.

⁸ *Ан-Насири А.* Китаб ал-истикса... Т. 5. С. 4.

В связи с этим еще второй султан династии Мулай Рашид (1666–1672 гг.) обратился к вопросу верификации шерифской генеалогии и созданию реестров потомков Пророка⁹. Документальное подтверждение благородного происхождения гарантировало шерифам различные льготы и привилегии, предписываемые султанскими указами (*дахирами*)¹⁰. В этих условиях монарх становился «верховным» шерифом и гарантом материального положения тех, кто претендовал на статус потомка Пророка в Дальнем Магрибе.

Что касается рядовых подданных, особенно жителей сельской глубинки, то для них решающую роль играла всеобъемлющая сила бараки султана-шерифа. По выражению французского историка Р. Монтаня, восприятие султана-агеллида¹¹ как сакральной фигуры воспроизводило «антрополатрические тенденции берберов», которые издревле наделяли правителя сверхспособностями и магической силой [11. С. 71].

Эти представления нашли отражение в традиции, которая сложилась в Марокко в XVI–XVII вв.: когда султан со своей походной колонной (*махалла*) проезжал через деревни или города, местные жители подносили ему чашу с молоком, в которую монарх окунал свои пальцы, тем самым наполняя ее своей благодатью. Этим молоком также кропили поля, стада и дома, чтобы обрести процветание [12. С. 227]. Кроме того, объезд султаном своих владений нередко совпадал с сезоном сбора урожая, что напрямую связывало *махаллу* с идеей плодородия в традиционном мышлении марокканцев [13. С. 743].

По поверьям, султанская барака могла спасать и от стихийных бедствий. Как свидетельствовал шведский пленник М. Берг, который находился в Марокко в 1754–1757 гг., в 1755 г. в стране произошло сильное землетрясение. В этот момент султан Мулай Абдаллах¹² находился в Фесе, и город оказался практически не затронут бедствием. После этого горожане направились

⁹ Со времен правления Сааидов политика верификации шерифских генеалогий и создания реестров марокканских шерифов совпадала с централизаторскими усилиями правителей: по указу султана Ахмада ал-Мансура аз-Захаби (1578–1603 гг.), при котором государство Сааидов достигло пика своей мощи, составлялись реестры, однако с его смертью данный вопрос вышел из-под контроля центральной власти. Следующая масштабная волна верификации началась уже при алауитском султанине Мулай Исмаиле (1672–1727 гг.) [9. С. 446].

¹⁰ В частности, шерифы получали земельные пожалования — азибы. Например, подобными владениями располагали шерифы Уэззана, принадлежавшие к одной из ветвей идрисидов. В их собственности находились не только обширные угодья, пастбища и поля, но и ремесленные мастерские и торговые ряды, что позволило Уэззану стать крупнейшим экономическим центром Дальнего Магриба [10. С. 35].

¹¹ Агеллид — название правителя в устной берберской традиции.

¹² Мулай Абдаллах (1728–1757 гг., с перерывами) — один из сыновей Мулай Исмаила, правивших после его смерти. Абдаллаха четыре раза свергали с престола (в 1728, 1735, 1736 и 1745 гг.), однако всякий раз ему удавалось вернуться к власти.

к султану с делегацией, чтобы поблагодарить его за заступничество перед Аллахом и спасение города¹³.

Однако магическая сила, которую приписывали шерифскому султану, имела и обратную сторону. Согласно традиционным берберским поверьям, описанным Р. Монтанем, султан мог «отозвать» свою бараку от провинившихся племен и навлечь на них проклятье — «*сохта*»¹⁴. Такое проклятье не только санкционировало набеги соседей на земли этого племени, но и на долгие годы лишало их плодородия [14. С. 367].

Барака султана — гарантия стабильности и порядка

Алауиты пришли к власти на фоне длительного политического кризиса¹⁵. В связи с этим идея о том, что барака Алауитских султанов позволила восстановить в стране порядок, занимала важное место в легитимации их власти.

Правление султана Мулая Рашида, который объединил страну под властью алауитских шерифов, представлено в летописях как начало стабильности и процветания Дальнего Магриба. Ахмад ан-Насири описывал время его царствования следующим образом: «Его дни были днями спокойствия и великого благоденствия настолько, что, как поговаривали, в тот день, когда ему принесли присягу в Фесе, с утра пшеница стоила 5 укий¹⁶ за 1 мудд¹⁷, а к вечеру уже стоила половину укийи, и люди посчитали начало его правления добрым знаком»¹⁸.

Согласно представлениям, укоренившимся в традиционном сознании марокканцев, если власть правителя была легитимна, он получал соответствующее одобрение, или мандат свыше, что должно было выражаться во всеобщем процветании и благополучии¹⁹. Например, ан-Насири следующим образом обозначал итоги многолетнего правления султана Мулая Исмаила

¹³ Берг М. Васф ал-исти'бад фи мамлакат Фас — музаккират асир сувайди 'ала 'ахд ас-султан Абдаллах [Описание рабства в Фесском королевстве — воспоминание шведского пленника об эпохе султана Абдаллаха]. Пер. с швед. Абд ар-Рахман Хазал. Касабланка : Африкийя аш-Шарк, 2011. С. 73.

¹⁴ По мнению Р. Монтаня, такое проклятие султана можно было сравнить с отлучением от церкви в средневековой Европе [14. С. 367].

¹⁵ С упадком государства саадидских шерифов в борьбу за власть в Дальнем Магрибе включились шейхи суфийских завий, влиятельные мурабиты и командиры джихада (*муджахиды*). Последний саадидский султан Абу ал-Аббас был убит в 1659 г. вождем местного арабского племени *шебанат*.

¹⁶ Укийя — денежная единица в Марокко в XVII–XIX вв., содержащая 38–40 г. серебра.

¹⁷ Мудд — мера сыпучих тел; 1 мудд содержал 20 кг сухой пшеницы.

¹⁸ Ан-Насири А. Китаб ал-истикса... Т. 7. С. 44.

¹⁹ Подобные представления о взаимосвязи благосостояния народа и силе правителя были широко распространены и в обществах Тропической Африки, где местные вожди и князья считались ответственными за плодородие земель и благополучие всего общества [15. С. 282; 16. С. 34–35].

(1672–1727 гг.): «дни его правления, да упокоит его Аллах, изобиловали дождями и были благословенны для земледелия, торговли и других видов деятельности»²⁰.

Как следует из изучения летописей, отказ от подчинения верховной власти трактовался алауитским махзеном²¹ как отступничество от веры и именовался *джахилией* (состояние доисламского невежества). Так, текст клятвы верности Мулаю Абдаллаху содержал в себе следующую формулировку: «кто не повинуется султану, умрет в невежестве (*мат мита джахилийа*)»²².

В контексте племенных восстаний летописцы и авторы городских хроник нередко использовали слово «бесы», противопоставляя племенной сепаратизм и образ жизни правоверных мусульман. В частности, хронист Мухаммад ал-Кадири, описывая бунт племени *бану зеруаль*, называл зачинщиков восстания «бесами» (*шайатин кабилат бани зеруаль*)²³. Таким образом, султанская власть ассоциировалась с порядком и верховенством исламского закона, которым противопоставлялись неповиновение и хаос племенных бунтов.

Клятва верности: договор между султаном и подданными

Наряду с баракой важной составляющей властной концепции Алауитского государства была клятва верности (*бай'а*). Согласно традиции, после смерти султана в мечетях по всей стране собирались алим, факихи, шерифы, городские нотабли, племенные вожди, шейхи завий и обсуждали кандидатуру нового султана, предложенную столицей. Затем они составляли текст *бай'а* и отправляли его с делегацией от своего района, либо же султан сам объезжал провинции для получения присяги [17. С. 34].

Клятва верности представляла собой своего рода контракт, согласно которому обе стороны фактически выступали на равных и брали на себя взаимные обязательства²⁴. Например, текст *бай'а* Феса (1728 г.) Мулай Абдаллаху гласит: «мы облекли тебя властью, чтобы ты управлял нами справедливо и честно, и разрешал наши споры по справедливости»²⁵.

²⁰ Ан-Насири А. Китаб ал-истикса... Т. 7. С. 97.

²¹ Махзен — одно из ключевых понятий традиционной марокканской политической культуры, которое обозначало как султанскую администрацию, так и совокупность методов неформального управления страной.

²² Аз-Заййани А. Ал-Бустан аз-зариф... С. 241.

²³ Ал-Кадири М. Нашр ал-масани ли ахл ал-карн ал-хади 'ашар ва-с-сани [Опубликование двустихий о людях одиннадцатого и двенадцатого века (хиджры)]. Публ. М. Хаджжи и А. Ат-Тауфика. Т. 4. Рабат : Дар ал-Магриб ли аль-та'лиф ва-аль-тарджама ва-ан-нашр, 1986. С. 153.

²⁴ Стоит отметить, что подобное восприятие взаимных договоренностей является глубинной традицией арабов-мусульман как торгового народа. Это отражается и в семантике самого слова «бай'а», которое означает торговую сделку или деловое соглашение.

²⁵ Аз-Заййани А. Ал-Бустан аз-зариф... С. 242.

Подобная традиция восходила к знаменитой «клятве доброй воли» (*бай'ат ар-ридван*), которую первые мусульмане принесли пророку Мухаммаду. В этом акте проявлялись элементы «выборности», присущей Алаутской монархии: кандидат на престол мог считать себя законным правителем только после получения присяги от большинства регионов [17. С. 34].

Представляется, что подобное соглашение между властью и подданными можно определить через термин реципрокации. Реципрокация — понятие, которое применяется в антропологии и обозначает социальные и экономические отношения, которые подразумевают взаимный обмен дарами или услугами [18. Р. 90–91]. В плане взаимодействия власти и общества принцип реципрокации предполагает, что эти отношения строятся на соблюдении взаимных обязательств: в обмен на уплату налогов и повиновение правителю подданные ожидали от него выполнения его обязанностей, суть которых, как правило, сводилась к защите населения от внешней угрозы и обеспечению его благосостояния [19. С. 13].

Изучение источников позволяет полагать, что в Марокко *бай'а* не была данью традиции или формальностью, которая сопровождала восхождение на престол нового правителя. В пользу этого утверждения свидетельствует тот факт, что силовой захват власти одним из претендентов на престол также требовал достижения консенсуса в обществе относительно этой фигуры, и в этих условиях *бай'а* служила подтверждением одобрения со стороны тех или иных элит²⁶.

Кроме того, акт *бай'а* символизировал роль шерифского султана как верховного арбитра для всех социальных групп: от племен до шерифских кланов. По словам марокканского антрополога Абдаллаха Хаммуди, *бай'а* «составляла неразрывную связь между народом и монархом и ставила его над всеми противоречиями, возникающими в обществе» [5. С. 13].

Вместе с тем, подобные отношения между государем и подданными предполагали, что, если действия правителя не соответствовали ожиданиям народа, то и его правление переставало считаться законным. Как справедливо отмечал американский исследователь Э. Берк, если султану «не хватало сильных личностных качеств или необходимых политических навыков, то одно лишь происхождение не могло сделать из него эффективного правителя» [21. С. 11]. Слабое управление или, наоборот, чрезмерная жестокость суверена могли привести к тому, что местные элиты переставали его поддерживать и искали новых кандидатов на престол. Такими примерами, в частности, изобилует период междуцарствия (1727–1757 гг.), который начался со смертью Мулая Исмаила. Так, первый султан этой тридцатилетней эпохи

²⁶ В этом смысле *бай'а* была элементом суннитской властной концепции, которая предполагала, что община избирает своего правителя, который вершит государственные дела от ее имени [20. С. 141].

Ахмад аз-Захаби (1727–1728 гг.) казнил ряд влиятельных государственных деятелей, после чего утратил поддержку своего окружения. В Фесе собрались шерифы, нотабли и вожди местных племен и приняли решение свергнуть Мулая Ахмада и призвать одного из его братьев, а алимы сообщили горожанам о «неспособности свергнутого [султана] защищать интересы подданных и его пренебрежении к стране и людям»²⁷.

Военные победы как символ харизмы султана

Своего рода антитезой клятвы верности в политической жизни традиционного Марокко была *харка* (от араб. «*харака*» — «движение», «кампания») — военный поход султана с целью подавления мятежей и сбора налогов. Военная сила как основа господства Алауитских монархов длительное время оставалась дискуссионным вопросом в историографии Марокко. Во французской колониальной историографии преобладало мнение о том, что основой могущества Алауитов было главным образом насилие, а махзен намеренно провоцировал межплеменные конфликты, чтобы ослабить племена и облегчить контроль над ними [14. С. 365; 22. Р. 143; 23. Р. 403]. Представители марокканской историографии, напротив, утверждали, что основным орудием шерифских султанов была дипломатия. Главным апологетом этого подхода был марокканский историк Жермен Аяш, который утверждал, что основой власти Алауитов был институт арбитража. Население марокканских городов и селений по собственной инициативе обращалось к султану за помощью для разрешения возникавших между ними противоречий. Из этого, по мнению историка, следовал вывод о том, что марокканцы не воспринимали султанскую власть исключительно как репрессивную [24. С. 201].

Изучение источников и историографии убеждает в том, что полярные точки зрения на данный вопрос в равной степени неправомерны. Так, недостатком первого подхода является то, что он не учитывает духовный авторитет султана-шерифа, который признавался повсеместно. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что, по справедливому замечанию марокканского исследователя Абд ас-Салама Хаймара, племена выступали не столько против самой власти монарха, сколько против неприемлемого, по их мнению, налогового бремени [25. С. 30]. Вторая концепция об исключительно миротворческой роли махзена также представляется недостаточно обоснованной, поскольку не способна объяснить, зачем султан в условиях своей миротворческой миссии все же прибегал к насилию [2. С. 77].

²⁷ Ибн Зайдан М.А. Итхаф а'лам ан-нас би джамал ахбар хадират Микнас [Одарение выдающихся мужей народа полным изложением событий столичного города Мекнеса]. Т. 1. Каир : Мактабат ас-сакафа ад-динийа, 2008. С. 328.

Как писал американский антрополог К. Гирц, марокканский монарх должен был быть одновременно «и святым, и сильным человеком» [7. С. 88]. Анализ источников позволяет утверждать, что в первые два века правления династии военная сила была весомым (хотя и не единственным) аргументом не только для подавления племенного сопротивления, но и в вопросе наследования власти. В Шерифской империи отсутствовала четкая система престолонаследия. Формального назначения наследного принца также было недостаточно, поскольку все многочисленные претенденты на власть являлись носителями бараки и имели право на престол [26. С. 184]. В связи с этим смерть очередного правителя всякий раз порождала своего рода миниатюрный «интеррегнум», который завершался военной победой одного из кандидатов. Такой ожесточенной борьбой за трон были отмечены первые годы правления Мулая Исмаила, и особенно период Тридцатилетней смуты (1727–1757 гг.), который как по хронологии, так и по количеству вовлеченных претендентов и их сторонников выходил за рамки обычных конфликтов в Алауитской семье.

Такая политическая культура складывалась в соответствии с восприятием насилия со стороны шерифского султана, которое бытовало в традиционном сознании марокканцев. Так, «обычные», т.е. рядовые шерифы никогда не прибегали к насилию, а их авторитет в обществе основывался на способности разрешать конфликты мирным путем. Однако насилие со стороны султана-шерифа не только не осуждалось, но, более того, считалось необходимым атрибутом его политического влияния. Как следует из исследований французского историка и этнолога Р. Жаму, военная победа монарха служила подтверждением силы его бараки и легитимности в глазах марокканцев [27. С. 166]. Гибель людей и разрушения, которые сопутствовали этой борьбе за власть, расценивались, согласно данной концепции, как сакральный акт жертвоприношения смутьянов, необходимый для установления мира и благоденствия [27. С. 165].

Заключение

Концепция власти, которая сформировалась в шерифском Марокко XVII–XVIII вв., была результатом синтеза разнообразных идей и мировоззрений: шиитской концепции о священном лидере-имаме, традиционных берберских представлений о сакральном правителе-агеллиде и суннитского принципа выборности правителя, проявлявшегося в клятве верности (*бай'а*).

В традиционном государстве со слабым государственным аппаратом, к числу которых относилось Алауитское Марокко вплоть до начала XX в., власть основывалась на харизме правителя. Султанам удавалось обосновать необходимость применения военной силы и встраивать ее в свою властную концепцию как проявление бараки.

Таким образом, султанская власть в Дальнем Магрибе зиждилась на сочетании консенсуса и военной силы, применение одного из этих методов во все не противоречило другому и подкреплялось соответствующими религиозными обоснованиями.

Список литературы

1. *Пиотровский М.Б.* Исторические судьбы мусульманского представления о власти // Социально-политические представления в исламе. История и современность. М. : Наука, 1987. С. 6–19.
2. *Hammoudi A.* Master and disciple. The cultural foundations of Moroccan authoritarianism. Chicago : The University of Chicago Press, 1997. 222 p.
3. *Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* Халифатизм в эпоху крушения Османской империи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Vol. 10. № 4. С. 327–337. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2018-10-4-327-337> EDN: PPVMNX
4. *Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В.* Большие надежды, утраченные иллюзии: Всеобщий исламский конгресс в Иерусалиме в 1931 году // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Vol. 15. № 1. С. 7–21. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-7-21> EDN: IWJCMF
5. *Орлов В.В.* Традиционные основания власти в средневековом Марокко: «шерифская» и «племенная» концепции // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2000. № 4. С. 3–12. EDN: YYPTXF
6. *Harrak F.* Sharifism and The Sharif-s in the Reign of Muhammad ben Abdallah (1757–1790) // Hespéris-Tamuda. 1992. Vol. XXX. Fasc. 2. P. 17–35.
7. *Geertz C.* Islam Observed. Religious Development in Morocco and Indonesia. Chicago : The University of Chicago Press, 1968. 136 p.
8. *Mouline N.* Sens et puissance: l'Idéologie califale du sultan Ahmad al-Mansūr al-Dhahabi (1578–1603) // Studia Islamica. 2006. № 102/103. P. 91–156.
9. *Sebti A.* Au Maroc: sharifisme citadin, harisme et historiographie // Annales. Economies, sociétés, civilisations. 1986. № 2. P. 433–457.
10. *Кириллина С.А., Орлов В.В.* Историко-культурная и экономическая специфика шерифского землепользования в Северной Африке (XVI–XIX вв.) // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2018. № 4. С. 31–40. EDN: VNJIMX
11. *Montagne R.* The Berbers: their social and political organization / transl. and with an introduction by D. Seddon. Pref. by E. Gellner. London : Frank Cass, 1973. 93 p.
12. *Орлов В.В.* Поклонение силам природы в магрибинском «народном исламе» (XVIII–XIX вв.) // Человек и Природа в духовной культуре Востока. М. : ИВ РАН: Крафт+, 2004. С. 221–242. EDN: ZDCMHZ
13. *Dakhli J.* Dans la mouvance du prince: la symbolique du pouvoir itinérant au Maghreb // Annales. Economies, sociétés, civilisations. 1988. № 3. 735–760 p.
14. *Montagne R.* Les berbères et le makhzen dans le Sud du Maroc. Essai sur la transformation politique des berbères sédentaires (groupe chleuh). Paris : Félix Alcan, 1930. 426 p.
15. *Куббель Л.Е.* Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М. : Наука, 1974. 430 с.
16. *Claessen H.J.M.* Sacred kingship: the African case // Social Evolution & History. 2015. Vol. 14. No. 1. P. 3–48. <https://doi.org/10.30884/seh/2018.02.01>
17. *Орлов В.В.* «Выборная» монархия? Клятва верности (бай'а) и личность султана в истории Алаутитского Марокко (XVIII–XIX вв.) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2009. № 4. С. 28–44. EDN: KYVXVP
18. *MacCormack G.* Reciprocity // Man, New Series. 1976. Vol. 11. № 1. P. 89–103.

19. Claessen H.J.M. On early states — structure, development and fall // *Social Evolution & History*. 2010. Vol. 9. № 1. P. 3–51.
20. Сюкияйнен Л.Р. Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация // *Ислам в современном мире*. 2016. Т. 12. №3. С. 139–154. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2016-12-3-139-154> EDN: XFWCRZ
21. Burke E. III. Prelude to protectorate in Morocco. Precolonial protest and resistance, 1860–1912. Chicago : The University of Chicago Press, 1976. 306 p.
22. Terrasse H. Histoire du Maroc (Édition abrégée). Paris : Maison des Sciences de l’homme and Mouton & co, 1952. 236 p.
23. Aubin E. Le Maroc d’aujourd’hui. 2-e ed. Paris: Librarie Armand Colin, 1905. 500 p.
24. Аяш Ж. Очерки марокканской истории / перев. с франц. С.П. Гавриша. М. : Прогресс, 1982. 382 с.
25. Хаймар А. ал-Магриб: ал-ислам ва-л-хадаса (1 — ал-Катиб ал-махзани) [Марокко: ислам и обновление. 1 — Автор-чиновник]. Мекнес : Матба’а саиди, 1997. 136 с.
26. Орлов В.В. Концепция «суда божия» и наследование султанской власти в Марокко (XVII—XIX вв.) // *Власть и насилие в незападных обществах. Проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения*. М. : ГБПОУ Московский государственный образовательный комплекс. 2016. С. 179–190. EDN: ZCBMDB
27. Jamous R. Honneur et baraka: les structures sociales traditionnelles dans le Rif. Cambridge — Paris : Cambridge University Press, Éditions de la Maison des Sciences de l’Homme, 1981. 303 p. <https://doi.org/10.4000/books.editionsmsh.15250>

References

1. Piotrovsky MB. Istoricheskie sud’bi musulmanskogo predstavleniya o vlasti [The Historical Destinies of Muslim Notions of Power]. *Sotsial’no-politicheskie predstavleniya v islame. Istoriya i sovremennost’*. Moscow: Nauka publ., 1987. P. 6–19. (In Russ.).
2. Hammoudi A. *Master and disciple. The cultural foundations of Moroccan authoritarianism*. Chicago: The University of Chicago Press. 1997.
3. Kirillina SA, Safronova AL, Orlov VV. Caliphatism in the period of decline and collapse of the Ottoman Empire. *RUDN Journal of World History*. 2018;10(4):327–337. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2018-10-4-327-337> EDN: PPVMNX
4. Kirillina SA, Safronova AL, Orlov VV. High hopes, lost illusions: General Islamic Congress in Jerusalem (1931). *RUDN Journal of World History*. 2023;15(1):7–21. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-7-21> EDN: IWJCMF
5. Orlov VV. Traditsionnye osnovaniya vlasti v Srednevekovom Marocco: “sherifskaya” I “plemennaya” konstepstii [The traditional bases of power in Morocco in the Middle ages: the Sharifian and Tribal Conceptions]. *Moscow University Oriental Studies Bulletin*. 2000;(4):3–12. (In Russ.). EDN: YYPTXF
6. Harrak F. Sharifism and The Sharif-s in The Reign of Muhammad ben Abdallah (1757–1790). *Hespéris-Tamuda*. 1992;XXX (2):17–35.
7. Geertz C. *Islam observed. Religious development in Morocco and Indonesia*. Chicago: The University of Chicago Press, 1968.
8. Mouline N. Sens et puissance: l’Idéologie califale du sultan Ahmad al-Mansūr al-Dhahabi (1578–1603). *Studia Islamica*. 2006;(102/103):91–156.
9. Sebt A. Au Maroc: sharifisme citadin, harisme et historiographie. *Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 1986;(2):433–457.
10. Kirillina SA, Orlov VV. Istoriko-kulturnaya i ekonomicheskaya spetsifika sherifskogo zemlepol’zovaniya v Severnoy Afrike [Specific historical, cultural and economic features of Sharifian land use in the North Africa (XVIth — XIXth centuries)]. *Moscow University Oriental Studies Bulletin*. 2018;(4):31–40. (In Russ.). EDN: VNJIMX
11. Montagne R. *The Berbers: Their Social and Political Organisation*. Transl. and with an Introduction by D. Seddon. Pref. by E. Gellner. London: Frank Cass, 1973.

12. Orlov VV. Poklonenie silam prirody v magribinskom «narodnom islame» [The Worship of the Forces of Nature in the Maghribi “Popular Islam”]. *Chelovek i priroda v dukhovnoy kulture Vostoka*. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, Craft+. P. 221–242. (In Russ.). EDN: ZDCMHZ
13. Dakhliia J. Dans la mouvance du prince: la symbolique du pouvoir itinérant au Maghreb. *Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 1988;(3):735–760.
14. Montagne R. *Les berbères et le makhzen dans le Sud du Maroc. Essai sur la transformation politique des berbères sédentaires (groupe chleuh)*. Paris: Félix Alcan, 1930.
15. Koubbel LE. *Songaiskaya derzhava. Opyt issledovaniya sotsial'no-politicheskogo stroya* [The Songhai empire. An experience of the research of the socio-political system]. Moscow: Nauka publ, 1974. (In Russ.).
16. Claessen HJM. Sacred kingship: the African case. *Social Evolution & History*. 2015;14(1):3–48. <https://doi.org/10.30884/seh/2018.02.01>
17. Orlov VV. «Vybornaya» monarchiya? Klyatva vernosti (bai'a) i lichnost' sultana v istoriyi Alawitskogo Marocco (XVIII—XIX) [An “Elected” monarchy? Oath of Allegiance (bai'a) and Sultan's personality in the history of Alawi Morocco (XVIII—XIX)]. *Moscow University Oriental Studies Bulletin*. 2009;(4):28–44. (In Russ.). EDN: KYVXVP
18. MacCormack G. Reciprocity. *Man, New Series*. 1976;11(1):89–103.
19. Claessen HJM. On early states — structure, development and fall. *Social Evolution & History*. 2010;(9,1):3–51.
20. Sukiyainen LR. Islamic conception of califate: Fundamentals and contemporary interpretation. *Islam in the Modern World*. 2016;12(3):139–154. (In Russ.). <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2016-12-3-139-154> EDN: XFWCRZ
21. Burke E, III. *Prelude to Protectorate in Morocco. Precolonial Protest and Resistance, 1860–1912*. Chicago: The University of Chicago Press, 1976.
22. Terrasse H. *Histoire du Maroc (Édition abrégée)*. Paris: Maison des Sciences de l'homme and Mouton & co, 1952.
23. Aubin E. *Le Maroc d'aujourd'hui*. 2-e ed. Paris: Librairie Armand Colin, 1905.
24. Ayache G. *Ocherki marokkanskoj istorii* [Essays on Moroccan History]. Transl. from French SP Gavrich. Moscow: Progress. 1982. (In Russ.).
25. Haymar A. *Al-Maghrib: al-Islam wa al-Hadatha (I — al-Katib al-Makhzaniy)* [Al Maghrib: Islam and Modernity (I — Katib Makhzani)]. Meknes: Matba'at Sa'idi, 1997. (In Arab.).
26. Orlov VV. *Kontseptsiya «suda bozhiya» i nasledovanie sultanskoi vlasti v Marokko (XVII–XIX cent.)* [The conception of the God's Judgement and the succession of power in Morocco (XVII–XIX cent.)]. In: *Vlast' i nasiliye v nezapadnykh obshchestvakh. Problemy teoreticheskogo osmysleniya i opyt prakticheskogo izucheniya*. Moscow: GBPOU Moskovskii gosudarstvennyi obrazovatel'nyi kompleks publ., 2016. P. 179–190. (In Russ.). EDN: ZCBMDB
27. Jamous R. *Honneur et baraka: les structures sociales traditionnelles dans le Rif*. Cambridge–Paris: Cambridge University Press, Éditions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1981. <https://doi.org/10.4000/books.editionsmslh.15250>

Информация об авторе:

Соловьева Дарья Владимировна — старший преподаватель кафедры арабской филологии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1, e-mail: solovieva.dv@yandex.ru ORCID: 0009-0000-5185-7440. SPIN-код: 1365-5236.

Information about the author:

Solovieva Darya V. — Senior Lecturer of the Department of Arabic Language and Literature, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, 11 Mokhovaya st, bldg. 1, Moscow, 125009, Russian Federation, e-mail: solovieva.dv@yandex.ru ORCID: 0009-0000-5185-7440. SPIN-code: 1365-5236.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2-172-186

EDN: UDNOSM

Научная статья / Research article

Политика Китая в Арктике: амбиции и реалии

А.А. Забелла

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ zabella_aa@pfur.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена увеличивающимся интересом Китайской Народной Республики (КНР) к арктической проблематике. Несмотря на то, что Китай не входит в число арктических и приарктических государств, он играет активную роль среди неарктических игроков в вопросе интернационализации управления Арктикой, стремясь усилить свой голос в делах региона. Цель исследования — изучение политики КНР в Арктике. В круг задач входит изучение исторической, нормативно-правовой базы политики Китая в Арктике, дискурса в китайском научном сообществе. Сделан вывод о намерениях китайской стороны активно продвигать нарратив о необходимости превращения Арктики в важную артерию международной логистики посредством реализации проекта Полярный Шелковый путь, акцентировать внимание на необходимости интернационализации арктического региона, а также расширять возможности доступа к природным ресурсам Арктики как привлекательному активу. Ввиду усиливающейся фрагментации международных отношений, «блокировки» деятельности РФ во время председательствования в Арктическом совете, китайская сторона получает большие возможности по вовлечению в арктическую повестку благодаря расширению сотрудничества с крупнейшей арктической державой — Россией.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Северный морской путь, Полярный Шелковый путь, цели устойчивого развития, научная деятельность КНР

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 05.11.2024; принята к публикации 20.01.2025.

Для цитирования: Забелла А.А. Политика Китая в Арктике: амбиции и реалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 172–186. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-172-186>

© Забелла А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

China's policy in the Arctic: ambitions and realities

Anastasia A. Zabella

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ zabella_aa@pfur.ru

Abstract. The relevance of the research topic is due to the increasing interest of the PRC in Arctic issues. Despite the fact that China is not one of the Arctic and sub-Arctic states, it plays an active role among non-Arctic players in the issue of internationalization of Arctic governance, seeking to strengthen its voice in Arctic affairs. The purpose of the research is to study the ambitions of Chinese policy in the region. The range of tasks includes issues of the historical, regulatory and legal framework of China's Arctic policy, discourse in the Chinese scientific community. Based on the results of the study, it was concluded that the Chinese side will actively promote the narrative of the need to transform the Arctic into an important artery of international logistics through the implementation of the Polar Silk Road project, and will focus on the need to internationalize the Arctic region and also expand opportunities for access to natural resources as an attractive asset in the Arctic. In view of the increasing fragmentation of international relations and the “blocking” of the Russian Federation's activities during its chairmanship of the Arctic Council, the Chinese side is gaining greater opportunities to be involved in the Arctic agenda due to expanded cooperation with the largest Arctic power — Russia.

Keywords: Northern Sea Route, Polar Silk Road, sustainable development goals, scientific activities of the People's Republic of China

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 05.11.2024. Accepted: 20.01.2025.

For citation: Zabella AA. China's policy in the Arctic: ambitions and realities. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(2):172–186. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-172-186>

Введение

Актуальность изучения арктической тематики подтверждается возрастающим вниманием со стороны арктических и неарктических государств к этому региону. Конкуренция за «новой пространство» усиливается как в море, космосе, интернете, так и в полярных регионах, а арктическая «шахматная доска» становится объектом серьезного соперничества государств. Недавний приход к власти Д. Трампа и попытки купить Гренландию у Дании подтверждают тезис о том, что арктический кейс будет доминировать в международной повестке в XXI в. В научном сообществе интерес к Арктике значительно увеличился. Среди исследователей, традиционно занимающихся различными аспектами арктической проблематики, стоит прежде всего отметить работы А.Н. Пилясова, в частности труды «Российская Арктика — 2035: полимасштабный прогноз» [1], «Построение общих интересов в Арктике и Северном Ледовитом океане с глобальным

вовлечением» [2], а также «Магнит глобализации — арктическая политика Китая» [3]. Международным сотрудничеством в Арктике многие годы занимается В.И. Сморгоча, стоит выделить работу «Перспективы развития международного сотрудничества в Арктике: основные направления» [4]. Комплексный анализ перспектив развития международного сотрудничества в Арктике приведен В.П. Журавлем и Д.А. Медведевым в книге «Международное сотрудничество России в Арктике в условиях геополитической трансформации» [5]. Интерес представляет статья «Конфликт на Украине и стратегическое преобразование арктической политики США: логика «исторического шанса» [6], авторами которой являются А.К. Магомедов и А.Е. Шапарова. Особого внимания заслуживают работы К.О. Лабеевой, фокусирующиеся на наличии конфликтогена в Арктике [7] и ожесточенном соперничестве в регионе [8]. Среди китайских трудов необходимо выделить комплексный анализ сотрудничества РФ и КНР в Арктике, выполненный Ли Тяньцы и Сюй Бо [9]. Теоретической основой исследования является концепция «гибридных войн». Интерес представляет и трактовка этого понятия российским историком А.В. Фененко: «„Гибридная война“ — в самом общем смысле означает вид враждебных действий, при котором нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а подавляет своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий, кибервоздействия, а также оказывая поддержку повстанцам, действующим на территории противника» [10].

Администрация Д. Трампа в вопросах Арктики будет делать ставку на политику агрессивного (наступательного, по Дж. Миршаймеру) реализма, уходя от присущего Д. Байдену сбалансированного (оборонительного — по К. Уолцу) реализма. Такое изменение курса предопределено тем, что в первый президентский срок Д. Трамп фокусировал внимание на внутривластных и экономических вопросах с целью возвращения былого величия США, но тем не менее именно при нем зашли в тупик переговоры по Украине, а также получило новый виток расширение антироссийских санкций. Принимая во внимание доминирующее положение РФ по многим арктическим проблематикам, расширяющееся сотрудничество между РФ и КНР по Арктике, США будут делать ставку на усиление своих позиций с целью обеспечения безопасности.

Среди неарктических государств, стремящихся к участию в арктической повестке, все более заметное место занимает КНР, чьи права в Арктике ограничены прежде всего ввиду существенной отдаленности от Северного полярного круга. Заинтересованность Китая в арктических делах частично отражена в Белой книге «Политика Китая в Арктике» (2018 г.)¹, официальной риторике руководства КНР, а также научных работах китайских специалистов.

¹ China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 26.01.2018. Available from: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm [Accessed: Sep 28, 2024].

Безответственный подход арктических государств, который нашел отражение в объявлении бойкота России и блокировании деятельности РФ в Арктическом совете, а также приостановке ее деятельности в Совете Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), Совете министров северных стран, Северном измерении, отчего в первую очередь страдают малочисленные коренные народы Севера арктических государств, стал драйвером к расширению взаимодействия между Россией и неарктическими государствами, прежде всего КНР, что создало окно возможностей для китайской стороны.

После XVIII Национального съезда Коммунистической партии Китая (КПК), который состоялся в 2012 г. под руководством ответственного секретаря Си Цзиньпина, Центральный комитет партии определил в качестве национальной стратегии будущего развития два важных трека: превращение КНР в морскую державу и полярные исследования. В 2013 г. КНР стала страной-наблюдателем в Арктическом совете. На этот год также пришелся приход к власти в Китае нового председателя — Си Цзиньпина, чей внешнеполитический вектор стал более прагматичным и рациональным. Именно при Си Цзиньпине в 2018 г. выходит в свет первый концептуальный документ КНР по Арктике².

Историческая и нормативная правовая база арктической политики Китая

Политику Китая в Арктике, по мнению автора, можно разделить на несколько хронологических этапов. Первый этап — это последние десятилетия прошлого и начало нового столетия, когда у китайской стороны только появляется интерес к Арктике. Хотя справедливости ради стоит сказать, что китайская сторона видит данный вопрос со своей спецификой. Так, в XIII в. после открытия Марко Поло странам Европы Китая, как «рая на земле, где повсюду золото, горы драгоценностей и много красивых девушек», европейцы стали искать кратчайший путь в Китай по Морскому Шелковому пути. Европейцы верили, что по морю из Норвегии в сторону Востока или в сторону Запада можно добраться до Китая. В XV в. подъем Османской империи разорвал традиционные связи между Востоком и Западом, что стало триггером к поиску новых маршрутов сотрудничества — через Север [11. С. 37]. Второй этап — с 2004 по 2013 г. — период активной реализации экономических и политических амбиций Китая (открытие арктической станции, создание научных институтов, строительство ледокольного флота, активизация двустороннего и многостороннего сотрудничества по арктической проблематике, в т.ч. по вопросам освоения ресурсов). Третий этап — 2013 г. по настоящее время — характеризуется приходом

² China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China. 26.01.2018. Available from: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm [Accessed: Sep 28, 2024].

к власти в Китае пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином, основной политической задачей которого является реализация мечты о «великом возрождении китайской нации» и достижении былого величия Китая, которое было утеряно по причине иностранного вмешательства в дела государства во времена опиумных войн. Задачами 14-го Пятилетнего плана Китая (на 2021–2025 гг.) являются достижение качественно нового уровня экономической мощи, научно-технического потенциала, совокупной мощи страны и повышение уровня жизни населения. Ключевая задача программы национального экономического и социального развития на период до 2035 г. — осуществление социалистической модернизации³. Таким образом, стоит отметить, что идеи о реализации «китайской мечты» прослеживаются во всех сферах политики КНР, в т.ч. арктической повестке (табл. 1, 2).

Таблица 1

Становление и развитие политики Китая в Арктике

Годы	Основные события
1	2
1925	Китайская сторона в 1925 г. присоединилась к Шпицбергенскому трактату (1920 г.), но реального участия в арктической повестке не принимала. Этот документ стал основой для последующих научно-исследовательских экспедиций КНР, открытия станций и участия в международной арктической проблематике.
1951	С 1951 г. стартуют практики китайских иностранных студентов за Полярным кругом. Первая практика состоялась у Гао Шилиу на базе Университета Торонто, затем с 1958 г. запускаются практики китайских студентов на базе МГУ. В 1958 г. китайский журналист Ли Нан, работающий в московском офисе Синьхуа, благодаря СССР стал первым китайцем, достигшим Северного полюса. Первой женщиной из КНР, побывавшей в Арктике, стала журналистка из Гонконга Ли Юэши в 1993 г.
1958	В 1958 г. принята Конвенция о континентальном шельфе. КНР не принимал участие в разработке, это делал Тайвань, однако документ имеет юридическую силу и сейчас.
1964	Создается Государственное океаническое управление Китая, в пункте 6 основного положения органа сказано: «проводить работу по морским исследованиям в Антарктиде и Арктике». По сути, это первое политическое решение КНР по Арктике [11. С. 153]. Ввиду сложной внутривластной ситуации в самом Китае (культурная революция 1966–1976 гг.), управление существовало лишь на бумаге. Реальное функционирование началось после 1978 г., что связано с запуском политики реформ и открытости. В 1977 г. организация выпускает новый документ, где отмечена задача продвижения в трех океанах, но речь о Северном Ледовитом океане не идет [11. С. 153].
1981	Создается Китайская арктическая и антарктическая администрация, чья деятельность была сосредоточена на организации научных проектов, однако работа в основном ограничивалась исследованиями в Антарктиде.
1982	КНР подписал Конвенцию ООН по морскому праву, что стало драйвером к осуществлению полярных научных исследований, однако по большей части в Антарктиде.

³ Четырнадцатый пятилетний план социально-экономического КНР и долгосрочные цели на 2035 год (проект) // Официальный новостной сайт Коммунистической партии Китая. 06.03.2021. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0306/c64387-32044137.html>. (дата обращения: 26.11.2024). (на кит. яз.).

1	2
1989	На базе Шанхайского института международных исследований открыл свои двери Полярный научно-исследовательский институт Китая, который стал ключевым органом по сбору и анализу информации по полярной тематике. Деятельность этого института подотчетна Государственному океаническому управлению Китая.
1991	Китайская сторона на провинциальном уровне (Хэйлунцзян) стала участником Северного форума.
1991	Китайская сторона участвовала в научных исследованиях на немецком судне и впервые установила флаг КНР в Арктике.
1993	Китай приобрел у украинской стороны дизель-электрический ледокол, который был назван Хуе Лонг (雪龙 Сюэ лун — «Снежный дракон»), именно эта покупка дала новый импульс для развития арктической политики. Однако стоит сказать, что атомные ледоколы представляют куда большую ценность, так как не требуют перевозить большое количество топлива или же делать много остановок, что в условиях Арктики особо актуально из-за нехватки инфраструктуры.
1994	В КНР прошла первая научная конференция по теме «Приоритетные направления и ключевые проекты китайской научной арктической экспедиции».
1995	Китайская академия наук учредила Комитет полярных наук с целью лучшего продвижения исследований в Антарктиде и Арктике.
1995	Китайская арктическая экспедиция завершила первую экспедицию на Северный полюс, организованную самими китайцами.
1996	КНР присоединилась к Международному арктическому научному комитету, чему способствовало участие во втором комитете, проводимом в 1995 г. в США. КНР стал 16-м членом организации.
1996	Создано Управление полярных экспедиций Государственного океанического управления, что знаменует формальное включение арктической проблематики в ответственность правительства.
1999	Из Шанхая стартовала первая научная экспедиция КНР на ледоколе «Снежный дракон».
2003	КНР присоединилась к Форуму арктических операторов, задачей которого является улучшение логистики и поддержка научных исследований.
2004	Китай открыл постоянную арктическую станцию Хуанхэ в поселке Новый Олесунн, Шпицберген.
2005	Китай принял у себя арктическую научную неделю, став первой азиатской страной, проводившей международную конференцию высокого уровня по Арктике.
2007	Китай впервые обратился по вопросу получения статуса наблюдателя в Арктическом совете (АС) в Тромсё, Норвегия, после чего стал временным наблюдателем в АС.
2011	На базе Госсовета КНР была создана межведомственная группа по координации арктической деятельности.
2012	Создан Китайский центр полярных исследований, который стал вторым органом, реализующим арктическую политику наряду с Управлением полярных экспедиций Государственного управления океанических исследований.
2013	Китай стал наблюдателем в АС, что существенно повысило участие страны в арктической проблематике. Стоит отметить, что на тот момент существовал дипломатический скандал между КНР и Норвегией из-за присуждения норвежским Нобелевским комитетом премии мира китайскому правозащитнику и диссиденту Лю Сяобо, однако Норвегия не высказала несогласие по вопросу получения Китаем статуса наблюдателя в АС, хотя конфликт наблюдался и позже. Так, в 2015 г. военно-морские суда Китая осуществили визиты доброй воли в арктические страны, однако остановок в Норвегии не было.

1	2
2013	Китайская национальная нефтяная корпорация и российская компания «Новатэк» подписали рамочное соглашение о приобретении 20 % акций проекта «Ямал СПГ», таким образом КНР стал официально участвовать в развитии энергетики Арктики.
2013	Судно Yongsheng, принадлежащее группе China COSCO, впервые в экспериментальном порядке прошло по арктическому маршруту. Это стало катализатором к большему вниманию со стороны руководства КНР в арктическому транспортному пути.
2014 и 2015	КНР выпустил путеводитель по Арктике (северо-восточный путь), а в 2015 г. — руководство по северо-западному пути. В материалах представлена детальная информация по климату, географии, морским трассам Северного морского пути, в них также содержатся обширные данные по законам приарктических государств, что способствовало интенсификации политического диалога.
2016	Пять судов китайской группы COSCO были отправлены по Северному морскому пути. В этом же году Китай выпускает рекомендации по навигации у северо-западного побережья Канады. Официальный представитель Администрации морской безопасности Китая Лю Пэнфэй заявляет о том, что «китайские корабли будут проходить через северо-западных проход в будущем», при этом не указывая на временные рамки. ⁴ Здесь примечательны дальнейшие действия китайской стороны, так как летом 2017 г. КНР направил государственный научно-исследовательский ледокол к побережью Канады без официального запроса канадской стороне о заходе во внутренние воды страны, однако запросил разрешение на проведение морских научных исследований, ссылаясь на такую возможность согласно Морскому праву. ⁵
2016	Начинается строительство первого атомного ледокола китайского производства Xue Long 2 (雪龙 二 — «Снежный дракон 2») при взаимодействии с финской стороной, который спускают на воду в 2019 г. Стоит сказать, что у НОАК есть и небольшие ледоколы, которые базируются в Циндао и Лушунью (Порт-Артур).
2016	Китай в городе Кирун (Швеция) открывает наземную станцию спутниковой связи на базе Центра космических исследований «Эсрейндж».
2017	Xue Long впервые пересекает Центральную Арктику (зона между Северной Землей и Новосибирскими островами).
2017	Си Цзиньпин во время визита в РФ инициирует совместное строительство Полярного Шелкового пути.
2018	Китайская сторона совместно с Исландией открыли научную лабораторию в Арктике. Таким образом, Китай за Северным полярным кругом имеет три точки базирования, где проводятся научные исследования.
2018	Китай принимает свою первую арктическую политику, в которой Полярный Шелковый путь отмечен в качестве составной части реализации инициативы «Один пояс, один путь».
2019	КНР спустил на воду построенное китайскими специалистами судно Jidi (极地 Циди «Полярная область»), использующее технологию двустороннего ледокольного движения, которое пробивает лед как с помощью носа, так и кормы.
2024	Береговая охрана КНР впервые вошла в Северный Ледовитый океан в рамках совместного с РФ крупномасштабного военно-морского и воздушного проекта «Океан–24»

Источник: составлено А.А. Забелла на основе литературы на китайском языке [9, 11, 12].

⁴ China Eyes Faster Arctic Routes Opened by Global Warming // Marine Link: [Internet]. 20.04.2016. Available from: <https://www.marinelink.com/news/warming-faster-arctic408468> [Accessed: Oct 25, 2024].

⁵ The Debate over the Legal Status of the Northwest Passage Explanatory Notes by Suzanne Lalonde // NAADSN : [Internet]. 23.10.2023. Available from: https://www.naadsn.ca/wp-content/uploads/2023/10/23sep-Lalonde-NWP_Policy-Primer.pdf [Accessed: Oct 24, 2024].

Научно-исследовательские экспедиции Китая в Арктике

№	Время отправления	Время завершения	Название судна	Место отправления
1	1,07.1999	9,09.1999	Xue Long	Шанхай
2	15,07.2003	26,09.2003	Xue Long	Далянь
3	11,07.2008	24,09.2008	Xue Long	Шанхай
4	02,07.2010	20,09.2010	Xue Long	Сямынь
5	02,07.2012	27,09.2012	Xue Long	Циндао
6	11,07.2014	23,09.2014	Xue Long	Шанхай
7	11,07.2016	26,09.2017	Xue Long	Шанхай
8	20,07.2017	10,10.2017	Xue Long	Шанхай
9	20,07.2018	26,09.2018	Xue Long	Шанхай
10	10,08.2019	27,09.2019	Xiangyang hong 1	Циндао
11	15,07.2020	27,09.2020	Xue Long 2	Шанхай

Источник: составлено А.А. Забелла на основе литературы на китайском языке [9, 11, 12].

Действия КНР в 2017 г. у берегов Канады подтверждают тот факт, что китайская сторона оспаривает правила судоходства в исключительных экономических зонах, установленных Россией и Канадой. Китай не является сторонником расширения суверенных прав арктических государств и исключительных экономических зон, приводящего к сокращению площади международных арктических вод [13. С. 27]. Напрашивается вывод о существовании вероятности того, что в среднесрочной перспективе КНР потребует предоставить статус нейтральных вод Северному морскому пути. Необходимо учитывать важную экономическую причину заинтересованности Китая в Арктике: так, маршрут из Европы в Китай по Северному морскому пути (СМП) требует 25 дней и 625 тонн мазута, а через Суэцкий канал — 35 дней и 875 тонн мазута [5. С. 7]. Помимо прочего, реализация проектов в рамках «Один пояс, один путь» (ОПОП), а в случае Арктики это «Полярный Шелковый путь», предполагает расчеты в китайской валюте, то есть интернационализацию юаня. С учетом возрастающей потребности решения «ловушки среднего дохода», необходимости обеспечения энергетической безопасности, китайская сторона все активнее будет продвигать выгодную для себя арктическую повестку. Нельзя исключать и пропаганду интернационализации СМП западными странами, особенно с учетом антироссийского курса. Так, еще в 2007 г. российский полярник А.Н. Чилингаров совершил погружение на дно Северного полюса и доказал, что хребет Ломоносова является продолжением Сибирской континентально платформы. Признание доводов А.Н. Чилингарова способствовало

бы увеличению континентального шельфа РФ с 200 до 350 морских миль от побережья. Страны Арктического совета не признали результаты исследования, а Дания и Канада выдвинули территориальные претензии на эту территорию. Большой интерес представляет позиция Н.Д. Елецкого: «На шельфовые месторождения Северного Ледовитого океана приходится четверть разведанных мировых запасов углеводородного сырья, и противоречия по поводу их хозяйственного освоения становятся все более опасными в условиях дестабилизации и хаотизации международных отношений» [14. С. 85].

Нормативно-правовая база политики Китая в Арктике

Основополагающий документ — Белая книга «Политика Китая в Арктике» 2018 г., однако ранее были опубликованы другие не менее важные. Так, в 1996 г. на базе Государственного океанического управления вышел базовый документ по руководству устойчивого развития Мирового океана — «Повестка дня Китая по океану в XXI веке»⁶. В документе Арктика упомянута 7 раз, основной акцент сделан на сотрудничестве в области науки. В 1998 г. Государственный совет КНР обнародовал Белую книгу «Развитие морского хозяйства Китая», где Арктика упомянула всего 2 раза в контексте международного сотрудничества⁷.

С 1998 г. на регулярной основе (раз в два года) в КНР выпускались Белые книги «Национальная оборона Китая», но в них речь про Арктику до 2015 г. не шла. В Белой книге по обороне «Военная стратегия Китая» от 2015 г. интерес представляет то, что впервые защита морских прав и интересов определяется в качестве долгосрочной задачи Китая⁸.

Примечательна речь заместителя министра иностранных дел КНР Чжан Мина на Третьей ассамблее Северного полярного круга в Рейкьявике (Исландия), в которой изложен план арктической политики КНР, включающий шесть столпов: 1) исследование региона; 2) защиту и «рациональное использование»; 3) защиту прав арктических государств и коренных народов; 4) уважение прав неарктических государств и международного сообщества; 5) создание многоуровневой структуры сотрудничества;

⁶ Повестка дня Китая по океану в XXI веке // Всекитайское собрание народных представителей. 31.10.2009. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/huiyi/lfzt/hdbhf/2009-10/31/content_1525058.htm (дата обращения: 26.10.2024). (на кит. яз.).

⁷ Развитие мирового хозяйства Китая // Национальный исторический сайт КНР. 28.06.2009. Режим доступа: http://www.hprc.org.cn/wxzl/zfbps/zhefbpp/200906/t20090628_3950128_4.html (дата обращения: 26.10.2024). (на кит. яз.).

⁸ China's Military Strategy (full text) // The State Council of the People's Republic of China: [Internet]. 27.05.2015. Available from: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2015/05/27/content_281475115610833.htm [Accessed: Sep 26, 2024].

б) соблюдение международного права (Конвенция ООН по морскому праву, Шпицбергенский договор)⁹.

В 2017 г. разработана Концепция морского сотрудничества в рамках инициативы ОПОП. Согласно этой концепции, правительство Китая готово *поощрять участие китайских предприятий в коммерческом использовании СМП* и хотело бы сотрудничать с соответствующими арктическими странами *в сфере оценки ресурсного потенциала арктических территорий*¹⁰.

В Белой книге по обороне «Национальная оборона Китая в новую эпоху»¹¹ от 2019 г. отмечается, что НОАК продвигает международную безопасность, военное сотрудничество и совершенствует механизмы защиты зарубежных интересов Китая, в т.ч. посредством создания сил дальнего моря, развития зарубежных логистических объектов и расширения возможностей для выполнения военных задач.

Как уже отмечено выше, в 2018 г. Госсовет КНР опубликовал официальный документ «Политика Китая в Арктике»¹², что документально подтвердило желание страны участвовать в арктической гонке за регион.

Политике Си Цзиньпина присущ отход от концепции Дэнь Сяопина «держаться в тени и скрывать свои возможности». Председатель КНР активно продвигает различные концепции и внешнеполитические инициативы: ОПОП, Сообщество единой судьбы человечества.

Говоря о глобальных инициативах и их корреляции с арктической политикой КНР, прежде всего, стоит выделить инициативу ОПОП, стартовавшую в 2013 г., и исходную из нее — Полярный Шелковый путь. Важность ОПОП подтверждается тем, что в 2017 г. на XIX съезде КПК ОПОП была включена в Устав партии.

Важной задачей ОПОП является вывод КНР из полупериферии мирового хозяйства и превращение ее в ядро. На текущий момент этому мешают низкие показатели прибыли на душу населения, социальное расслоение, экологические проблемы и т.д. Внутренняя динамика, т.е. внутренние финансовые проблемы, могут замедлить или отсрочить подъем КНР как гегемона [15].

⁹ Keynote Speech by Vice Foreign Minister Zhang Ming at the China Country Session of the Third Arctic Circle Assembly/ China in the Arctic: Practices and Policies/ Embassy of the People's Republic of China in Iceland: [Internet]. 18.10.2015. Available from: http://is.china-embassy.gov.cn/eng/zbqx/kjll/201510/t20151018_3164910.htm [Accessed: Nov 26, 2024].

¹⁰ Полный текст Концепции сотрудничества на море в рамках инициативы «Один пояс и один путь» // Синьхуа: [сайт]. 20.06.2017. URL: https://russian.news.cn/2017-06/20/c_136381457.htm. (дата обращения: 22.10.2024).

¹¹ China's National Defense in the New Era // The State Council Information Office of the People's Republic of China: [Internet]. 07.2019. Available from: <http://www.chinadaily.com.cn/specials/whiteteperonnationaldefenseinnewera.pdf> [Accessed: Sep 26, 2024].

¹² China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China: [Internet]. 26.01.2018. Available from: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm [Accessed: Sep 28, 2024].

Таблица 3

Главная цель КНР

Политика КНР	ЦУР
Изучение Арктики 1. Проведение исследований, научных обменов, экспедиций, в т.ч. международных, строительство научных станций. 2. Мониторинг климатических изменений. 3. Продвижение технологических инноваций	ЦУР 4 — Качественное образование ЦУР 9 — Индустриализация, инновации и инфраструктура ЦУР 13 — Борьба с изменением климата ЦУР 14 — Сохранение морских экосистем ЦУР 15 — Сохранение экосистем суши
Защита экологической среды и решение проблем с изменением климата 1. Контроль морских экосистем и экосистем суши. 2. Охрана и защита флоры и фауны. 3. Укрепление экологического менеджмента. 4. Сохранение биоразнообразия региона. 5. Выполнение международных обязательств по сокращению выбросов. 6. Прогнозировать риски. 7. Информирование мировой общественности о влиянии изменения климата на регион	ЦУР 13 — Борьба с изменением климата ЦУР 14 — Сохранение морских экосистем ЦУР 15 — Сохранение экосистем суши ЦУР 16 — Мир, правосудие и эффективные институты ЦУР 17 — Партнерство в интересах устойчивого развития
Использование ресурсов Арктики 1. Строительство инфраструктуры арктических водных путей. 2. Содействие коммерческому использованию арктических водных путей. 3. Устойчивое освоение ресурсов региона совместно с другими арктическими государствами. 4. Укрепление сотрудничества в области чистой энергетики. 5. Рациональное использование ресурсов Арктики. 6. Развитие устойчивого туризма	ЦУР 7 — Недорогостоящая и чистая энергия ЦУР 9 — Индустриализация, инновации и инфраструктура ЦУР 12 — Ответственное производство и потребление ЦУР 13 — Борьба с изменением климата ЦУР 14 — Сохранение морских экосистем ЦУР 15 — Сохранение экосистем суши ЦУР 17 — Партнерство в интересах устойчивого развития
Участие в управлении Арктикой и международное сотрудничество 1. Поддержание действующей системы международного управления Арктикой, в основе которой лежат Устав ООН и Конвенция ООН по морскому праву. 2. Координация арктической политики и взаимодействия между странами по арктической тематике	ЦУР 16 — Мир, правосудие и эффективные институты ЦУР 17 — Партнерство в интересах устойчивого развития
Содействие миру и стабильности в Арктике 1. Обеспечить безопасность морской торговли, морских операций и перевозок. 2. Укреплять международное сотрудничество с арктическими странами в области поиска и спасения на море и в воздухе, раннего предупреждения на море, реагирования на чрезвычайные ситуации, обмена разведанными и т.д.	ЦУР 9 — Индустриализация, инновации и инфраструктура ЦУР 16 — Мир, правосудие и эффективные институты ЦУР 17 — Партнерство в интересах устойчивого развития

Источник: составлено А.А. Забелла на основе Белой книги «Политика Китая в Арктике» и ЦУР ООН.

В 2021 г. была опубликована Белая книга «Сотрудничество в области международного развития в новую эпоху». Согласно документу, Китай продолжит руководствоваться концепцией Сообщества единой судьбы человечества, с правильным взглядом на справедливость и интересы как на ценностные ориентации, и будет активно осуществлять международное

*сотрудничество в целях развития в рамках своих возможностей для использования мощи Китая для глобального развития*¹³.

Китайское арктическое мышление — это карта, центрированная на Северном полюсе: первично «ничейное» морское пространство, сухопутные окраины вторичны [З. С. 115].

Таким образом, можно проследить, что основные направления арктической политики Китая соответствуют ЦУР, а также служат основой для продвижения глобализации Арктики по-китайски, а в последствии и доступа всех игроков к использованию и регулированию активов арктической зоны.

Политика Китая в Арктике: взгляд китайского научного сообщества

В докладе Госсовету КНР сотрудник Даляньского морского университета Ли Чжэньфу подчеркнул: «Тот, кто получит контроль над арктическим маршрутом, будет контролировать новый путь мировой экономики»¹⁴. Китайский контр-адмирал Инь Чжо еще в 2010 г. продекларировал, что: «Арктика принадлежит всему миру, так что ни у одного народа нет над ней единоличной власти»¹⁵. Заместитель директора Китайского центра по изучению полярных территорий Управления исследований океана Ли Юаньшэн заявил о необходимости предоставления Китаю прямого доступа к Северному морскому пути: «Для нас вопрос освоения Арктики ключевой. И мы бы хотели, чтобы Россия не только пошла навстречу в исследовательском плане, но и предоставила благоприятные условия для прохода наших судов через свои воды». Эксперт Китайского института международных проблем Юань Цзунцзэ заявил: «Северный морской путь является глобальным общим достоянием и не может управляться отдельными государствами»¹⁶.

Ряд китайских специалистов выражают полное согласие с тезисом о том, что Китай является «околоарктическим государством», расположенным вблизи Северного полярного круга [16].

Большой интерес представляют работы Чжан Чэна, основной тезис одной из них сводится к следующему: *Китаю необходимо твердо защищать и расширять собственные права и интересы в Арктике*, поддерживать позицию неарктических стран, превратить арктический регион в «общую

¹³ China's International Development Cooperation in the New Era // The State Council Information Office of the People's Republic of China : [Internet]. 01.2019. Available from: <https://english.mee.gov.cn/Resources/publications/Whitep/202101/P020210122374486901993.pdf> [Accessed: Oct 25, 2024].

¹⁴ Жуков М. Кто хозяин в Арктике? // Парламентская газета: [сайт]. 26.03.2013. URL: <https://www.pnp.ru/comment/detail/15665>. (дата обращения: 22.10.2024).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

землю» (公地化, гундихуа); прагматично признавать приоритетные права арктических стран и избегать структурных конфликтов с ними¹⁷. Также Чжан Чэн полагает, что «российская арктическая политика преследует три основные цели: охрана окружающей среды, национальная безопасность и социально-экономическое развитие. *«Поворот России на Восток» поможет Китаю еще больше усилить свое участие в арктических делах и в то же время укрепить и углубить всестороннее сотрудничество между КНР и РФ по арктическим делам. РФ и КНР необходимо укрепить сотрудничество в рамках инициативы ОПОП. При администрации Трампа США утратили свою лидирующую позицию в Арктике, превратились в «колеблющееся» (摇摆者, яобайчжэ), а по некоторым вопросам «отстающее» (拖后腿者, тохоу туйчже) государство»¹⁸.*

По мнению Чжао Ниннин, по мере увеличения присутствия КНР в Арктике будет нарастать давление со стороны США. КНР будет обвинен в попытках безответственно подорвать правила управления Арктикой. Задача КНР: посредством научных исследований реагировать на изменения климата для лучшего использования «общественного достояния» (公域, гунъюй) Арктики. Интересен и следующий тезис: «на фоне санкций США и стран Европы РФ будет больше полагаться на политическую и экономическую поддержку Китая. Цель Китая: усилить свое участие в освоении российских арктических нефтегазовых ресурсов, а также развивать Северный морской путь»¹⁹.

Чжу Баолинь полагает, что участие Китая в управлении Арктикой требует мирной и стабильной обстановки. Военные действия арктических стран увеличили риски геополитической безопасности в Арктике и привнесли много неопределенностей в участие Китая в управлении Арктикой. Китай рассматривается некоторыми арктическими странами как источник угрозы арктической безопасности, что ограничивает участие Китая в управлении Арктикой. Полагает, что общим интересам всего человечества отвечает создание в Арктике «механизма Сообщества единой судьбы человечества» [12].

В целом из вышеприведенных тезисов китайских специалистов становится очевидно, что арктическая повестка стала крайне актуальной в научном сообществе Китая. Об этом также говорят статистические данные

¹⁷ Чжан Ч., Гу С. Реалистичный ориентир для построения модели системы управления в Арктике // Китайский исследовательский центр развития океана : сайт. 16.11.2019. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/5Bcu5wB09HEJibyp0K5hug> (дата обращения: 25.10.2024). (на кит. яз.).

¹⁸ Чжан Ч. Исследование глобализации на фоне арктического управления и стратегий взаимодействия Китая // На границе времени и пространства : сайт. 03.07.2022. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/86ZVChBtgtyXqPz_4qObGw (дата обращения: 27.10.2024). (на кит. яз.).

¹⁹ Чжао Н. Анализ арктической стратегии Байдена и перспектив ее реализации // Пограничный и океанологический институт при Уханьском университете : сайт. 11.02.2023. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/4X-eBuRr2c0s6X1iISk3kQ> (дата обращения: 27.10.2024). (на кит. яз.).

на платформах Wanfang Data (万方数据) и CNKI express, согласно которым количество защищающихся магистрантов и докторантов по теме Арктики (北极, бэйцзи) в Китае за последние годы многократно увеличилось.

Заключение

Арктический регион, являясь одним из центров международной политики, постепенно превращается и в центр многополярного мира, важную артерию международной торговли, а также арену усиливающегося соперничества.

Становление и развитие политики Китая в Арктике насчитывает десятилетия, однако пик пришелся на приход пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином. Арктика не относится к приоритетным направлениям внешнеполитического курса Китая, однако интерес и амбиции в Арктике постепенно увеличиваются. С целью упрочить свои позиции в регионе, руководство КНР не только создало государственные органы для реализации арктической стратегии, активно участвует в международных научно-исследовательских экспедициях, строит ледоколы, но и прочно закрепило арктическую проблематику в нормативных правовых документах Китая. По мнению автора, многие неарктические государства, реализуя арктическую политику, фокусируют внимание на том, что процессы, происходящие в Циркумполярном регионе, отражаются на всем мире, что, бесспорно, однако при этом нельзя не учитывать современные реалии Китая, а именно потребность в поддержании социального благосостояния при замедлении экономического роста и обеспечении энергетической безопасности. КНР стремится участвовать в управлении Арктикой, добиться интернационализации региона. Не исключено, что в среднесрочной перспективе арктическая повестка станет одним из магистральных направлений политики КНР, а это может привести к ужесточению позиции по отстаиванию амбиций Китая в Арктике.

Список литературы

1. Котов А.В., Пилясов А.Н. Российская Арктика — 2035: полимасштабный прогноз // Экономика региона. 2024. Т. 20. № 2. С. 369–394. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-3> EDN: XEPSNM
2. Zamyatina N., Pilyasov A. Innovations in the Arctic: Special Nature, Factors, and Mechanisms // Building Common Interests in the Arctic Ocean with Global Inclusion / ed. By P.A. Berkman, A. Vylegzhanin, O. Young, D. Balton, O.R. Øvretveit. Cham : Springer, 2022. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89312-5_19
3. Пилясов А.Н. Магнит глобализации — арктическая политика Китая // Арктика: экология и экономика. 2018. Т. 3. № 31. С. 112–С.122. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2018-3-112-122> EDN: YMCFPN
4. Сморчкова В.И. Перспективы развития международного сотрудничества в Арктике: основные направления // Государственная служба. 2020. № 5. С. 76–83. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2020-22-5-76-83> EDN: KLTNAF

5. Журавель В.П., Медведев Д.А. Международное сотрудничество России в Арктике в условиях геополитической трансформации / под ред. С.Н. Гриняева. М. : АНО ЦСОиП, 2023. 80 с. EDN: IZLVAI
6. Магомедов А.К., Шапаров А.Е. Конфликт на Украине и стратегическое преобразование Арктической политики США: логика «исторического шанса» // МЭиМО. 2024. Т. 68. № 10. С. 48–58. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-10-48-58> EDN: ELALK
7. Лабецкая Е.О. «Бесконфликтная Арктика»: Pro et Contra // Журнал МЭиМО. 2021. № 4. С. 34–46. <https://doi.org/10.20542/afj-2021-4-34-46> EDN: WNKCHI
8. Лабецкая Е.О. Арктический фронт мировой гибридной войны // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 153–174. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-153-174> EDN: UWVBBH
9. Ли Т., Сюй Б. Исследование арктического сотрудничества Китая и России. Пекин : Коммерческое издание, 2023. (на кит. яз.).
10. Фененко А. Мифы «гибридной войны» // Национальная оборона: [сайт]. 07.31.2023. URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/mify-gibridnoyvojny-44861.shtml> (дата обращения: 11.12.2024).
11. Исследование Северного дракона: история развития полярной деятельности в новом Китае / гл. ред. Хуан Цинцяо. Шанхай : Изд-во Шанхайского университета транспорта, 2021. (на кит. яз.).
12. Чжу Б. Стратегическое исследование участия Китая в ситуации секьюритизации вопросов управления Арктикой // Журнал Экономического университета Хубэй. 2021. № 6. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/nJ_qwIbMZtzh24K3clHlgA (дата обращения: 20.10.2024). (In Chin.).
13. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Доклад № 26/2016 / гл. ред. И.С. Иванов. М. : НП РСМД, 2016. С. 26–27.
14. Елецкий Н.Д. Интересы России в условиях глобализации отношений собственности и управления (на примере Арктического региона) // Арктика и Север. 2018. № 32. С. 82–94. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.32.82>
15. Breslin S. Global reordering and China's rise: Adoption, adaption and reform // The International Spectator. 2018. Vol. 53. № 1. P. 57–75. <https://doi.org/10.1080/03932729.2018.1401804>
16. Куан Ц., Оу К. Новая политика Китая по Арктике (О Белой книге «Политика Китая в Арктике») // Журнал МЭиМО. 2019. Т. 63. № 7. С. 84–91. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-7-84-91>

Информация об авторе:

Забелла Анастасия Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: zabella_aa@pfur.ru ORCID: 0000-0001-7082-5073. SPIN-код: 9465-8400.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2-187-200

EDN: UABIVI

Научная статья / Research article

Военный и информационно-психологический конфликт в Ракхайне: прошлое, настоящее, перспективы разрешения

С.А. Михайлов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ 24rotweiss48@mail.ru

Аннотация. Исследованы причины внутригосударственных проблем Мьянмы, связанных с этноконфессиональными противоречиями в Ракхайне, а также международное вмешательство во внутренние дела этой страны с использованием современных методов ведения боевых действий в мировом информационном поле. Анализ осуществлен в контексте истории вопроса, существующего уровня и возможных перспектив разрешения конфликта. Сделан вывод о том, что начиная с 2021–2022 гг. интенсивность конфликта, а также информационная, политическая и иная вовлеченность Запада в поддержку рохинджа стали снижаться. Это, безусловно, положительно сказалось на потенциале Татмадау (армия и пограничники Мьянмы) по противостоянию сепаратизму и терроризму в Ракхайне. Автор обращает внимание, что любое государство (на примере Мьянмы), имеющее богатое и насыщенное историческое прошлое, собственную политическую культуру и духовные ценности, но не вписывающееся в современную «демократическую» систему Глобального Запада, имеет полное право на решение собственных внутренних проблем доступными ему методами. Политическое, экономическое или информационное давление на него не является методом решения проблем, тем более если оно осуществляется под прикрытием ложно трактуемых демократических принципов.

Ключевые слова: Мьянма, Аракан, рохинджа, Татмадау, информационная война, психологическая война, радикализм, терроризм, сепаратизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 04.03.2024; принята к публикации 12.12.2024.

Для цитирования: Михайлов С.А. Военный и информационно-психологический конфликт в Ракхайне: прошлое, настоящее, перспективы разрешения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 187–200. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-187-200>

© Михайлов С.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Military, informational and psychological conflict in Rakhine: past, present and prospects for resolution

Sergey A. Mikhaylov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ 24rotweiss48@mail.ru

Abstract. The study examines the causes of Myanmar's domestic problems related to the ethno-confessional contradictions in Rakhine as well as international intervention in the country's internal affairs through the use of modern methods of warfare in the global information field. The analysis is implemented in the context of the history of the issue, the current level and possible prospects for resolving the conflict. It is concluded that starting from 2021–2022, the intensity of the conflict as well as the West's informational, political and other engagement in supporting the Rohingya, began to decline. This, of course, had a positive effect on the Tatmadaw's (Myanmar army and border guards) potential to counter separatism and terrorism in Rakhine. The author draws attention to the fact that any state (using Myanmar as an example) that has a rich and eventful historical past, its own political culture and spiritual values but does not fit into the modern "democratic" system of the Global West, has every right to solve its own internal problems using the methods available to it. Political, economic or information pressure on it is not a method for solving problems, especially if it is carried out under the guise of falsely interpreted democratic principles.

Keywords: Myanmar, Arakan, Rohingya, Tatmadaw, informational and psychological warfare, radicalism, terrorism, separatism

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 04.03.2024. Accepted: 12.12.2024.

For citation: Mikhaylov SA. Military, informational and psychological conflict in Rakhine: past, present and prospects for resolution. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(2):187–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-187-200>

Введение

Прежде чем начать анализ истории и сущности длительного по времени Ракхайнского конфликта, следует отметить, что Мьянма — это полиэтническая страна, которую населяют более ста народностей: бирманцы (68 %), шаны (9 %), карены (7 %), араканцы / ракхайнцы (4 %), китайцы и индийцы (по 3 %), моны (2 %), качины (1,5 %), другие национальности составляют до 3,5 % (из них на рохинджа приходится около 0,03 %). Конфессионально это довольно однородная страна, где значительное большинство населения (89 %) придерживаются буддизма¹.

¹ Большая Азия. Мьянма. Режим доступа: https://bigasia.ru/asian_countries/myanma/ (дата обращения: 20.05.2023).

Рохинджа — этническая группа, компактно проживающая на севере бирманского штата Ракхайн (или Аракан), на границе с Бангладеш. По внешнему виду, языку (индоевропейский), культуре, религии (ислам) этот народ серьезно отличается от коренных раххайнцев и бирманцев. В то же время их многое объединяет с бенгальскими мусульманами, проживающими на юго-востоке Бангладеш (область Читтагонг). И федеральное правительство Мьянмы, и большинство бирманцев воспринимают рохинджа как нелегальных мигрантов из-за рубежа, которых называют «бирманскими косоварами»².

В этом контексте весьма примечательно, что в течение всего периода демократизации Мьянмы не отмечалось выступлений от имени рохинджа со стороны общественных или политических организаций страны. Это неудивительно с учетом того обстоятельства, что большинство людей в стране, мягко говоря, не испытывают особых симпатий к рохинджа и уж тем более к их джихадистской борьбе. На первый взгляд, едва ли национальной безопасности страны с населением в 57 миллионов человек всерьез могут угрожать чуть более 1,42 миллиона рохинджа, по большей части нелегально находящихся на бирманской территории. Однако проблема состоит в том, что за спиной у них стоит бедная, небольшая по площади и при этом почти 170-миллионная Народная республика Бангладеш (НРБ), способная на постоянной основе пополнять поток мигрантов и беженцев, в первую очередь бегущих в направлении ближайших соседей этой страны. И это беспокоит как правительство Мьянмы, так и коренное население Аракана³.

Другой важной тенденцией является то, что в XXI в. в местных анклавах резко активизировались исламские радикалы и появились многочисленные военизированные группировки террористического характера. Это, в частности, «Армия Аракана» (далее — АА) и «Армия спасения рохинджа Аракана» (далее — АСРА), созданные в 2012 г. на фоне очередного обострения взаимного противостояния. Об истинной сущности таких «борцов за свободу и демократию» говорят более чем характерные факты о лидере АСРА, известном как Атаулла абу Аммар Джанджуни. Это представитель радикального крыла из Пакистана, родившийся в крупной общине рохинджа в Карачи. Получив мусульманское образование в Саудовской Аравии в духе ваххабизма, Атаулла абу Аммар Джанджуни вернулся в Пакистан, прошел военную и террористическую подготовку в лагере мусульманских радикалов, после чего вернулся в Мьянму. Идеологическая обработка местной исламской (и не только) молодежи и формирование (на первом этапе) раххайнской партизанской армии в составе примерно тысячи бойцов стала начальным этапом подготовки к более серьезным событиям в истории

² Ивашенцов Г.А. Мьянманская спираль // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/myanmanskaya-spiral/?sphrase_id=103650561 (дата обращения: 10.05.2023).

³ Там же.

Мьянмы. Постепенно АСРА разрасталась и начала подготовку к организации вооруженного восстания в Аракане, которое началось в октябре 2016 г. с нападения радикалов на блокпосты мьянманских пограничников. Так, собственно, и началась острая фаза конфликта между ракхайнскими сепаратистами и федеральными властями («Ракхайнская война») ⁴.

Не менее характерен и многое объясняет портрет лидера другой радикальной и террористической группировки Ракхайна — Тун Мьят Найна, возглавляющего АА. Он является выпускником Технологического университета в Ситве (столица штата) и всегда предстает перед иностранными журналистам и туристами в роли аккуратного, улыбчивого, образованного и энергичного «своего парня». Однако на деле это довольно жесткий и беспринципный человек, возглавляющий одну из самых кровавых террористических организаций, цель которой — «большая автономия (а по факту — отделение) от остальной Мьянмы, несправедливо угнетающей местное население» ⁵.

О жестокости АСРА и АА ярко свидетельствует и тот факт, что боевики из этих группировок совершают нападения даже на лагеря беженцев рохинджа (располагающихся в основном на территории Бангладеш). Они преследуют и убивают всех, кого подозревают в сотрудничестве с официальными властями и структурами. Это может касаться и работников международных гуманитарных организаций вне зависимости от пола и возраста. Радикалы считают, что имеют полное право осуществлять агрессивные действия против всех, кто не поддерживает идею «Свободного Аракана» [1].

Взаимосвязь араканских и исламских радикальных группировок более чем прозрачна. В частности, исследователь Ифтекхарул Башар из издания «Тенденции и исследования в сфере противодействия терроризму» (Counter Terrorists Trends and Analyses / СТТА) указывает на то, что террористы из Аль-Каиды*, ИГИЛ*, «Общества воинов ислама» (Jamaat-ul-Mujahideen, JMB)* и других подобных организаций ставят своей задачей присоединение к единому Исламскому халифату Северной Индии, Бангладеш и мьянманского мусульманского штата Ракхайн. Они распространяют в Интернете и социальных сетях видеоролики радикального содержания, где, в частности, говорится о необходимости свержения бирманских федеральных властей, а также совершения терактов против местных чиновников и силовиков и т.д. Эмиссары и сторонники террористов активно вербуют в свои ряды ракхайнскую молодежь, которая зачастую не видит для себя никаких жизненных

⁴ Магомед Ториев. Рохинджа в Мьянме — пешки в англо-китайской опосредованной войне. URL: <https://ingush-news.livejournal.com/156282.html> (дата обращения: 15.05.2023).

⁵ «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод // Rybar.ru URL: <https://rybar.ru/armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmar-razvyazali-voynu-na-fone-drevnih-pagod/> (дата обращения: 15.05.2023).

* Признаны в России террористическими организациями, их деятельность на территории страны запрещена.

перспектив и в итоге охотно становится «борцами за ислам». Таким образом, интересы главных радикальных и деструктивных сил противостояния (араканские националисты и радикальные исламские организации) во многом пересекаются и объединяются, и сложность проблемы продолжает поддерживаться на определенном и неприятном для Мьянмы уровне [2].

Предыстория конфликта

Если говорить об эволюции развития данного конфликта, то необходимо отметить, что в первые годы мьянманской независимости от Великобритании и нахождения у власти премьер-министра У Ну (в 1948–1962 гг.) ситуация в Ракхайне / Аракане оставалась относительно спокойной. Это серьезно контрастировало с остальной страной, где происходила полноценная гражданская война (официально завершившаяся лишь в 2012 г.). Более того, тогда не существовало понятия «рохинджа», а были лишь бенгальские мусульманские переселенцы, которых Войнамассово перемещали в Аракан британцы в бытность этой территории частью Британской Индии.

Вот как о событиях 1950-х гг. рассказывал Тин У (один из основателей Народной лиги за демократию / НЛД и министр обороны Бирмы в 1970-е гг.): «До выборов 1956 года мы никогда не слышали слова «рохинджа». Четверо кандидатов-мусульман от Аракана баллотировались в парламент в качестве кандидатов от правящей тогда партии Антифашистская лига народной свободы (АЛНС). Затем премьер-министр У Ну, по их просьбе, предоставил им гражданство, разрешил издавать газеты на арабском языке. Все это вызвало массовое недовольство коренного буддистского населения» [3].

Положение в Ракхайне стало ухудшаться по мере увеличения потока мусульманских нелегальных мигрантов из Восточного Пакистана (Бангладеш), особенно усилившегося в преддверии трагических событий в этом регионе в конце 1960-х — начале 1970-х гг. (в частности, в ходе войны за независимость Восточного Пакистана 1971 г.). Выходцы из этого региона выдвигали (и выдвигают сейчас) сепаратистские идеи о выходе из состава Мьянмы и создании либо независимого государства, либо присоединении к НРБ.

Подобная напряженная ситуация не устраивала мьянманское федеральное правительство, и начиная со времени военного переворота и прихода к власти генерала Не Вина (1962–1988), против рохинджа последовательно проводились различные силовые операции (депортация, запрет на получение гражданства страны, военная «зачистка» территории, направленные на «выдавливание» этого народа из Аракана).

Ключевые события в истории этого конфликта выглядят следующим образом: 1978 — операция «Нагамин» по насильственному выселению 200 тысяч бангладешских мигрантов; 1982 — Закон о гражданстве Бирмы, по которому рохинджа теряли все гражданские права и, по сути, становились

«негражданами»; 1991 — в рамках борьбы с мусульманскими экстремистами, проникающими в Бирму с территории НРБ, «Татмадау» (мьянманские войска) провели операцию по насильственному выселению 250 тысяч рохинджа; 1996 — объединение Организации солидарности рохинджа (ОСР) и Исламского фронта рохинджа Аракана (ИФРА) в Национальный альянс рохинджа (НАР); 2012 — введение в Ракхайне чрезвычайного положения вследствие вооруженных столкновений между бирманцами и рохинджа; 2014 — скандал между Мьянмой и Бангладеш после публикации в НРБ статьи по поводу гипотетического проведения в округах Ситве и Маунгдау референдума об отделении от Мьянмы и вхождения в состав НРБ; 2016 — масштабная радикализация и интенсификация конфликта между мусульманскими радикальными организациями Аракана и «Татмадау» [4].

Исследование проблемы

Острая фаза вооруженного противостояния в бирманском штате Ракхайн / Аракан продолжается практически восемь лет (с осени 2016 г.). «Международное измерение» конфликт получил в августе 2017 г., когда в мировых СМИ стала массово распространяться зачастую непроверенная информация о жестокостях «Татмадау» и буддийских националистов, применяющих насилие в отношении местных мусульман-рохинджа, единственное спасение для которых — бегство из страны.

Вполне естественно, что к процессу были подключены ключевые международные организации (включая ООН и Международный уголовный суд (МУС)) и медийные персоны различного уровня (например, Анджелина Джоли или Кейт Бланшетт), которые со всех возможных трибун и площадок стали обвинять силовые структуры Мьянмы в различных преступлениях. МУС с 2017 г. возбудил множество дел против властей Мьянмы (в нарушении прав человека, геноциде и военных преступлениях), а страны Запада требовали ввести самые разнообразные санкции против этой страны. Это, впрочем, не произвело впечатления на Китай и Россию, которые заблокировали все усилия США, Великобритании и Франции провести жесткие рестрикции против Мьянмы через Совет Безопасности ООН (СБ ООН) [5].

В условиях сильного внешнеполитического давления как со стороны международных организаций, так и со стороны отдельных стран Глобального Запада, Мьянма вернулась к политике «сильной руки» — военному режиму. В сложившихся условиях, возможно, это был правильный шаг для сохранения страны.

Новый виток обострения ситуации и давления на Мьянму ожидаемо произошел после возвращения к власти военных 1 февраля 2021 г. Причем с формальной точки зрения это событие нельзя назвать «военным переворотом», поскольку согласно Конституции страны с согласия президента страны

«Татмадау» имеют право взять на себя властные полномочия в случае острых и кризисных ситуаций⁶. Арест высшего руководства и аннулирование результатов парламентских выборов ноября 2020 г. вызвали резкое осуждение со стороны США и их союзников.

Однако Запад критиковал и вводил санкции в отношении Мьянмы и до 1 февраля 2021 г., и во времена «президента-реформатора» У Тейн Сейна (годы правления 2011–2016), и при фактическом правлении Аун Сан Су Чжи (2016–2021), которая когда-то считалась едва ли не «демократической иконой» Мьянмы и даже получила в 1991 г. Нобелевскую премию мира. И это отнюдь не случайно, поскольку в западном восприятии мира Мьянма — «государство-изгой» (наподобие КНДР или Ирана), где процветает безжалостная диктатура, нарушающая права человека⁷.

Агрессивная политика Запада в отношении Мьянмы в крайне значимой степени связана с ожесточенной конкуренцией между США и КНР, которая год от года обостряется. Для Пекина Нейпидо является одним из важнейших партнеров, без дружественных отношений с которым практически невозможно реализовать различные китайские масштабные стратегические проекты. Это, например, проект «Один пояс, один путь» (ОПОП) или «Морской шелковый путь» (МШП).

Другой важнейший аспект — это поставки в Китай нефти и газа из стран Персидского залива и Африки, от которых страна очень серьезно зависит. Использование Бенгальского залива и портов Мьянмы существенно сокращает время и расходы на транспортировку этих ресурсов на территорию КНР, а также предоставляет Пекину возможность открытого выхода в Индийский океан. В этом контексте излишне говорить, что правительство КНР максимально заинтересовано в тесном сотрудничестве с властями Мьянмы, что однозначно не предусматривает интернационализации Ракхайнского кризиса, не говоря уже о возможном проведении в регионе «гуманитарной интервенции» со стороны ООН, США или кого бы то ни было другого⁸.

Помимо этого, Мьянма располагает богатейшими запасами природных ресурсов, многие из которых имеют стратегическую важность для индустрии Китая (вольфрам, драгоценные камни, золото, медь, нефть, никель, олово, природный газ, серебро, свинец, цинк). Также у страны есть богатые и обширные

⁶ *Ивашенцов Г.А.* Мьянманская спираль // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/myanmanskaya-spiral/?sphrase_id=103650561 (дата обращения: 10.05.2023).

⁷ *Ефремова К.А.* Мьянманский кризис как испытание на прочность: что ждет ASEAN? // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/myanmanskiy-krizis-kak-ispytanie-na-prochnost-chto-zhdet-asean/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁸ *Ивашенцов Г.А.* Мьянманская спираль // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/myanmanskaya-spiral/?sphrase_id=103650561 (дата обращения: 10.05.2023).

сельскохозяйственные уголья, запасы древесины и рыбы и тому подобное. В свою очередь, США и ЕС хотели бы поставить их под свой контроль (или по крайней мере добиться того, чтобы они не оказались в руках КНР)⁹.

Вероятно, надежды США были связаны с приходом к власти в 2016 г. Национальной лиги за демократию (НЛД) и ее многолетнего лидера Аун Сан Су Чжи. Однако в итоге политика страны существенным образом не изменилась, и было бы весьма удивительным, если бы это произошло. КНР нашла общий язык с новыми властями Мьянмы и наладила добрососедские отношения, выгодные для обеих сторон. Китай стал крупнейшим инвестором Мьянмы, построил нефте- и газопроводы в свою юго-западную провинцию Юньнань, не имеющую выхода к Бенгальскому заливу. В бирманском штате Ракхайн (Аракан) планировалось строительство высокоскоростной железной дороги (ВСД) и глубоководного морского порта в Чаупхью. Кроме того, именно в период правления НЛД (2016–2021) страны заключили Соглашение о реализации проекта «Экономического коридора КНР — Мьянма» (2018). Вслед за этим Си Цзиньпин в январе 2020 г. посетил Нейпидо, что стало «историческим визитом» в контексте развития двусторонних отношений [5].

Такие планы и тенденции, естественно, шли вразрез с интересами США в этом регионе. Убедившись в неизменности внешнеполитического курса демократического правительства Мьянмы, с 2017 г. Соединенные Штаты приступили к очередной фазе дискредитации уже не только мьянманских военных, но и самой Аун Сан Су Чжи и ее демократически настроенных последователей. И здесь как нельзя кстати возникла ситуация с очередным обострением конфликта в Ракхайне, где «нарушаются гражданские права и физически (и морально) уничтожается мусульманское меньшинство — рохинджа»¹⁰.

Чтобы осознать, насколько мощно включилась пропагандистская машина Запада (и не только) с целью всемерного осуждения действий «Татмадау», достаточно привести несколько имен известных политических и общественных деятелей. В защиту рохинджа высказались Антониу Гутерриш (генеральный секретарь ООН), Реджеп Тайип Эрдоган (президент Турции) и множество других официальных лиц. Общественная петиция в поддержку лишения Аун Сан Су Чжи ее награды (Нобелевская премия мира 1991 г.) набрала в Интернете практически полмиллиона подписей¹¹.

Самой известной демократической активистке Мьянмы вменялась в вину публичная поддержка действий силовых структур, которые жестко

⁹ *Ивашенцов Г.А.* Мьянманская спираль // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/myanmanskaya-spiral/?sphrase_id=103650561 (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁰ Там же.

¹¹ *Ефремова К.А.* Глобальное измерение кризиса рохинджа // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-izmerenie-krizisa-rohindzha/> (дата обращения: 15.05.2023).

отреагировали на террористические атаки боевиков-мусульман АСРА. Хотя очевидно, что, по сути, события того времени были масштабной контртеррористической операцией «Татмадау», призванной защитить буддийское большинство и индуистское меньшинство Ракхайна от нападения радикалов АСРА.

При этом необходимо отметить, что террористическую и преступную сущность араканских радикальных группировок признает даже часть западных СМИ и экспертов. Однако и для них «цель оправдывает средства»: если АА и АСРА ставят своей задачей как минимум отделение Ракхайна от остальной Мьянмы, а как максимум — свержение федеральных властей, то в таком случае имеет смысл их поддержать [7].

После событий 1 февраля 2021 г. на Западе попытались создать информационную картинку в контексте того, что население Мьянмы массово выступает против «военной хунты», пришедшей к власти и безжалостно разгоняющей якобы многочисленные протестные митинги едва ли не по всей стране. Но в действительности они затронули только самые крупные города (Нейпидо, Янгон, Мандалай), а количество участников было довольно немногочисленным¹².

Западные СМИ усиленно пытались создать ощущения массовых протестов, используя разнообразные приемы. Были задействованы такие «полит-технологии», как привлечение к митингам представителей так называемого «среднего класса», городской интеллигенции и молодежи (включая несовершеннолетних). В мьянманских социальных сетях и других средствах коммуникации массово распространялись фейки о зверствах армии и полиции, гибели протестующих и т.д. В то же время различные экстремистские ресурсы (до принятого военными решения отключения Интернета) публиковали инструкции по нанесению урона полиции, провоцировании силовиков на жесткие ответные меры и другие деструктивные действия, направленные на создание нужной картинки и атмосферы¹³.

Следует отметить, что использование молодежи — характерный метод как западных спецслужб, так и араканских деструктивных сил, что хорошо видно и на примере этого самого бедного штата Мьянмы, где безработных и зачастую не имеющих реальных перспектив молодых людей легко привлекают красивыми лозунгами. Например, «путь Ракхита» (восстание против доминирующих в стране бирманцев) и «священный джихад» против буддистов и индуистов, экономическая и политическая независимость от Нейпидо, а также восстановление государства Аракан, которое было «несправедливо и жестоко» уничтожено мьянманской династией Конбаун в 1784 г. В итоге

¹² *Ивашенцов Г.А.* Мьянманская спираль // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/myanmanskaya-spiral/?sphrase_id=103650561 (дата обращения: 10.05.2023).

¹³ Там же.

в террор и иную преступную деятельность в 2017–2021 гг. подключилось множество представителей ракхайнской молодежи, которая бессмысленно гибла в вооруженном противостоянии регулярным войскам Мьянмы [7].

Разумеется, это далеко не единственные примеры усилий Запада в стремлении свергнуть мьянманское федеральное правительство и погрузить страну в «управляемый хаос». В частности, в традиционно бесцеремонном и безапелляционном стиле он попытался навязать свою волю по Мьянме другим странам мира. Помимо безуспешных попыток провести принятие антимьянманских резолюций в СБ ООН (о которых говорилось выше), Соединенные Штаты, Великобритания, ЕС, Австралия и Канада с февраля 2021 г. демонстративно бойкотировали любые совместные с АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) мероприятия, если там присутствовали представители Нейпидо. Кроме того, Запад требовал в принципе исключить оттуда Мьянму. Однако на большинство участников организации эти требования не произвели никакого впечатления (за исключением Малайзии и Индонезии), и они посчитали происходящее внутренним делом Мьянмы. В этом позиция АСЕАН была схожа с китайской, индийской или российской¹⁴.

Ракхайнский конфликт, с особой силой вспыхнувший в 2016–2017 гг., действительно затянулся, что связано не только со всемерной поддержкой Западом местных радикалов, но и с особенностями тактики вооруженной борьбы АА и АСРА, применяемой против «Татмадау». Она заключается в сочетании трех принципов: партизанская война, прямое (конвенциональное) военное противостояние и террор против лиц, сочувствующих федеральным властям. Если к этому добавить агрессивную информационную кампанию араканских террористов против мьянманских силовых структур, а также попытки первых либо ликвидировать, либо поставить под свой контроль все проекты развития, реализуемые (или планируемые) на территории штата, то становится понятно, по каким причинам конфликт продолжается¹⁵.

Тем не менее, интенсивность конфликта постепенно снижается, и приход к власти военных в феврале 2021 г. способствовал стабилизации ситуации. На фоне неудач гражданского правительства Аун Сан Су Чжи в противостоянии ракхайнским боевикам в период 2016–2020 гг. нынешнее положение выглядит значительно более предпочтительным для властей Мьянмы. Это связано в т.ч. и с тем, что «Татмадау» получают различного рода поддержку от таких мощных и авторитетных держав, как Китай, Индия и Россия. Кроме

¹⁴ *Ефремова К.А.* Мьянманский кризис как испытание на прочность: что ждет ASEAN? // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/myanmanskiy-krizis-kak-ispytanie-na-prochnost-chto-zhdet-asean/> (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁵ «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод // Rybar.ru URL: <https://rybar.ru/armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmar-razvyazali-voynu-na-fone-drevnih-pagod/> (дата обращения: 15.05.2023).

того, им удалось постепенно приспособиться к той тактике, которая ранее успешно применялась радикалами. В свою очередь, начиная с 2022 г. фокус внимания Запада и его СМИ быстро сместился в сторону других «горячих точек» планеты (Украина, Тайвань, Нигер, Ближний Восток и т.д.). Это, безусловно, снизило уровень давления на Мьянму и способствовало проведению целенаправленной политики возврата к конституционному порядку в стране.

В этом контексте автор предполагает, что в относительно ближайшее время конфликт в Ракхайне будет если не преодолен полностью, то, по крайней мере, перейдет в так называемую «латентную фазу» (по типу соседней Северо-Восточной Индии). Это связано не только с указанными выше причинами, но и с целым рядом других объективных обстоятельств: 1) стремительный экономический рост Мьянмы (в последние годы достигавший 6...8 % ВВП); 2) продуманная программа развития страны по китайской или южнокорейской модели (экономические свободы при сохранении жесткого военно-политического курса); 3) развитие отношений с традиционными союзниками страны и поиск новых (в чем явно преуспевает нынешний лидер государства старший генерал Мин Аун Хлайн и его правительство); 4) успешное противодействие властей Мьянмы западным санкциям (в т.ч. благодаря реализации предыдущего пункта)¹⁶.

Заключение

Взаимоотношения Мьянмы, Ракхайна (Аракана) и глобального мира представляют собой сложный комплекс, на который воздействует целый ряд факторов, связанных с крушением однополярного миропорядка. Многолетнее и бескомпромиссное вооруженное противостояние местных сепаратистов и исламских радикалов с официальными мьянманскими федеральными властями дает формальный повод Глобальному Западу для вмешательства во внутренние дела суверенного государства. В то же время на примере Мьянмы хорошо прослеживается роль и значение крайне важного информационно-психологического фронта, организованного заинтересованными сторонами международной системы в ситуации, когда страны глобального Юга и Востока пытаются выйти из-под контроля Запада и сойти с навязываемого им пути. Использование внутренних противоречий, связанных с этническими и конфессиональными проблемами, в данном контексте играет важную роль.

Подобный сценарий был задействован и в Мьянме в качестве рычага для расшатывания государственной системы. Очевидно, что АА и АСРА

¹⁶ *Ивашенцов Г.А.* Мьянманская спираль // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/myanmanskaya-spiral/?sphrase_id=103650561 (дата обращения: 10.05.2023).

с участием западных и исламских кураторов развернули мощную кампанию по дискредитации «Татмадау». Для достижения данной цели использовались многочисленные инструменты и механизмы, успешно апробированные при освещении СМИ Запада и ряда мусульманских стран в отношении событий в Югославии, Чечне, Ливии, Украине и других странах. Это стереотипный набор методов информационных атак: громкие формулировки, бездоказательные обвинения и фейковые видео о зверствах «военной хунты», «кровавых избиениях и зверствах со стороны Мьянмы», «организации геноцида и голода рохинджа» и т.д., как правило, не подкрепленные фактами. Реальной целью подобных медийных атак является создание в глазах мировой общественности образа «государства-изгоя».

Деструктивные силы в современной политике преследуют определенные цели: дестабилизация ситуации, организация гражданских столкновений и длительного очага нестабильности вдоль границ Китая, Индии и Бангладеш с последующим распадом Мьянмы под управлением прозападных политиков. Дополнительным бонусом для «дирижеров» этого конфликта является доступ к богатым природным ресурсам страны, который в условиях нестабильности и хаоса становится более вероятным.

К сожалению, мьянманские власти и силовые структуры во многом проигрывают своим оппонентам, искушенным в сфере информационно-психологических операций, и не всегда справляются с потоком негативной информации, распространяемой на многих мировых политических площадках, в т.ч. ООН. Несмотря на это, власти Мьянмы в лице военного правительства планомерно достигают определенных успехов в противостоянии своим оппонентам, и (начиная с 2021 г.) в конфликте наметился перелом в пользу федерального центра. Однако до окончательного решения проблемы еще очень далеко (с учетом причин, предыстории и хода конфликта). Тем временем моделью разрешения конфликта в Ракхайне мог бы стать процесс урегулирования подобной ситуации в соседней Индии (в частности, на примере территории Северо-Восточной Индии, который в настоящее время хотя и не решен окончательно, но находится в так называемой «латентной фазе»).

Очевидно, что деструктивные силы, заинтересованные в сохранении напряженности в Ракхайне, будут проводить антимьянманские операции на самых различных фронтах, в т.ч. и информационно-психологическом. Укрепление военного режима, исторически свойственного Мьянме, явно не вписывается в стратегию мирового гегемона в лице США, который стремится к реализации собственных сценариев по «демократизации» стран Юго-Восточной Азии. Можно сказать, что Мьянма во многом перечеркнула усилия Соединенных Штатов в достижении подобных планов и именно по этой причине подверглась жесткой обструкции со стороны части мирового сообщества, придерживающегося проамериканских взглядов. Ситуация в этой стране может являться примером для других стран (включая АСЕАН)

в контексте осознания последними того факта, что в условиях сохранения однополярного мира не может существовать равноправия, и при неблагоприятных условиях практически в любой момент можно оказаться в схожем положении.

Очевидно, что в современных условиях Мьянма нуждается в эффективной стратегии защиты государственных интересов, в т.ч. и в информационном пространстве страны. Для этого необходимо использовать опыт таких союзников, как Индия, Китай и Россия, не приветствующих политику изоляции и осуждения мьянманского военного режима. В свою очередь, Запад не скрывает своих целей по установлению в стране марионеточного и полностью подконтрольного режима. Для Мьянмы наступает «час X», когда необходимо принимать серьезные решения, направленные на отстаивание своих внутри- и внешнеполитических интересов.

Список литературы

1. Симония А.А. Бангладеш пытается решить проблему беженцев рохинджа переселением на остров // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. № 2 (43). С. 132–141. EDN: THIRAC
2. Iftekharul B. Rohingya crisis and Western Myanmar's evolving threat landscape // Counter Terrorists Trends and Analyses. 2019. Vol. 6. P. 14–18.
3. Симония А.А. Массовый исход бенгальцев-рохинджа из Мьянмы: кто виноват и что делать? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 36. С. 124–139. EDN: YSUXAL
4. Симонёнок А.В., Витко Н.Д. Этнотерриториальные конфликты в современном Индокитае // Россия и АТР. Владивосток, 2017. С. 50–51. EDN: ZBITCT
5. Симония А.А. Гаагский процесс: Аун Сан Су Чжи отрицает геноцид в Мьянме // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. № 1 (46). С. 115–126. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-115-126> EDN: PDUJVT
6. События в Мьянме в контексте взаимоотношений крупных держав в регионе. Круглый стол Центра комплексного китаеведения и региональных проектов и Центра АСЕАН МГИМО // Сравнительная политика. 2021. № 4 (12). С. 143–156. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10046> EDN: QTHDBS
7. David Scott Mathieson. The Arakan Army in Myanmar: Deadly Conflict Rises in Rakhine State // US Institute of Peace. 2020. Vol. 486. P. 1–24.

References

1. Simoniya AA. Bangladesh pytaetsya reshit' problemu bezhentsev rokhindzha pereseleniem na ostrov [Bangladesh tries to solve the problem of Rohingya refugee by resettling them on an island. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2019;43(2):132–141. EDN: THIRAC
2. Iftekharul B. Rohingya crisis and Western Myanmar's evolving threat landscape. *Counter Terrorists Trends and Analyses*. 2019;(6):14–18.
3. Simoniya AA. Massovyi iskhod bengal'tsev-rokhindzha iz M'yanmy: kto vinovat i chto delat? [The mass escape of Bengali Rohingya from Myanmar: Who is to blame and what to do?]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2017;(36):124–139. EDN: YSUXAL

4. Simonyonok AV, Vitko ND. Etnoterritorial'nye konflikty v sovremennom Indokitae [Ethno-territorial conflicts in modern Indochina]. *Rossiya i ATR*. 2017, pp. 50–51. EDN: ZBITCT
5. Simoniya AA. Gaagskii protsess: Aun San Su Chzhi otricaet genocid v M'yanme [Hague trial: Aung San Suu Kyi denies genocide in Myanmar]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2020;46(1):115–126. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-115-126> EDN: PDUJVT
6. Events in Myanmar in the context of relationship of great powers in the region. Roundtable of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects and the ASEAN Center at MGIMO. *Comparative Politics Russia*. 2021;12(4):143–156. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10046> EDN: QTHDBS
7. David Scott Mathieson. The Arakan Army in Myanmar: Deadly Conflict Rises in Rakhine State *US Institute of Peace*. 2020;(486):1–24.

Информация об авторе:

Михайлов Сергей Александрович — ассистент кафедры всеобщей истории, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: 24rotweiss48@mail.ru ORCID: 0000-0003-0968-3648. SPIN-код: 2581-9003.

Information about the author:

Sergey Mikhaylov — teaching assistant of the Department of the World history, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: 24rotweiss48@mail.ru ORCID: 0000-0003-0968-3648. SPIN-code: 2581-9003.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2-201-221

EDN: TKCORU

Research article / Научная статья

Imagined communisms: the Argentine new left and the construction of “Real socialism” in the 1960s/1970s

Lucas Duarte

National University of Comahue (UNCo), *San Carlos de Bariloche, Argentina*

✉ lucas.lado@gmail.com

Abstract. This research analyzes the readings and interpretations produced by an Argentine political organization, the Partido Revolucionario de los Trabajadores — Ejército Revolucionario del Pueblo (PRT-ERP), regarding the construction of socialism in countries such as the Soviet Union, China, and various locations in Eastern Europe during the 1960s and 1970s. Our objective is to trace the impact produced by these experiences on the revolutionary horizon adopted by the party, examining how they were incorporated into its intervention platform over time. We observe how everyday life, development projects, and different political, diplomatic, and cultural initiatives led by countries associated with the “real socialism” universe were represented in the PRT-ERP’s periodicals, *Estrella Roja* and *El Combatiente*, and debated in its internal documentation. The analysis of documentary sources indicates that, despite being associated with the universe of the so-called “new lefts”, which emerged globally throughout the second half of the 20th century, the PRT-ERP was particularly interested in understanding what it called “the construction of socialism” in Eastern countries. This finding allows for a review of some definitions about the expectations that guided the actions of young people, women, and workers involved in Southern Cone (Brazil, Chile, Argentina, Paraguay, Peru and Uruguay) revolutionary organizations during the 1960s and 1970s. Far from being an exception, the PRT-ERP was one of the most notable expressions of the phenomenon of political radicalization that crossed the regional landscape during that period.

Keywords: Global Sixties, PRT-ERP, Armed Struggle, Argentina, *Estrella Roja*, *El Combatiente*

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 14.06.2024. Accepted: 12.12.2024.

For citation: Duarte L. Imagined communisms: the Argentine New left and the construction of “Real socialism” in the 1960s/1970s. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(2):201–221. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-201-221>

© Duarte L., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Воображаемый коммунизм: аргентинские новые левые и построение «реального социализма» в 1960–1970-е гг.

Л. Дуарте

Национальный университет Комауэ, *Сан Карлос де Барилоче, Аргентина*

✉ lucas.lado@gmail.com

Аннотация. Исследована интерпретация аргентинской Революционной партией рабочих — Народной революционной армией (РПК — НРА) примеров построения социализма в СССР, Китае и различных странах Восточной Европы в 1960–1970-е гг. Цель исследования — проследить влияние этого опыта на революционную идеологию организации. Изучено, как повседневная жизнь, проекты развития и различные политические, дипломатические и культурные инициативы стран, входивших в социалистический лагерь, были представлены в периодических изданиях РПК — НРА, Эстрелла Роха и Эль Комбатiente, а также затрагивались во внутривластных документах. Анализ документальных источников показал, что, несмотря на связь с так называемыми «новыми левыми», которые возникли во всем мире во второй половине XX в., организация РПК — НРА была весьма заинтересована в изучении опыта строительства социализма в странах социалистического лагеря. Этот вывод позволяет пересмотреть некоторые общепринятые представления о том, чем руководствовались в своих действиях люди, состоявшие в революционных организациях «Южного Конуса» (Бразилия, Чили, Аргентина, Парагвай, Перу и Уругвай) в 1960–1970-е гг. РПК — НРА не была в данном случае исключением, напротив, она была одним из наиболее заметных проявлений феномена политической радикализации, охватившего регион в рассматриваемый период.

Ключевые слова: 1960-е гг., РПК — НРА, Аргентина, Эстрелла Роха и Эль Комбатiente

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 14.06.2024; принята к публикации 12.12.2024.

Для цитирования: Duarte L. Imagined communisms: the Argentine New left and the construction of “Real socialism” in the 1960s/1970s // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 201–221. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-201-221>

Introduction

The communist movement made its appearance with the promise of solving the basic problems of modern humanity and overcoming the antagonisms of human existence. The countries that call themselves socialist still pay official allegiance to this programme. But what perspectives are people offered in the present situation, if they turn their eyes to the practice of our social life? ¹

¹ Bahro R. *The Alternative in Eastern Europe*. London: NLB, 1978. P. 7.

In general, probably due to their main aspirations not being fulfilled, the revolutionary movements and parties that operated in the Southern Cone² during the 1960s/1970s are more remembered for their tactics and strategies of confronting the established order — that is, for attempting to “destroy capitalism” — than for the often-vague features of the different society they aimed to build. While significant studies have been made on the subjective conceptions that informed, for example, the Guevarist ideal of the “new man” and its influence on the so-called “new left” of the period, the visions projected by these individuals about the “new world” that should emerge after the defeat of global imperialism seem less widely discussed [1]. In this research, we focus on a specific case, which of the *Partido Revolucionario de los Trabajadores — Ejército Revolucionario del Pueblo* (PRT-ERP)³, to offer a broader reflection on the projections that guided the actions of thousands of activists and revolutionaries worldwide during the second half of the 20th century. Our argument seeks to account for a phenomenon scarcely addressed in historiography: that of a political-military organization from the Southern Cone that, despite having distanced itself from the political coordinates formulated by the so-called international communism, upheld, as a strategic horizon, the construction of a society based on the model of “real socialism”.

Established in its most enduring form through internal reconfigurations at its IV (1968) and V (1970) Congresses, the PRT-ERP was the leading Marxist political-military organization operating in Argentina during the 1960s and 1970s. Its ideological guidelines encompassed a miscellany of influences that included Leninism, Guevarism, the thought of Vietnamese revolutionaries like Nguyen Giap and Le Duan, and especially in its early years of existence, Trotskyism and a Latin American indigenous perspective. This meant, in practice, the development of a heterogeneous political activity in which theoretical inclinations of varied character coexisted. Thus, the PRT originally constituted itself as a party of cadres, according to the Leninist model, but adopted as its predominant reference the influence of Ernesto Che Guevara’s ideas on the necessity of launching armed struggle at the continental level, as a strategy to confront the capitalist-imperialist order. On the other hand, in its later years of existence, especially from 1973 onward, the Argentine organization sought to assimilate the Vietnamese model of building a National Liberation Front, whose goal was to unite various organizations under the banner of anti-imperialism. This effort of synthesis makes the PRT-ERP an interesting object through which to analyze the set of ideas and militant tools spread across Latin America during a period marked by political radicalization and the peak of revolutionary projects.

---

² The Southern Cone is geographical area includes the countries of Brazil, Chile, Argentina, Paraguay, Peru and Uruguay.

³ Workers' Revolutionary Party — People's Revolutionary Army.

The emergence of the PRT-ERP occurred in a regional context heavily influenced by the Cuban Revolution, which placed the immediate possibility of armed revolution through guerrilla warfare at the forefront of the left's agenda, and by the internal conflicts that had persisted in Argentina since 1955. After the coup that led to the fall of Juan Domingo Perón in 1955, the country's economic policies were marked by deeply recessionary measures. The rise in external debt and the weakening of the import substitution industrialization program resulted in escalating inflation, the erosion of labor rights, and increasing popular discontent. Following years of "tutelary democracy" overseen by the military, the 1966 coup intensified political persecution and openly embraced an agro-export model characterized by capital concentration. The resulting social inequalities deeply impacted the youth and working-class sectors, which formed the core support base for most of the leftist parties and organizations of the era, including the PRT-ERP.

One of the most emblematic events of this period of escalating conflict was the Cordobazo: a 1969 strike by workers and students in the city of Córdoba that highlighted widespread dissatisfaction with labour repression and deepening poverty. This event also underscored a collective willingness to adopt radical strategies in the fight against the dictatorship. In this context, thousands of individuals and groups criticized Peronism, a national-popular movement, for failing to adequately represent popular interests. They argued for a revolutionary and socialist solution to the country's crisis. These critics deemed Perón's gradualist approach to combating inequality as *reformist* and took issue with Peronism's efforts to accommodate, collaborate with, and engage in dialogue with various economic and military elites. Meanwhile, within the labour movement, frustration grew over the Peronist "union bureaucracy's" co-optation of the unions, leading to the emergence of new, class-oriented representation structures.

Thus, through political activism that spanned the dictatorship of the self-proclaimed Argentine Revolution (1966–1973) and continued during the brief constitutional government starting in 1973, interrupted by the 1976 military coup, the PRT-ERP sought, in various ways, to lay the groundwork for what it considered "The only path to workers' power and socialism": the launch of a revolutionary people's war. In this context, it attempted to carry out what it called democratic and clandestine tasks, including participating in or forming radical union currents, establishing political organizations aimed at intellectuals and youth, and developing armed actions such as assaults on armored trucks, expropriation and distribution of food, clothing, school supplies, and construction materials, destruction of police vehicles, attacks on police structures, arms seizures, and attacks on members of the armed forces.

Pablo Pozzi's research suggests that by late 1974, the party had established a presence in factories, trade unions, and student organizations in most major Argentine cities. In regions like Buenos Aires, Córdoba, Rosario, La Plata, and Tucumán, its publications reached a weekly circulation ranging from 21,000

to 54,000 copies during a similar period [2. P. 217]. According to the author's estimates, the organization's membership numbers increased significantly over time, from around four hundred members in 1970, when the party led the founding of the ERP, to nearly six thousand in 1975, along with an "area of influence" encompassing tens of thousands of people. This growth was associated with a diversification of mobilization channels generated or integrated by the organization over time: although armed actions held a prominent place in the PRT's intervention repertoire, the organization also established different structures for political articulation with other parties and social movements, such as in the case of the Frente Antiimperialista y por el Socialismo (FAS)⁴, the Movimiento Sindical de Base (MSB)⁵, and the Frente Antiimperialista de Trabajadores de la Cultura (FATRAC)⁶.

Moreover, the significance of the PRT-ERP's trajectory transcends the borders of Argentine national history. The party, which from 1972 onwards led the formation of a Revolutionary Coordination Junta (JCR) alongside Chile's Movimiento de Izquierda Revolucionaria (MIR)⁷, the Uruguayan Movimiento de Liberación Nacional⁸ — Tupamaros, and the Bolivian Ejército de Liberación Nacional⁹, actively participated in the transnational circulation of militants and directly or indirectly influenced a series of international revolutionary experiences that emerged throughout the 1970s [3; 4]. In this sense, as we will attempt to suggest throughout the text, understanding the set of ideas and aspirations that guided the actions of the PRT-ERP and its militants during a specific period of its existence can contribute to identifying central and lesser-known aspects of the history of Southern Cone leftist movements in the 20th century.

Whether due to its context of emergence, the adoption of armed intervention strategies, or the incorporation of political and intellectual references from the Cuban Revolution and the so-called Third World, the PRT-ERP has been identified by several authors as a prominent member of the universe of new left movements that emerged during the 1960s and 1970s [5]. Indeed, its insertion as a protagonist in the political radicalization environment that marked the history of the period seems to confirm this interpretation without major difficulties. However, a more detailed approach to the viewpoints adopted by the organization regarding the so-called "actually existing socialism" allows for a relativization of the idea promoted by some historiography that the party — or the new left as a whole — had broken "with the analytical and interpretative frameworks of international communism" [6. P. 194]. As we will see next, the case of the PRT-ERP is particularly striking because it suggests that at least among some members of the so-called

---

⁴ Anti-imperialist Front for Socialism (FAS).

⁵ Grassroots Trade Union Movement (MSB).

⁶ Anti-imperialist Front of Cultural Workers (FATRAC).

⁷ Revolutionary Left Movement.

⁸ National Liberation Movement.

⁹ National Liberation Army.

new left, the model of society established in countries like the Soviet Union was apprehended in an exemplary manner.

Without intending to engage in a debate about whether or not to define the PRT-ERP as an organization linked to the new left, and without aiming to focus our analysis on a detailed review of the concept's construction, we dedicate the first part of this article to a panoramic observation of the uses attributed to the idea of the "new left" over the past years. With this, we aim to corroborate the different meanings that this term has been given by Argentine and international historiography, suggesting that the adoption of the PRT-ERP as a study object encourages a more complex interpretation of some of the generalizations established in this field of study.

Next, we analyse the images projected by the PRT-ERP in its main publications based on the experience of participation of one of its militants in the X World Festival of Youth and Students held in East Berlin in July 1973. As we will seek to demonstrate, that period coincided with some profound transformations promoted by the party in its international affiliation and left significant marks on the expectations and aspirations constructed from the characterizations of international communism. Finally, we trace the relationships established by the PRT-ERP between the social issues suffered by Argentina during that period and its potential overcoming through experiences of "building socialism" around the globe.

Some Words on the "New Left"

In recent decades, debates surrounding the so-called "New Left" have significantly expanded through the incorporation of empirical studies and theoretical analyses regarding geographic areas and historical contexts initially considered peripheral in the field of studies on the second half of the 20th century. Originally mobilized as a way to designate the communist dissidents that emerged after 1956 with the release of Khrushchev's report on Stalin's crimes and the entry of Soviet troops into Hungary, the concept was later applied to interpret the radical sectors globally highlighted by May 1968, incorporating various segments of the black and student movements, the artistic and intellectual universe, Western Marxism, and European and American Maoism [7]. Generally speaking, the set of experiences perceived or self-perceived as part of what Van Gosse identified as a "movement of movements" shared, to varying degrees, a series of characteristics: criticism or rejection of the peaceful coexistence agenda associated with the "traditional" left; affiliation with emancipation horizons strongly anchored in the liberation struggles of the so-called Third World; the expectation of overcoming an international order marked by U.S. military, diplomatic, or cultural interventionism; and a perspective of radical transformation of customs, whether in the direction of a "new man", embodied in the example of Che Guevara and the Cuban Revolution, or in the conquest of rights for affected subjects to different forms of discrimination, such as black communities, immigrants, and women [8].

Despite the nuances involved in characterizing the local and regional expressions of the new lefts, recent studies have highlighted the analytical advantages of identifying the transnational coordinates that guided the globalization of the phenomenon [9; 10]. For the Latin American context, the viability of using the concept to designate the various groups and actors that identified with dissident projects during the 1960s and 1970s has been the subject of fruitful reflections, which in many cases converged in a common characterization of the social, cultural, and political dimensions involved in the development of similar experiences in various countries of the region [11]. Generally, the different experiences incorporated under the idea of the “Latin American New Left”, which emerged in a context strongly marked by the coordinates of the Cold War, were defined by the incorporation or emergence of new political actors and the expansion of the repertoire of protests mobilized by various collective forces [12]. In that context, both the appearance of revolutionary organizations and movements and the development of innovative artistic and intellectual initiatives figured as part of a historical process where a series of projects associated with the attempt to radically transforming the status quo gained strength. In this sense, as summarized by Eric Zolov, the concept of the new left would allow for an understanding of the political sensibility that, for decades, permeated both “bohemian-countercultural” initiatives and insurgent and armed alternatives [13. P. 293].

Within Argentine historiography, the concept of the new left has been predominantly articulated to interpret the process of radicalization experienced by worker and student sectors during the 1960s and 1970s. To some extent, the country’s history during that period presents emblematic characteristics of the political and social tensions that surrounded the Southern Cone during the Cold War. Besieged by three military coups within two decades (1955, 1966, 1976), the national political landscape coexisted during this era with high levels of social and labour conflict, marked by the radicalized actions of actors associated with the most varied political spectrums¹⁰. Given this

---

¹⁰ In September 1955, the self-proclaimed *Revolución Libertadora* ended the government of then Argentine President Juan Domingo Perón through a coup d'état. This event inaugurated a period in the country marked by a profound delegitimization of state power and escalating levels of social conflict. The governments established thereafter, even when elected (Arturo Frondizi between 1958 and 1962 and Arturo Umberto Illia between 1963 and 1966), suffered from an “essential illegitimacy” associated with the proscription of Peronism and the restriction of political participation for large sectors of society. In this scenario, exacerbated by the military coup of 1966, new forms of dissenting intervention emerged, including political-military organizations like the PRT-ERP, which assimilated armed violence into their militant repertoire. It is possible to find further information on this topic in: Gordillo M. *Protest, rebellion, and mobilization: from resistance to armed struggle, 1955–1973*. In: James D, ed. *Nueva Historia Argentina. Vol VIII: Violence, proscription, and authoritarianism (1955–1976)*. Buenos Aires: Sudamericana; 2007.

complex scenario, the category “new left” was mobilized, especially after the end of the last Argentine military dictatorship (1976–1983), either in interpreting the intellectual and cultural initiatives resulting from fractures within the Communist Party; in the analyses of the redefinitions, revisions, and conflicts operated between progressive-revolutionary sectors and the most popular national movement, Peronism; and, above all, in studying the experiences of politico-military organizations that emerged in that context. In this sense, the works of María Cristina Tortti, produced since the 1990s, represented a milestone in the analytical development of the concept, as they enabled an interpretation of the Argentine new left as a set of social and political forces that included “from spontaneous outbreak and cultural revolt to guerrilla intervention” [13. P. 12].

However, as Martín Mangiantini pointed out in recent works, this increasing expansion of the uses of the “new left” nomenclature within Argentine academic production has generated some theoretical-methodological impasses [14]. The criteria used to define the affiliation of a party, movement, artistic, or intellectual experience to this universe are not always clear and result, in some cases, in the weakening of the concept’s explanatory potential. Generally, in the more recent academic production, studies that adopt this category to analyze the tumultuous Argentine political panorama of the 1960s and 1970s refer to experiences that emerged after the coup against Juan Domingo Perón’s government in 1955. Influenced by the political and cultural transformations experienced globally during the second half of the 20th century and strongly propelled by the Cuban Revolution (1959), these experiences articulated themselves in favor of a radical transformation of reality and customs. For certain sectors, this meant a review of the strategic paradigms associated with the “traditional” left — notably the Socialist and Communist parties — and a re-signification of the combative potential attributed to the popular nationalism represented by Peronism. In this sense, the main discussions about the groups included in the diverse “conglomerate” that composed the Argentine new left concern, in most cases, their form of political intervention (armed or not), their affiliation with internationally influential ideological traditions (Marxism, Guevarism, Maoism, Trotskyism, Third Worldism, etc.), and their organic, theoretical, and/or symbolic relationships with Peronism [15].

The delimitation proposal elaborated by Federico Cormick seems to address a large part of the methodological issues involved in characterizing these experiences. For this author, the most decisive characteristic of the Argentine new left is related to the formulation of a renewed political perspective, whose determining features consisted of a “willingness to develop a revolutionary process in the present time” and the ‘acceptance or practice of violence as part of the transformation process’ [16. P. 13]. In this sense, Cormick suggests that within

a field of experiences where different parties, movements, union representations, and cultural collectives converged, it is possible to specifically considering those groups that adopted armed strategies for political intervention. This armed new left would include the dozens of groups that emerged in Argentina between the 1950s and 1970s, amidst a national environment characterized by political instability and influenced by Third World revolutions, such as the Fuerzas Armadas Revolucionarias (FAR)¹¹, the Fuerzas Armadas Peronistas (FAP)¹², Montoneros, and the PRT-ERP itself [16].

This characterization allows us to consider armed struggle not as the defining phenomenon of the Argentine new left but as one of its significant expressions. From this perspective, the “novelty” of part of that left lay in the adoption of a political practice that notably expanded from 1969 and was almost definitively closed with the March 1976 coup¹³. However, as we mentioned earlier, despite the numerous inquiries made about the symbols, practices, and beliefs around which the groups associated with the new lefts organized, studies on this theme have not always paid attention due to the societal project that was — sometimes explicitly — at the base of this type of mobilization. As we will attempt to suggest in the following sections of this article, the study of an organization like the PRT-ERP allows us to see that despite the “novelties” present in its forms of action or in the political subjects it incorporated into its activism, some members of the new left projected aspirations quite aligned with the results obtained by the historical experience of “traditional” communism. This observation indicates that the ruptures and innovations brought about by these experiences were much less definitive than the idea of a “new left” might suggest, at least in terms of their transformation horizon.

The ‘journey’ from Trotskyism to the international communism

In its September 14, 1973 edition, *El Combatiente*, the main press organ of the PRT-ERP, published a note with the purpose of informing its Argentine readers about the realization, between July 28 and August 5 of that year, of the X World Festival of Youth and Students. To do so, it published the transcript of an interview conducted with one of the members of the Argentine delegation. In his speech, “comrade Francisco” described the scope and importance of the event, as well as his observations on the way of life of the people of Socialist Germany and other issues he could observe during his trip. When asked about his impressions of Berlin and Moscow, he stated:

---

¹¹ Revolutionary Armed Forces.

¹² Peronist Armed Forces.

¹³ Despite the defeat or annihilation of the armed organizations by the military government that began in March 1976, there were some attempts by organizations such as Montoneros to organize, from exile, initiatives to return to combat within national territory. See, for example, Confino H. *La Contraofensiva: el final de Montoneros*. Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica; 2021.

“For me, who never had the opportunity to leave Argentina, this trip was unforgettable. What struck me most in Berlin was the life that people lead there; it seems more joyful, more active. They live differently than we do here in Argentina. Women play an important role, almost equal to men. Education and healthcare are good and free [...] The government of Socialist Germany places great importance on youth activities. Well, in reality, you can see a huge difference between the life there and here in Argentina”¹⁴.

Although the festive atmosphere likely influenced the observer’s positive impressions, this does not seem to be the only basis for the “notable differences” identified. His comments about the almost equal status of women, the good quality and free availability of healthcare and education services, suggest a horizon — or at least a benchmark — for the transformations he seemed to want to experience urgently in his own country. For Francisco, from the spirit of camaraderie expressed at the event, “some concrete tasks” could have been derived that would serve “as a stimulus and encouragement for the peoples fighting against imperialist aggression”¹⁵.

During his participation in the Festival, the young Argentine had access to a wide political-cultural offering that included sports activities, art exhibitions, lectures by Angela Davis and Yasser Arafat, concerts by Inti Illimani and Isabel Parra, and the opportunity to interact with young people from all over the world. According to the testimony published in *El Combatiente*, on the other hand, Francisco’s experience in East Berlin was not limited to the youth rally. “The German comrades”, the interviewee recounted, had shown them many places in the city. They visited cultural and youth centres, attended meetings where they were received with “warm cordiality”, and saw some of the many factories in the region. Again, he found it striking the role played by women, working in industry “alongside men”¹⁶. His impressions of Russia were not very different: “We were mainly in Moscow, it is a city of old buildings. There we visited some museums and a factory. We also visited a ‘kolkhoz,’ where workers work in an organized way and most of what they produce they sell to the state”¹⁷.

Interaction with international activists also allowed Francisco to share his knowledge about the reality he knew up close. When asked how people from those latitudes viewed the national situation, the interviewee described his interlocutors’ interest in the Peronist Movement, guerrilla activity in Argentina, the ERP, and the ways in which the struggle towards socialism was being organized in the country. He was also surprised by “the knowledge these comrades showed about the Argentine political situation”. Probably, this was not an incorrect sensation:

¹⁴ *El Combatiente*. 1973;(90):11.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Ibid.*

at that time, for many activists around the world, Latin America had become synonymous with rebellion and a source of inspiration for various projects contesting the existing order [17].

Shortly after Francisco's trip, starting in October 1973, a series of notes began to circulate in *El Combatiente* about living conditions in the Asian and Eastern European communist countries. Despite similar comments having been disseminated by the party newspaper on previous occasions, the volume of material published and the subsequent creation of a column exclusively entitled "the building of socialism", suggest a more systematic orientation towards the reproduction of information in this sense. The multiplication of content related to the "achievements" of the Cuban revolution in public health, the situation of schools in China, and housing in the USSR, to name a few examples, was often accompanied by denouncing the capitalist nature of the Argentine government, the social problems afflicting the country, and the reaffirmation of the revolutionary horizon of social transformation defended by the organization. In a party with Trotskyist origins, which until 1973 was the Argentine section of the IV International, this inclination is particularly noteworthy.

The chronology seems to indicate a relatively rapid association between the definitive departure from Trotskyism and the adoption by the PRT-ERP of this new "pro-Soviet" affinity. The reasons for this shift, at least initially, did not correspond to a linear adoption of the Cuban perspective or a conversion to different Marxist traditions and seemed more related to the attempt to inscribe the organization in the map of the so-called "international communism". In practice, the relativization of what had until then been a kind of indifference towards Eastern socialism was probably also motivated by relationships established during that period with broader sectors of the Argentine left, including the Argentine Communist Party, within the framework of initiatives such as the FAS and the MSB.

A few weeks before reporting Francisco's trip to East Germany, *El Combatiente* published a document explaining the reasons why the PRT had separated from the IV International. The relationship of the Argentine organization with the international representation of Trotskyism, initiated in 1965, had been marked, on various occasions, by disagreements, aggravated since 1972 by the emergence of a PRT faction directly associated with the IV Secretariat in France [18. P. 7]. However, the opinions expressed by the PRT leaders about Trotsky's thought were not entirely negative. Supported by the work of Isaac Deutsch, the manifesto justifying "Why We Separated from the IV International" expressed a perspective capable of distinguishing the Russian revolutionary's thought from the actions of his followers. In this sense, it even lamented the little attention given by Trotsky to regions of the planet that occupied a central place in the PRT's horizon while vindicating his experience at the head of the Red Army¹⁸.

---

¹⁸ El Combatiente. 1973;(86):7.

On the other hand, very harsh criticisms were directed at contemporary Trotskyism, motivated by ideological differences that, according to the document, would reflect “the petty-bourgeois character of the IV International”¹⁹. The arguments based on the existence of a “class struggle” within revolutionary organizations, frequently used by the PRT leadership to settle dissent, appeared, on this occasion, associated with the Trotskyist International’s inability to correctly interpret the world situation. The content of the text does not suggest an indiscriminate adherence to the “anti-Trotskyism” in vogue during the Cold War, marked by vehement accusations about the counter-revolutionary nature of the movement and its characterization as a “vulgar instrument of imperialism and reaction”²⁰. The PRT seemed more interested in delineating the characteristics of its internationalism and emphasizing the need to expand contacts between revolutionary organizations worldwide. In this sense, it is worth noting that the path leading the party’s gaze towards “real socialism”, although widened from then on, was not prescribed at the time of the break with the IV International. It took a few years and various experiences on the ground for influences from Asia or Eastern Europe to crystallize within the organization.

At that time, Argentine politics moved through extremely complex channels. After seven years in power, the military government of the self-proclaimed Argentine Revolution announced the call for elections in March 1973, within the framework of a normalization plan known as the Great National Accord (GAN). The end of that dictatorship and the return of Peronism to the legal sphere of political participation was crowned with an expressive electoral victory for Héctor Cámpora, representative of the Justicialist Liberation Front, followed by an intense process of popular mobilization that far exceeded institutional channels of representation and reinforced the perception, among different social actors, that the country was undergoing a “pre-revolutionary” situation [19]. Sectors of various political hues sought, in the streets, universities, and workplaces, to influence the directions the historical period inaugurated by the return of Peronism to power would take. The same governing movement, after almost two decades of proscription, was affected by disputes of meaning between its more conservative wings, associated with the trade union bureaucracy, and the revolutionary-inspired segments linked to youth and armed organizations. From his exile in Francoist Spain, Perón had sent messages to his followers that simultaneously encouraged the actions of the movement’s most radicalized groups and the traditional trade unionism embodied in the leaders of the General Confederation of Labor (CGT). Once definitively returned to Argentina on June 20, 1973, after 18 years in exile, the founder of the Justicialist Party did not take long to give prominence to his old allies [19].

---

¹⁹ El Combatiente. 1973;(86):7.

²⁰ *Discurso del comandante Fidel Castro en la clausura de la Primera Conferencia de las OLAS*. La Habana: Instituto del Libro, 1967.

After just over a month and a half in office, Héctor Cámpora resigned the presidency in July 1973, making way for the elections that would return Juan Domingo Perón to power. Aiming to “bring all Argentines together”, the new ruler attempted to carry out the political-economic program launched in May by Minister José Ber Gelbard, based on an attempt to stabilize labor and corporate interests known as the Social Pact. Initially, the provisions associated with price freezes promoted a real reduction in the cost of basic basket products, with the creation of the Secretariat of Commerce responsible for its control. However, for leftist tendencies and the most combative sectors of the working class, interested in a profound revision of working conditions and trade union democratization, the project was perceived with enormous distrust. While the Peronist Youth organized to ensure compliance with the set values and denounced the inadequacy of the established single wage adjustment, the PRT-ERP, through its press, criticized what it perceived as a premeditated association between business leaders and union bureaucracy aimed at appeasing class struggle. From then on, the organization significantly intensified its efforts to delineate itself from the so-called “bourgeois nationalism”, frequently asserting the socialist and revolutionary objectives of its intervention.

In November 1973, just under six months after the elections that had returned Peronism to power, the party conducted an assessment of the government, revisiting theoretical definitions it had maintained since its V Congress (1970).

“We have been pointing out the Bonapartist nature of the Peronist government. Let us remember that in general terms we can say that Bonapartism is one of the main forms assumed by the bourgeois state to maintain the domination of its class and oppress the people. The other is parliamentarism, the classical and more perfect form of bourgeois domination. Through parliamentarism, the bourgeoisie solidifies its rule by giving the people the illusion of participating in power through elections (...) The third Peronist government constitutes a particular form of Bonapartism: on the one hand, it must maintain the parliamentary fiction, and on the other, it heavily relies on the fascist wing of Peronism”²¹.

A note included at the end of this paragraph defined fascism as an extreme form of Bonapartism that employs methods of civil war to conquer and/or maintain bourgeois power. At that time, the PRT understood that the Argentine government was faced with the dilemma of either temporarily yielding to popular pressures or reinforcing its repressive efforts, thus unmasking its counter-revolutionary character. In any case, according to the party’s perspective, it was crucial to reinforce the ideological battle against “non-proletarian concessions”, essential to defeating “the swan song of the bourgeoisie”. In this sense, knowledge of Marxist-Leninist ideological principles and socialist revolutions as a whole

---

²¹ El Combatiente. 1973;(98):3.

played an important role in dispelling “any illusion of a third position, a third way, any hope in sectors or leaders of the bourgeoisie” and strengthening the conviction of the working-class and popular movement to “unwaveringly follow the hard path of socialist revolution”²².

These conceptions take on a more eloquent connotation when placed in their context of elaboration. Through the characterizations outlined in such documents, the PRT clearly aimed to reinforce its opposition to the government, engage in polemics with left-wing organizations that supported it, and simultaneously reaffirm the need for revolutionary overcoming of capitalism in Argentina. However, underlying these more evident objectives was an aspiration that the party would insist upon from 1973 onwards, one that can be related to its narratives about the construction of socialism around the world: “to combat reformism within the people”²³.

To such formulations were added others of a more proactive nature, where projecting an image of life, technical-scientific and cultural development in socialist countries held a prominent place. There, partially surpassing more immediate conjunctural characterizations, the revolutionary objectives of the party were justified, sometimes indirectly, not only by the critical evaluation of a specific government but through the assertion of another possible world, potentially attainable through the “only path” already outlined on the organization’s horizon. This was evident, for example, in a note published at the end of 1974 in *El Combatiente* on the occasion of the 30th anniversary of Albanian liberation.

The construction of socialism and the PRT-ERP program

According to the account disseminated in *El Combatiente*, Albania appeared as a notable example of the potential of socialism in transforming the structural conditions of an underdeveloped country. If before World War II and the fascist invasion that began in 1939, the country was one of the poorest in Europe, the situation supposedly underwent a radical transformation following the rebellion led by Enver Hoxha, the “guide and leader of the Albanian Revolution”. Through the expropriation of local landowners and the establishment of five-year plans focused primarily on the technological development of the nation, the small Balkan country would have witnessed, “despite the numerous difficulties that the Albanian working class and people have had to endure (...) like all countries that have bravely launched into the construction of socialism and dared to free themselves from imperialism”, the flourishing of a reality where “the overwhelming force of socialism crushes, by its example, the baseless imperialist arguments against it”. For all these reasons, the PRT paid tribute to the Albanian people, their party,

---

²² *El Combatiente*. 1973;(99).

²³ *El Combatiente*. 1974;(117).

and comrade Enver Hoxha, “tireless fighter and internationalist, who before participating in the Albanian Revolution, was a combatant in the International Brigades in the Spanish Civil War”²⁴.

The resounding language used in attributing an “overwhelming force” to socialism echoes the style of materials inherited from the “official” Marxist discourse. The inclusion at the end of the text of a reference to Hoxha’s participation in the Spanish Civil War can also be read as a subtle vindication of the “combatant” nature, in addition to being internationalist, of a leader who, shortly before, was praised for his “clarity” and political leadership skills. However, beyond some data on Albanian industrial development, the note in *El Combatiente* conveyed little about living conditions and social relations in the European country. It’s possible that the newspaper’s editors had limited information on these matters and were more interested in capturing general ideas about how a socialist state had been established in Albania. More abundant were the data about the “construction of socialism” in other regions²⁵.

A week later, *El Combatiente* turned its gaze to China — more precisely, to the educational system built since the revolution. The objective of the note, based on an account by Carlos Castillo Ríos, a Peruvian educator invited by Mao’s government to learn about the functioning of education in the country, was to underline “the depth of the change that has occurred in Chinese society in recent decades and its achievements in building a new social order”²⁶. In addition to the notable expansion of the number of educational centres in rural and urban areas, the PRT-ERP editors highlighted the transformation of curricula and the integration of scientific, cultural, and political education in the socialist instruction method. Extolling the study of themes such as “Marxism-Leninism”, the teachings of Chairman Mao, and the history of the revolution from the primary stages of children’s education, the text claimed as positive some of the practices directly associated with the so-called Cultural Revolution:

“In primary school, there are increasingly more Little Red Guards. They are the children with the highest ideological consciousness. All students want to belong to this organization, but to join it, they must have the ‘four merits’ which are: Political Consciousness, (...) exemplary and healthy life; excellent completion of tasks and good performance in factory and agricultural activities (...). To judge whether a youth is revolutionary, there is only one rule: to know if they

---

²⁴ *El Combatiente*. 1974;(146):10.

²⁵ In the case of the Cuban Revolution, for instance, nearly all the material reproduced in the pages of the Peronist press originated from official media outlets such as *Granma*, *Bohemia*, or *Juventud Rebelde*. Despite being accompanied by introductory comments, these sources left little room for the party’s own voice to emerge. Similarly, when addressing the socialist development in China, Korea, or even the USSR, the party had to rely on diverse works, particularly travel accounts, from which it selected specific features it aimed to portray.

²⁶ *El Combatiente*. 1974 Dec 11;(147). P. 6–7.

are willing to merge with the working masses and peasants. If they refuse to do so or distance themselves from them, they fail the revolution and potentially become counterrevolutionaries. The use of criticism and self-criticism is so developed that teachers frequently admit their mistakes in public or acknowledge to their students that they have learned from them to find the right path in their professional work or private conduct. After a period of 2 or 3 years of work, young people can enter university, provided they have demonstrated knowledge and practice of Marxism-Leninism and their willingness to work and serve the people”²⁷.

The extensive exposition of the characteristics of the Chinese educational system was intended, according to the note, not only as “a magnificent example of what the people are capable of achieving” but also as “a stimulus for revolutionaries who fight tirelessly to abolish the unjust system of capitalist exploitation”²⁸. Among the striking aspects of the document is undoubtedly the fact that it was produced directly by a Peronist pen. Unlike other cases, it was not a reproduction of foreign publications: the text was the result of a *reading* aimed at capturing, in a work of around 150 pages, what, according to the PRT, were the most important features of “revolutionary Chinese pedagogy” [20]. With different levels of depth, the party would return to this point on several occasions, emphasizing, on each case, the revolutionary nature of an educational system that put into practice “the orientations of Chairman Mao”²⁹.

While reading about the construction of socialism in countries like China and Albania, the leaders of the PRT were discussing the preparation of a “party program project”. With the aim of countering “the blatant lie of imperialist bourgeois about the goals of socialism”, the provisional version of the document brought together the organization’s conceptions about various aspects associated with the functioning of a future “Worker and People’s State”. In general terms, the project indicated that after the revolutionary triumph, during a transition period to socialism, there would be major changes in how society was organized: production would be planned and directed by popular “councils”; the means of production would be expropriated with or without compensation, depending on the balance of forces between classes; eventually, cooperatives or similar organizations would be formed during the process of nationalizing small and medium-sized properties; whereas factories, machines, and tools would be managed by the workers themselves. In sum, the text asserted that in the Worker’s State there would be “no interest higher than those of the working class and the people, not even those of the State itself, as this would imply bureaucratic deformation”³⁰.

The projections recorded in the PRT program also included topics such as the direction of the revolutionary process, the development of the economy under socialism, and proletarian internationalism. Drawing directly from contemporary

---

²⁷ El Combatiente. 1974 Dec 11;(147):7.

²⁸ Ibid.

²⁹ El Combatiente. 1975;(182):11.

³⁰ El Combatiente. 1975;(150):10–11.

socialist experiences, the document mentioned that the organs of power of the new State should emerge, as in Vietnam, from concrete experience in the “liberated zones” by the People’s Army; that unions, once the masses were democratically integrated, should have direct participation in the country’s affairs — as seen in the Cuban experience; that the enthusiasm of workers in production, as a consequence of the end of exploitation conditions, would dramatically raise national production levels, as was possible to confirm “in the Workers States, which from underdeveloped and semi-colonial countries became, in a few years, highly industrialized countries”³¹. In turn, mirroring “international experience”, the PRT-ERP program indicated that to achieve this harmonious development of the economy and socialist society, once the revolution was consummated, it would be necessary to “exercise rigorous control against internal conspirators and imperialist aggressions that will try by all means at their disposal to suffocate the economy of the nascent State”³².

The different traditions that impacted the trajectory of the PRT seemed to converge towards a sort of comprehensive synthesis. The “lessons” learned by the party in its analyses and interactions with international reality progressively became a vindication of the “socialist world” as a whole, more than the adherence to specific models. This eclectic intuition, already present in the main documents produced by the organization in its IV and V congresses, and multiplied after the rupture with the IV International, subtly brought the party’s perspective closer to the “Stalinist reason of State”, responsible for shifting the revolutionary project towards confrontation with capitalism in bipolar terms [21]. The adoption of this viewpoint, which would have lasting and immediate effects on the party’s history, ultimately reduced the margins for creation: the socialism imagined by the PRT did not intend to stray too far from that which already “really” existed.

The Socialist Solution

In late 1974, *El Combatiente* published a brief study on the shortage of housing in different regions of Argentine territory. Drawing from a narrative that recounted the history of “villas miserias”, the lack of urban planning in major cities, high rental prices, and the absence of effective government programs, the text criticized López Rega’s tenure as Minister of Social Welfare in the Peronist government and pointed out the need for comprehensive urban reform in the country. However, according to the party vision, it would be impossible to develop it within a capitalist society. According to the document, to address the housing problem in Argentina, it would be necessary to adopt the “socialist solution”, based on a conception of housing aimed at “meeting the needs of the people”³³.

---

³¹ *El Combatiente*. 1975;(151).

³² *Ibid.* P. 12–13.

³³ *El Combatiente*. 1974;(146):8.

The envisioned solution, in broad strokes, involved the expropriation of construction companies and vacant properties, and the promotion of popular housing construction through a system of voluntary labor coordinated by grassroots organizations. Several months later, the *perretista* newspaper would add to this characterization with a detailed analysis of the “Soviet example”, where, according to their view, housing issues had been overcome to the extent that the USSR was “the only country in the world without a housing deficit”. Once again, the “solution” to these problems was seen as proof that “only in a socialist regime (...) it is possible to plan activities with the aim of meeting the population’s needs”³⁴.

Previously, the party had articulated this perspective through a lengthy discussion on technical development in socialist countries. Placed suggestively alongside an analysis of the Argentine economy and the global crisis, the text began with a reference to a speech given by Fidel Castro in Romania in May 1972 and ended with remarks made by the Cuban leader a few months later in East Berlin. The material focused on denouncing imperialism as a determining factor in Argentina’s backwardness, the concentration of technological benefits in the hands of the bourgeoisie, and the generation of structural inequalities on an international scale. In this sense, it suggested that only a true “cooperation among peoples” — “intensely practiced by socialist countries” — could generate “great advances in industrialization, technological advancement, collective prosperity, and happiness”³⁵. Drawing on reports and narratives about investments from countries like the German Democratic Republic and the Soviet Union in less developed regions such as Cuba, North Korea, and Eastern Europe, *El Combatiente* suggested that exchanges promoted within the socialist camp were crucial for addressing local dependency problems.

“Vietnam, through the immense effort of its working class and the entire population, under the leadership of its vanguard Party and with the most vigorous and active solidarity from socialist countries, has made significant strides toward transforming into a modern and progressive state, emerging from the backwardness imposed by colonial domination and imperialist greed. Is there a similar example in the capitalist world? [...] The superiority of the socialist system over the capitalist one, which stands as an obstacle to human progress, is thus evident in the management of technology and scientific advancements with particular vigor, exposing the reactionary nature of imperialism that, in its pursuit of ever-increasing profits, plunges entire continents, millions upon millions of workers, into misery. Our Party, reflecting the sentiment and revolutionary thought of the Argentine workers’ vanguard, fervently adheres to the fraternal and solidarity-based principles that govern technological cooperation within the socialist bloc”³⁶.

³⁴ *El Combatiente*. 1975;(172):9.

³⁵ *El Combatiente*. 1975;(170):6.

³⁶ *El Combatiente*. 1975;(170):13.

It is not difficult to imagine that this perception was shaped over years of exchanges with representatives of the Cuban regime, trips to Havana that sometimes included brief stays in Prague or Moscow, and theoretical developments aimed at extracting “lessons” from diverse revolutionary experiences of the 20th century. Originating from a rare convergence between groups informed by Latin Americanist and Trotskyist ideals, the party adopted, during its peak organizational development, a perspective deeply sympathetic to the living conditions in socialist states. It did so not merely as an unquestioning endorsement of Cuba’s diplomatic stance: it delved into multiple, sometimes contradictory, references that ultimately shaped its own understanding of these realities. Fundamentally, the PRT seemed less interested in the conflicts surrounding communism on the international stage or in critical reflections on its historical development. Far from aiming to align exclusively with any side within that “camp” — whether China or the Soviet Union; Cuba or North Korea — or to propose a radically innovative societal model, the party constructed a somewhat accommodating image of socialism. Above all, it was about a “solution”.

Unlike other leftist groups emerging globally during the 1960s/1970s, the PRT virtually abstained from engaging in debates on the Sino-Soviet conflict, the “revisionism” of governments like Yugoslavia, Soviet policies of peaceful coexistence, or the bureaucratization process in so-called Workers’ States, nor did it discuss the centralizing and persecutory legacy of Stalinism. Although it placed experiences associated with the new left universe, such as Cuba and Vietnam, at the center of its identity references, its vision of the future city was filled with “khrushchevkas”. It is important to consider that the party’s projections of post-capitalist society were developed in a context where it was preparing to assume leadership of the mass movement “with a firm and iron hand” and lead it “towards a revolutionary situation”³⁷. The PRT-ERP expected that the “virtues and proletarian traditions” would inspire Argentine revolutionaries to “persevere until victory” amid an increasing repressive scenario, imposing economic crisis, and rising poverty³⁸. In this context, the images captured by militants like Francisco, of a universe where the basic needs of each individual would be guaranteed, undoubtedly operated as a potent utopia.

Conclusion

During the second half of the 20th century, a series of artistic, political, and cultural initiatives emerged around the globe, all interested in questioning various aspects of the dominant system. In their most radical expressions, diverse individuals and collectives designated as part of a “new left” adopted practices and political ideas that imbued their dissatisfaction with a revolutionary sense. Influenced by liberation struggles in the

---

³⁷ El Combatiente. 1975;(158):4.

³⁸ El Combatiente. 1975;(163):2.

so-called Third World and inspired by successful experiences in combating “Yankee imperialism” like those in Cuba and Vietnam, thousands of youth, women, and workers dedicated themselves to activism that, in some cases, prioritized armed struggle. Among the several collectives that traversed this trajectory in Argentina, one of the most significant was the PRT-ERP. Operating in a domestic scenario marked by enduring political instability, the party directed its attention to various parts of the world where revolutionary efforts were, or appeared to be, successful, seeking to promote, in various ways, the initiation of a people’s war at home. Thus, through a series of internal reconfigurations and attempts at comprehensive theoretical formulation, the organization crafted a horizon of emancipation deeply influenced by existing socialist experiences in countries such as China, Cuba, and the Soviet Union.

As argued throughout this article, recognizing the specific experience of the PRT-ERP can help understand some of the characteristics not always analyzed within the broader set of experiences typically grouped under the “new left”. In its effort to construct a theory and form of intervention suited to the Argentine reality, the party drew upon both contemporary references — such as the images of Che Guevara and Fidel Castro, adoption of armed struggle strategies, and the assertion of a Third Worldist anti-imperialism — as well as experiences associated with “traditional” socialism that practically helped shape its worldview. This complex positioning of the PRT-ERP suggests the persistence of a horizon of expectations among members of the “new left” that invites moderation of the perception that organizations emerging in that context sought to break away from the “old schemes” of international communism. Although their political action was deeply marked by a rejection of the “reformism” and “stagism” attributed to communist parties at the international level, the contours of the society they aimed to build were, at least in this case, strongly based on experiences of constructing “actually existing socialism”.

By concurrently imagining the Soviet, Cuban, Chinese, and Vietnamese examples as a “solution” to the problems of peripheral capitalism, the PRT-ERP implicitly dissociated international communism as a diplomatic and political articulation from what it considered the achievements of “real socialism” as a social and economic regime. While the exact reproduction of these viewpoints in other organizations of the period is unlikely, studying the socialisms “imagined” by the PRT invites a more generalized reconsideration of the dreams, expectations, and aspirations around which thousands of youth, women, and workers organized themselves during the second half of the 20th century.

References

1. Yaffe H. *Che Guevara: The Economics of Revolution*. New York: Palgrave Macmillan; 2009.
2. Pozzi P. *Por las sendas argentinas: el PRT-ERP y la guerrilla marxista*. Buenos Aires: Clacso; 2022.
3. Marchesi A. *Hacer la Revolución: guerrillas latinoamericanas, del Che a los años setenta*. Buenos Aires: Siglo XXI Editores; 2019.

4. Duarte L. La Biblioteca del PRT-ERP: militancia revolucionaria y circulación transnacional de libros durante los largos años 1960. *Archivos de Hististoria del Movimiento Obrero y la Izquierda*. 2023;(23):129–151.
5. Weisz E. *El PRT-ERP: la guerrilla marxista*. Buenos Aires: Siglo XXI Editores; 2007.
6. Stavale S. PRT-ERP: un partido de la nueva izquierda. In: Tortti MC, González Canosa M, editors. *La nueva izquierda en la historia reciente argentina*. Rosario: Prohistoria Ediciones; 2021. p. 194.
7. Wood EM. A Chronology of the New Left and Its Successors, Or: Who's Old-Fashioned Now? *Socialist Register*. 1995;(31):22–49.
8. Gosse V. *The Movements of the New Left, 1950–1975: A Brief History with Documents*. Boston: Bedford/St. Martin's; 2004.
9. Marwick A. *The Sixties: Cultural Revolution in Britain, France, Italy, and the United States, c.1958–c.1974*. Oxford: Oxford University Press; 2019.
10. Alberto Martín Álvarez, Eduardo Rey Tristán (eds.). *Revolutionary Violence and The New Left: Transnational Perspectives*. New York: Routledge; 2016.
11. Dip N. La nueva izquierda en la historia reciente de América Latina: Un diálogo entre Eric Zolov, Rafael Rojas, Elisa Servín, María Cristina Tortti y Aldo Marchesi. *Espectra*. 2020;2(4):290–323.
12. Palieraki E. In arms' way. The 1960s Latin American New Left thinking on war and politics. *Contemporánea: historia y problemas del siglo XX*. 2017;8(8):73–86.
13. Tortti M. *El viejo partido socialista y los orígenes de la nueva izquierda* [doctoral thesis]. La Plata: Universidad Nacional de La Plata, Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación; 2007.
14. Mangiantini M. La “nueva izquierda” en la Argentina. Claves y discusiones alrededor del concepto. *Astrolabio*. 2018;(21):27–52.
15. Mangiantini M, Pis Diez N, Friedemann S. Diálogo sobre el concepto de “nueva izquierda” en la historiografía argentina. *Archivos*. 2021;(18):167–190.
16. Cormick F. La nueva izquierda armada: un actor protagónico en la Argentina de los años '70. *Contenciosa*. 2023;(13):e0036.
17. Churchill L. *Becoming the Tupamaros: solidarity and transnational revolutionaries in Uruguay and the United States*. Nashville: Vanderbilt University Press; 2014.
18. Cormick F. *Fracción Roja: Debate y ruptura en el PRT-ERP*. Buenos Aires: El Topo Blindado; 2012.
19. Svampa M. El populismo imposible y sus actores. In: James D, ed. *Nueva Historia argentina. Violencia, proscripción y autoritarismo (1955–1976)*. Buenos Aires: Sudamericana; 2003.
20. Ríos CC. *La educación en China: una pedagogía revolucionaria*. Buenos Aires: Ediciones Búsqueda; 1973.
21. Pons S. Imperio, Estado e Ideología na URSS Stalinista. *Revista Lua Nova*. 2008;(75):99–113.

Information about the author:

Lucas Duarte — PhD in History, Professor at the Faculty of Humanities, Universidad Nacional del Comahue, Quintral 1250, San Carlos de Bariloche, R8400, Río Negro, Argentina; e-mail: lucas.lado@gmail.com ORCID: 0000-0001-9570-7153.

Информация об авторе:

Лукас Дуарте — PhD (исторические науки), профессор, факультет гуманитарных наук, Национальный университет Комауэ, Аргентина, Рио Негро, Р8400, Сан Карлос де Барилоче, Кинтрал 1250; e-mail: lucas.lado@gmail.com ORCID: 0000-0001-9570-7153.

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА ORIENTAL STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2-222-238

EDN: TFXJOV

Научная статья / Research article

Ранние попытки создания корейского дипломатического представительства в Европе в конце XIX в.

Д.Е. Гришина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Российская Федерация

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва,
Российская Федерация

✉ degrishina@hse.ru

Аннотация. Открытие Кореи (государства Чосон) для дипломатии в конце XIX в. не только оказало значительное влияние на геополитическую расстановку сил в регионе Северо-Восточной Азии, но и во многом определило дальнейшую судьбу Корейского полуострова. Особенно важную роль в региональном соперничестве конца XIX — начала XX в. сыграли непосредственные соседи Чосон: Китай, Япония и Российская империя. Первые две державы имели многовековую историю традиционных дипломатических коммуникаций с Чосон и государствами, предшествовавшими ему. Однако, Российская империя, расширившая свои территории на Дальнем Востоке в середине XIX в., являлась новой силой в регионе. Ее линия дипломатии следовала не синоцентричным, а западным стандартам. Именно эта уникальная позиция Российской империи обусловила ее ключевую роль для государства Чосон в создании его дипломатического представительства в Европе. В исследовании рассмотрены несколько попыток правительства Чосон создать свое постоянное дипломатическое представительство в Европе (со штаб-квартирой в Санкт-Петербурге), предпринятые в середине 80-х — конце 90-х гг. XIX в. Эти эпизоды истории корейской дипломатии и, в значительной степени, русско-корейских отношений до сих пор мало изучены. Кроме этого, проанализированы причины неудач инициатив корейского правительства в контексте внешнеполитической ситуации того времени. Сделан вывод о том, что, несмотря на отрицательный результат, эти ранние попытки создания корейского дипломатического представительства в России (и Европе) оказали значительное влияние не только на динамику внутривосточных процессов на Корейском полуострове, но на и баланс сил, окружавший его в конце XIX в.

© Гришина Д.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Чосон, Российская империя, русско-корейские отношения, дипломатия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11.11.2024; принята к публикации 20.01.2025.

Для цитирования: Гришина Д.Е. Ранние попытки создания корейского дипломатического представительства в Европе в конце XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 222–238. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-222-238>

Early attempts to establish Korean diplomatic representation in Europe in the late 19th century

Daria E. Grishina

National Research University Higher School of Economics, *Moscow, Russian Federation*

State Academic University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

✉ degrishina@hse.ru

Abstract. The opening of Korea (Chosŏn) for modern diplomacy in the late XIX century not only had a significant impact on the geopolitical balance of power in the Northeast Asian region, but also largely determined the future of the Korean Peninsula. Chosŏn's immediate neighbors, China, Japan, and the Russian Empire, played a particularly important role in the regional rivalry surrounding the Korean peninsula in the late XIX and early XX centuries. First two powers had a long history of traditional diplomatic communications with Chosŏn and the states that preceded it. However, the Russian Empire, which expanded its territory in the Far East in the mid-19th century, was a new force in the region. Its diplomatic line followed Western, rather than Sinocentric, standards. It was precisely this unique position of the Russian Empire that determined its key role for Korea in establishing its diplomatic representation in Europe. This study describes several attempts by the Chosŏn government to establish its permanent diplomatic representation in Europe (headquartered in St. Petersburg) in the mid-1880s to late 1890s. These episodes in the history of Russian-Korean relations still remain poorly understood. The author focuses on the balance of power surrounding the Korean Peninsula during these events and analyzes the reasons for the failure of mentioned Korean government's initiatives in the context of the geopolitical situation of that time. Despite the negative outcome, these early attempts to establish a Korean diplomatic representation in Europe (and Russia) had a significant impact not only on the dynamics of domestic political processes in Chosŏn, but also on the balance of power surrounding it at the end of the XIX century.

Keywords: Chosŏn, Russian Empire, Russian-Korean relations, Diplomacy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 11.11.2024. Accepted: 20.01.2025.

For citation: Grishina DE. Early Attempts to Establish Korean Diplomatic Representation in Europe in the Late 19th Century. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(2):222–238. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-222-238>

Введение

Прибытие корейского сановника Ли Бомчжина¹ в Санкт-Петербург в начале 1900 г. ознаменовало начало дипломатического представительства интересов Корейской империи (до 1897 г. — государства Чосон) на территории Европы, и особенно, в России. Ли сыграл важную роль в сближении двух стран в первой половине XX в.², однако его назначение на должность дипломатического посланника в России, Франции и Австрии в апреле 1899 г.³, было далеко не первой попыткой Кочжона⁴, корейского правителя, организовать дипломатическое представительство своего государства в странах Европы, для которого миссия в Санкт-Петербурге являлась бы своеобразным форпостом.

Эти попытки, предпринятые корейским правительством в середине 80-х — конце 90-х гг. XIX в., во многом отражали изменяющуюся геополитическую ситуацию в Северо-Восточной Азии⁵. **Цель исследования** — описать их и проанализировать причины неудач инициатив Корейского правительства в контексте геополитической ситуации того времени, выраженной в действиях восточных и западных держав и их представителей на территории государства Чосон. Перед автором стоит задача изучить как дипломатическое соперничество стран в Северо-Восточной Азии повлияло на внешнеполитический курс корейского правительства.

Первая попытка создания дипломатического представительства Чосон в Европе: вторая половина 1880-х гг.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась появлением нового геополитического игрока в Северо-Восточной Азии — Российской Империи⁶, еще более пошатнувшей традиционный синоцентричный дипломатический порядок в регионе.

¹ Ли Бомчжин (이범진 / 李範晉, 1852–1911) — политик и дипломат, доверенное лицо Кочжона и первый дипломатический посланник Корейской империи в России.

² Подробнее см.: Корейская дипломатическая миссия в Санкт-Петербурге в 1900–1911 гг. (Деятельность ч. п. п. м. Ли Бомчжина) : избранные материалы / авт.-сост. С.О. Курбанов. СПб. : Изд-во РХГА, 2016. 239 с.

³ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_13603015_003 (дата обращения: 21.01.2025).

⁴ Кочжон (고종 / 高宗, 1852–1919) — 26-й правитель государства Чосон, с 1897 г. — 1-й император Корейской империи.

⁵ С открытием региона для международной дипломатии и торговли западными неокOLONIALными державами, традиционная синоцентричная система дипломатических отношений была нарушена, обострив региональное соперничество.

⁶ Благодаря двум соглашениям с Китаем, 1858 и 1860 гг., Российская империя приобрела значительные территории на Дальнем Востоке и вышла на северные границы государства Чосон.

Стремясь упрочить свои региональные позиции⁷, в середине 1870 — начале 1880-х гг. российское правительство искало стратегических сближений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в-частности с государством Чосон, которое под управлением молодого амбициозного правителя Кочжона в первой половине 1880-х гг. вступило на путь проактивной и диверсифицированной дипломатии⁸. В результате совместных усилий в 1884 г. был подписан Российско-Корейский договор, ознаменовавший установление официальных отношений между двумя странами.

Середина 1880-х гг. отмечена двумя попытками тайного сближения двух правительств: летом-осенью 1884 г. и весной-летом 1885 г. [1. С. 144–155]⁹. Однако, когда обе эти попытки, в силу прямого и опосредованного влияния со стороны империи Цин,¹⁰ завершились неудачей, опасаясь дальнейшего усиления влияния Китая на внутри- и внешнеполитический курс своего государства, правитель Кочжон решил обратиться к методам официальной дипломатии, тем более, что договоры с Японией и западными державами, заключенные Чосон в конце 1870-х — начале 1880-х гг. (некоторые из них,

⁷ Российская империя являлась единственной западной державой, владевшей территориями в Северо-восточной Азии не на правах колонии или временного владения. Это обусловило региональную стратегическую важность российского дипломатического курса в конце XIX — начале XX в.

⁸ В своей декламации от 16 сентября 1882 г., Кочжон заявил о стремлении заключить договора со множеством Европейских государств, включая Англию и Германию, причем с позиции равноправия. 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_11908005_005 (дата обращения: 21.01.2025).

⁹ В лето-осенью 1884 г., на фоне франко-китайского соперничества во Вьетнаме, примерно половина китайского военного контингента, расквартированного на Корейском полуострове с 1882 г., была передислоцирована. Опасаясь возможных угроз территориальной целостности своего государства, в августе-сентябре того же года Кочжон тайно связался российским военными в Китае — полковником Николаем Шнеуром и адмиралом Александром Кроуном, запросив через них стратегической военной поддержки с целью нейтрализации Чосон под тройственными гарантиями Китая, Японии и Российской империи. В середине мая 1885 г., на фоне аннексии корейских островов Комундо британским флотом, сотрудник Российского посольства в Токио, Алексей Шпейер был направлен в Сеул с полуофициальной миссией, одной из целей которой было подтверждение желания корейского правительства пригласить российских военных инструкторов для обучения армии.

¹⁰ Активизация и диверсификация дипломатических контактов государства Чосон осложнила его отношения с давним сюзереном — Империей Цин. На фоне снижения регионального авторитета Китая и расширения российских границ на Дальнем Востоке в середине-конце XIX в., цинское правительство стремилось сохранить Корейский полуостров в ареале своего непосредственного влияния, для чего, с начала 1880 гг. предпринимались попытки ограничить или даже саботировать российско-корейские контакты. Российская сторона отказалась от сближения с Чосон осенью 1884 г., опасаясь испортить отношения с Китаем. Летом 1885 г. давление со стороны Великобритании — в тот момент стратегического союзника Китая, — пообещавшей освободить Комундо, если Кочжон откажется от сближения с русскими, поставило крест на второй попытке сближения России и Чосон.

например договор с США 1882 г., — при прямом посредничестве Китая), предоставляли Корею право прямого дипломатического представительства.

Несмотря на болезненный опыт попытки государственного переворота года Капсин¹¹, именно Япония была выбрана в качестве первой трактатной державы, где должно было быть создано дипломатическое представительство Чосон. Это решение было во многом продиктовано текущей международной обстановкой: на фоне провала тайных попыток сближения позиции Российской империи на Корейском полуострове были ослаблены. В отсутствие другого регионального геополитического союзника, достаточно сильного, чтобы не попасть под влияние Китая, который, как ожидал Кочжон, попытается саботировать создание дипломатических представительств Чосон в трактатных державах, Япония, даже несмотря на антияпонские настроения, распространенные среди корейских граждан, была единственной подходящей площадкой: в Токио располагались дипломатические представительства всех западных государств, активных в регионе, что представлялось удобным для дипломатических обменов. 5 марта 1886 г. Кочжон объявил о своем решении создать дипломатическое представительство Чосон в Токио¹². Однако, под давлением про-цински настроенных элит отправка посланника несколько раз откладывалась, в результате назначенный правителем сановник так и не приступил к исполнению своих обязанностей в японской столице [2. С. 287–288]¹³.

В попытке преодолеть сопротивление и заручиться иностранной поддержкой, в августе того же года Кочжон попробовал тайно сблизиться с Российской Империей в третий раз. Пятого августа Мин Ёнъик¹⁴, близкий родственник королевы, влиятельный сановник и доверенное лицо Кочжона, навестил российского посланника в Сеуле Карла Вебера¹⁵ и передал ему устную просьбу правителя о помощи в укреплении независимости Чосон¹⁶. Девятого августа в здание русской миссии в Сеуле было доставлено письмо

¹¹ Попытка государственного переворота года Капсин (4–6 декабря 1884 г.) — неудачная попытка переворота, инициированная радикально настроенными либералами при активном содействии Японского полномочного посланника в Сеуле.

¹² 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_12301030_002 (дата обращения: 21.01.2025).

¹³ На должность дипломатического представителя был назначен Ли Хонёнъ (이헌영 / 李鏞永, 1837–1907), однако его вступление в должность постоянно откладывалось, пока 3 июля 1886 г. не было объявлено, что Ли Хонёнъ заболел и вовсе не сможет приступить к своим новым обязанностям.

¹⁴ Мин Ёнъик (민영익 / 閔泳翊, 1860–1914) был влиятельным дипломатом и политиком конца девятнадцатого века. С 1882 г. он поддерживал тесные отношения с правителем Чосон, став его доверенным лицом. Часто участвовал в неофициальных инициативах Кочжона.

¹⁵ Карл Иванович Вебер (1841–1910) был дипломатом Российской империи, с 1884 по 1897 г. служил российским дипломатическим посланником в Чосон. В этом качестве Вебер во многом способствовал укреплению влияния Российской империи на Корейском полуострове.

¹⁶ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», 493, 1, К1, Дело № 36, лист 109.

с просьбой об установлении временного российского военного протектората над Чосон за подписью Кочжона¹⁷. Однако, о действиях корейского правителя довольно быстро стало известно китайскому посланнику в Сеуле, Юань Шикаю¹⁸, под давлением и угрозами которого¹⁹ Кочжону в третий раз пришлось отказаться от сближения с русскими [3. С. 151].

Тем не менее от идеи создания дипломатических представительств Чосон в трактатных державах правитель не отказался. Даже наоборот: настойчивые попытки Юань Шикая диктовать свою волю лишь упрочили желание Кочжона создать постоянную дипломатическую репрезентацию своего государства, в-первую очередь, в США и странах Европы. Можно предположить, что этот план был продиктован стремлением закрепить независимый статус Кореи на международном уровне: все договоры, заключенные Чосон с государствами вне Азиатско-Тихоокеанского региона, следуя нормам западного международного права, подтверждали независимость и субъектность Кореи.

Свой очередной виток эта инициатива получила летом 1887 г. В середине июня уже упоминавшийся выше сановник Мин Ёнъик сообщил американскому и российскому дипломатическим посланникам в Сеуле о желании правителя направить своих представителей в трактатные державы — как в США, так и в европейские государства [4. С. 100]²⁰. При этом на место дипломатического представителя Чосон во Владивостоке²¹ Мин Ёнъик предложил себя, о чем еще в начале лета 1887 г. открыто заявил советнику российского представительства в Чифу, Алексею Старцеву^{22, 23}. Очевидно, что действия

¹⁷ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», 493, 1, К1, Дело № 36, лист 117.

¹⁸ Юань Шикай (袁世凱, 1859–1916) был китайским военным чиновником и дипломатом. Юань впервые прибыл в Чосон в 1882 г. в качестве командующего китайским военным контингентом; в 1885 г. он был назначен императорским резидентом в Сеуле и занимал этот пост до 1895 г.

¹⁹ Юань Шикай пригрозил, что вскоре по его призыву в Чосон будут отправлены 75 000 китайских солдат.

²⁰ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», 493, 1, К1, Дело № 36, лист 332.

²¹ Можно предположить, что стремление корейского правительства к дипломатической репрезентации во Владивостоке связано с проблемой корейской миграции в этот регион. Начиная с 60-х гг. XIX в., на фоне сложной экономической ситуации в государстве Чосон, корейские крестьяне начали мигрировать на территорию российского Дальнего Востока. В то время как российское правительство благосклонно относилось к корейским мигрантам, правительство Чосон стремилось к их репатриации.

²² Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», 493, 1, К1, Дело № 36, лист 326.

²³ Алексей Дмитриевич Старцев (1838–1900) — русский купец, промышленник, чья коммерческая деятельность была сосредоточена в Китае, советник и переводчик при российской дипломатической миссии в Китае.

Мина — его консультации с дипломатическими представителями западных держав — ставили своей целью заручиться их поддержкой на случай давления со стороны Китая.

На фоне положительной реакции американского и российского правительств^{24, 25} 6 июля 1887 г. Кочжон заявил о срочной необходимости создания постоянных дипломатических представительств в трактатных державах, но начать предпочел все же с Японии^{26, 27}. 16 августа назначенные корейским правителем полномочные дипломатические посланники прибыли в Токио [2. С. 293]. Создание постоянного дипломатического представительства в японской столице не вызвало не то, что критики, но хоть сколько-нибудь заметной реакции не только со стороны центрального китайского правительства, но и со стороны китайского представителя в Сеуле.

Окрыленный этим безусловным дипломатическим успехом 18 августа Кочжон назначил полномочного посланника в США, а также утвердил кандидатуру Сим Санъхака²⁸ в качестве постоянного посланника Чосон в пяти европейских странах — Англии, Германии, России, Италии и Франции²⁹. Ожидалось, что назначенные сановники покинут Корейский полуостров для исполнения своих обязанностей в середине сентября [4. С. 90]. Однако на этот раз действия корейского правителя вызвали публичные протесты Юань Шикая. Уже 20 августа китайский посланник доложил своему начальству о своевольных действиях Кочжона [5. С. 352]. Давление на корейского правителя достигло своей кульминации в конце сентября, когда китайские военные предположительно с применением силы воспрепятствовали отправке корейского дипломатического посланника в США [6. С. 433].

В попытке преодолеть давление китайской стороны 30 сентября Кочжон обратился за помощью к главам американского и российского

²⁴ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», 493, 1, K1, Дело № 36, лист 332.

²⁵ Карл Вебер даже предоставил Мин Ёнъику проход до Чифу на русском корабле «в доказательство ... сочувствия в этом (в намерении Короля назначить посланника в Россию и другие страны)».

²⁶ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_12405016_002 (дата обращения: 21.01.2025).

²⁷ Можно предположить, что на фоне японо-китайского соглашения в отношении Чосон, заключенного в апреле 1885 г., корейский правитель предполагал, что у цинского правительства не будет достаточного предлога, чтобы открыто воспрепятствовать созданию дипломатического представительства Чосон в Токио. Последнее должно было создать прецедент.

²⁸ Сим Санъхак (심상학 / 沈相學, 1830/1845–1890) был политиком и дипломатом в Чосон в конце XIX в.

²⁹ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_12406029_001 (дата обращения: 21.01.2025).

дипломатических представительств в Сеуле [7. С. 517]. Американский дипломат предложил немедленно отправить членов корейских посольств в Европу и Вашингтон, несмотря на протесты китайской стороны, однако Карл Вебер настоял на том, чтобы запросить инструкции в американском и российском министерствах иностранных дел, пояснив, что одного факта получения инструкций, какими бы они ни были, будет достаточно, чтобы запугать китайцев [7. С. 517]. Однако, когда инструкции были получены, стало очевидно, что стремясь защитить свои геополитические и торговые интересы в регионе, российское и американское правительства не были готовы идти на обострение отношений с Китаем: американскому дипломатическому посланнику в Пекине было приказано выразить «удивление и сожаление» по поводу вмешательства китайского правительства в корейско-американские отношения [6. С. 436], Веберу же, судя по всему запретили принимать какое-либо, официальное или полуофициальное, участие в отправке корейского посланника в Европу³⁰.

Тем не менее к середине октября 1887 г. в результате активной коммуникации Кочжона с китайским императором принципиальное согласие китайской стороны на отправку корейских постоянных посланников в страны запада было получено. В ответ китайское правительство обязывало чосонских дипломатов следовать специально разработанным правилам поведения. Так, согласно этим инструкциям, корейским дипломатическим представителям предписывалось представляться в министерстве иностранных дел страны прохождения службы через китайского посланника, во время приемов и других официальных событий занимать место ниже (дальше) китайского посланника и всегда консультироваться с китайским посланником, прежде чем предпринимать какие-либо действия [6. С. 441–442]. Корреспонденция с этими правилами была получена в Сеуле 9 ноября [4. С. 94], но, проявив настойчивость и, очевидно, намереваясь сохранить фактические дипломатические функции своих эмиссаров, 12 ноября Кочжон вручил верительные грамоты своему посланнику в США, не сообщив ему о полученных из Пекина инструкциях [4. С. 94]. На следующий день корейский дипломат благополучно покинул Чосон и направился в Вашингтон.

О своевольстве корейского правителя довольно быстро стало известно, поэтому Кочжон торопился с отправкой последней делегации дипломатов в Европу. Однако Сим Санъхак, похоже, поддался давлению со стороны

³⁰ Можно предположить, что отсутствие поддержки со стороны российского правительства было вызвано не только его стремлением к сохранению отношений с Китаем, но и позицией российского посланника в Сеуле, Карла Вебера, чье влияние в корейской столице было ослаблено слухами об его скорой отставке из-за своевольных действий в августе 1887 г. (Вебер предоставил Мин Ёнькику корабль до Чифу, не согласовав это решение со своим руководством) [8. С. 690].

китайского посланника в Сеуле, отчего 13 ноября 1887 г. его спешно сняли с должности дипломатического представителя, заменив на Чо Синхви^{31, 32}. В середине ноября делегация корейских сановников, командируемых в Европу, покинула Корейский полуостров. Однако Чо Синхви и его коллегам пришлось пожинать плоды своеволия корейского правителя: достигнув Гонконга в конце 1887 г., группа под давлением китайских сановников была лишена возможности продолжить свой путь. В начале января 1888 г., стремясь обеспечить беспрепятственный проход своих сановников, Кочжон предпринял попытку нивелировать недовольство Цин, приказав корейским дипломатам соблюдать правила поведения, составленные китайским правительством [6. С. 249–250]. Тем не менее, даже после этого, очевидно запуганные, члены корейской дипломатической миссии так и не проследовали в Европу. Чо Синхви, объяснивший свою неспособность выполнить приказ правителя и занять пост в Европе «чувством болезни», вернулся в Чосон только в середине февраля 1890 г., проведя почти два года в добровольном изгнании в Гонконге. За непослушание Кочжон отправил его в ссылку, из которой его, впрочем, довольно быстро вернули³³.

События лета-осени 1887 г. ознаменовались успешным созданием корейских дипломатических представительств в Японии и США, однако попытка отправки постоянных посланников в Европу оказалась неудачной. Можно сделать вывод о том, что на провал инициативы по созданию корейского дипломатического представительства в Европе со штаб-квартирой в Санкт-Петербурге повлияли стремление Китая не допустить русско-корейского сближения, а также неготовность российского правительства портить недавно нормализованные отношения с Цин³⁴.

Важно также отметить, что не принесли результата и усилия Мин Ёнъика заступить в должность корейского дипломатического посланника во Владивостоке — несмотря на то, что в конце XIX в. примерно половину жителей Приморского края составляли эмигранты [9. С. 68], вплоть до начала XX в. ни одному иностранному дипломатическому представителю не разрешалось проживать во Владивостоке [10. С. 292]. Можно предположить, что на фоне продолжающихся с 1860-х гг. корейско-российских

³¹ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_12409028_001 (дата обращения: 21.01.2025).

³² Чо Синхви (조신희 / 趙臣熙, 1851 — ?) был политиком и дипломатом в Чосон конца XIX в.

³³ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_12701016_001 (дата обращения: 21.01.2025).

³⁴ В феврале 1881 г. с подписанием так называемого Петербургского договора, разрешился территориальный спор между Китаем и Российской империей в отношении Илийского края. В январе 1887 года было достигнуто устное, джентльменское, соглашение, согласовавшее позиции китайского и российского правительств в отношении оккупации корейского острова Комундо силами Британского флота, что нормализовало отношения между двумя странами [4. фонд «Китайский стол», дело 491, 5, 1887, 168, Лист 10–10 об., 17 об. — 18].

обсуждений статуса корейских крестьян, эмигрировавших на Российский Дальний Восток³⁵, дипломатическое представительство Чосон в этом регионе было особенно нежелательно для российского правительства.

Вторая попытка создания дипломатического представительства Чосон в Европе во второй половине 1890-х гг.

В результате следующую попытку создать постоянное дипломатическое представительство в Европе Кочжон предпринял уже после Японо-китайской войны (1894–1895 гг.), освободившей Корейский полуостров от влияния Цинской империи, а также после обнародования текстов тайных русско-японских соглашений касательно Чосон [1. С. 274], охладившего отношения между двумя странами³⁶. Предпосылкой к этим действиям правителя стало обострение русско-японского соперничества на Корейском полуострове и общее разочарование в России и Японии как потенциальных стратегических партнерах.

В конце марта 1897 г. Мин Ёньхван³⁷, двоюродный брат Мин Ёньика, был назначен полномочным представителем государства Чосон на праздновании Бриллиантового юбилея английской королевы Виктории^{38, 39}. Выбор посланника, впрочем, как и места его назначения, был, конечно же, не случайным. В 1896 г. Мин Ёньхван вернулся из путешествия по Российской Империи, где в качестве официального посланника Чосон провел успешные, по мнению

³⁵ В то время, как российскому правительству корейские крестьяне на Дальнем Востоке были выгодны как производители сельскохозяйственной продукции, обеспечивающей, в т.ч. нужды российского военного контингента на этой территории, корейское правительство в целом стремилось к репатриации своих граждан. Это стремление, помимо прочего, прослеживается в контексте переговорного процесса с Японией в 1876 г. (корейская сторона на переговорах настаивала на репатриации корейских граждан, включая преступников), а так же в географии поездки корейского посланника на церемонию коронации российского императора Николая II в 1896 г., который по приказу Кочжона вернулся на Родину через Владивосток, чтобы там встретиться с корейскими мигрантами и оценить уровень их жизни и благополучия.

³⁶ Тексты меморандума Комуры-Вебера и Протокола Ямагата-Лобанова были опубликованы в японской газете в конце февраля 1897 г. 18 марта корейские сановники проинформировали представителей Японии и России в Сеуле, что Корея не принимает как меморандум Комуры-Вебера, так и протокол Ямагаты-Лобанова, поскольку они были заключены без ведома и согласия корейского монарха и правительства. В этот же период Вебер сообщал, что по Сеулу распространились антироссийские настроения [1. С. 139].

³⁷ Мин Ёньхван (민영환 / 閔泳煥, 1861–1905) был видным политиком и дипломатом в Чосон и Корейской империи конца XIX — начала XX вв. В качестве официального представителя Чосон он принимал участие в церемонии коронации Российского императора Николая II.

³⁸ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_13403023_001 (дата обращения: 21.01.2025).

³⁹ Бриллиантовый юбилей королевы Виктории официально отмечался 22 июня 1897 г. по случаю 60-летия вступления ее на престол 20 июня 1837 г.

корейских сановников, переговоры⁴⁰, что сделало его идеальной кандидатурой для представления интересов государства Чосон в Лондоне. Кроме этого, на фоне разочарования в России после обнародования текстов тайных русско-японских соглашений в отношении Кореи, Англия оставалась последней западной державой, напрямую не вовлеченной в геополитическое соперничество на Корейском полуострове, чье присутствие в регионе Северо-Восточной Азии имело политический и экономический вес. Можно также предположить, что «увеличение дружбы и сотрудничества» [11. С. 188] с английским правительством ставило своей задачей продемонстрировать недовольство Кочжона тайными консультациями между Санкт-Петербургом и Токио.

Мин Ёнхван покинул Корейский полуостров 26 марта 1897 г. [13. С. 35–36]. По завершении дипломатической миссии в Лондоне, в рамках которой Мин должен был довести до сведения глобальной общественности стремление Кочжона провозгласить себя императором, а Чосон — Корейской империей, ему предписывалось отправиться в Санкт-Петербург, для того, чтобы заступить в должность полномочного дипломатического представителя Чосон в пяти европейских державах: Великобритании, Германии, России, Италии и Франции⁴¹. Однако, в конце июля 1897 г. пришло неожиданное известие о том, что Мин Ёнхван преждевременно покинул празднование юбилея британской королевы и сбежал в Соединенные Штаты, отказавшись занять свой пост дипломатического посланника в Европе^{42, 43}. Своевольные действия Мина поставили под угрозу дипломатические контакты государства Чосон с западными партнерами. Кочжону нужно было срочно искать замену.

Решение, очевидно, было непростым. 31 августа на пост постоянного дипломатического представителя государства Чосон в Европе вместо беглого Мин Ёнхвана был назначен Мин Ёнхик⁴⁴. Официальная новость об этом вышла лишь 4 сентября⁴⁵. Можно предположить, что эти пять дней Кочжон потратил на попытку сгладить реакцию французского правительства: он беспокоился, что назначение Мин Ёнхика посланником в Европу встретит

⁴⁰ Речь идет об участии Мин Ёнхвана в церемонии коронации императора Николая II и его переговорах с министром иностранных дел Российской Империи Лобановым-Ростовским, которые прошли в середине июля 1896 г. [12. С. 219–222].

⁴¹ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_13403001_001 (дата обращения: 21.01.2025).

⁴² 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_13407030_002 (дата обращения: 21.01.2025).

⁴³ Согласно свидетельствам современников, Мин Ёнхван чувствовал стыд и стеснение продолжить свою миссию и добиваться поддержки лидеров европейских стран желая Кочжона провозгласить Корейскую империю [13. С. 98].

⁴⁴ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_13408031_001 (дата обращения: 21.01.2025).

⁴⁵ 국가서지 링크드 오픈 데이터 // 독립신문. URL: <http://lod.nl.go.kr/home/include/lodpopup.jsp?uri=http://lod.nl.go.kr/resource/CNTS-00098991092> (дата обращения: 21.01.2025).

сопротивление со стороны этого государства⁴⁶. Действительно, французский посланник в Сеуле выразил личное недовольство назначением, заявив, что кандидатура Мина не будет одобрена европейскими правительствами, однако, вместе с тем, запросил официальные инструкции министерства иностранных дел в Париже [14. С. 199].

Наиболее вероятной причиной возможного противодействия со стороны французского правительства, по мнению Кочжона, мог послужить инцидент с участием Мин Ёнъика и его секретаря Мин Санъхо⁴⁷, произошедший в Гонконге в конце 1880-х гг. Тогда Мин Санъхо подделал подпись Мин Ёнъика на депозитном билете гонконгского отделения французского банка Comptoir National d'Escompte, обналичил 15 тысяч долларов и сбежал в США⁴⁸. Когда подделка была раскрыта, банку пришлось компенсировать Мин Ёнъику вышеупомянутую сумму. И хотя в финансовом отношении дело было успешно решено (поскольку семья Мин в конечном итоге вернула деньги банку обратно), по-видимому, к 1897 г. французская сторона все еще считала Мин Ёнъика «виноватым» [13. С. 103].

Пока французский посланник в Сеуле ждал указаний своего правительства относительно назначения Мин Ёнъика, Кочжон, осознавая потенциальную проблематичность кандидатуры Мина, обратился за поддержкой к новому российскому посланнику Алексею Шпейеру⁴⁹, вероятно рассчитывая на влияние России во Франко-русском союзе⁵⁰. Заявив, что российское правительство не имеет возражений против кандидатуры Мин Ёнъика, Шпейер, тем не менее, пытаясь пресечь инициативу корейского правителя, указал на то, что отправка посланника в Европу сама по себе является «ненужной и обременительной для государственной казны»⁵¹. Однако предупреждения российского дипломата не возымели ожидаемого эффекта, и правительство Чосон продолжило подготовку к отправке делегации во главе с Мин Ёнъиком.

⁴⁶ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», Дело 493, 71, К4, д.3, Лист 2-3об.

⁴⁷ Мин Санъхо (민상호 / 閔商鎬, 1870–1933) был государственным деятелем и политиком Чосон и Корейской империи. В 1882 г. его отправили в США в качестве студента. Мин покинул США в 1888 г., но его первое назначение в правительство Чосон произошло только в 1891 г. Его местонахождение между 1888 и 1891 гг. неясно. Однако известно, что в какой-то момент этого периода он был секретарем Мин Ёнъика.

⁴⁸ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», Дело 493, 71, К4, д.3, Лист 2-3об.

⁴⁹ Алексей Николаевич Шпейер (1854–1916) был русским дипломатом. Проходил службу в Японии, с 1896 по 1897 г. исполнял обязанности поверенного в делах в Сеуле.

⁵⁰ Это партнерство было закреплено двумя письменными соглашениями: соглашением о двусторонних консультациях по всем политическим вопросам (подписано 21 августа 1891 г.) и военной конвенцией (подписано 17 августа 1892 г.) и длилось вплоть до 1917 г.

⁵¹ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», Дело 493, 71, К4, д.3, Лист 2-3об.

К концу сентября 1897 г. поступило официальное заявление французского правительства в отношении назначения нового посланника Чосон в Европе. Как и предполагалось, Министерство иностранных дел Франции выразило «нежелание» принимать Мин Ёньика в качестве дипломатического посланника Чосон⁵². Официальная реакция Парижа дала Шпейеру возможность усилить давление на Кочжона. Российский посланник отметил, возможно, намекая на Российскую империю, что «некоторые другие страны могут последовать примеру Франции», и предложил отложить отправку делегации Мина до тех пор, пока не будут получены все реакции от европейских правительств⁵³. Хотя этот совет казался разумным, время играло не на стороне Кочжона. Накануне принятия титула императора⁵⁴ он опасался, что проволочка в отправке посланников в Европу может стать препятствием для провозглашения Корейской империи⁵⁵. Поэтому в ответ на рекомендацию Шпейера министр иностранных дел Чосон выразил свое «удивление по поводу отказа французского правительства принять одного из самых почетных и благородных граждан [Чосон]... только из-за необоснованных обвинений в его адрес», корейский чиновник также предупредил, что «такой подход французского правительства неизбежно вызовет сильное недовольство во всех странах, поскольку оно уже вызвало недовольство правителя»⁵⁶. Несмотря на это, попытка давления на решение французского правительства через российского посланника в Сеуле успеха не имела — Франция продолжала упорствовать в своем нежелании одобрить кандидатуру Мин Ёньика. Кочжону, который опасался, что излишняя настойчивость в этом вопросе может еще больше рассорить Чосон с его европейскими партнерами, не оставалось ничего другого, кроме как отозвать кандидатуру Мина.

Безусловным фактором влияния на события лета-осени 1897 г. являлась глобальная и региональная расстановка сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Усилия российского правительства по саботированию создания дипломатического представительства Чосон в Европе можно трактовать как ответ на охлаждение российско-корейских отношений в начале 1897 г. и попытки

⁵² Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», Дело 71, К4, д.3, Лист 4-5об.

⁵³ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», Дело 71, К4, д.3, Лист 4-5об.

⁵⁴ Кочжон провозгласил себя императором 13 октября 1897 г.

⁵⁵ В разговоре со Шпейером министр иностранных дел Чосон Мин Чонъмук сообщил, что «правитель вряд ли согласится на дальнейшую задержку отправки посланника, поскольку во избежание каких-либо осложнений и недоразумений верительные грамоты Мин Ёньика были намеренно подписаны Его Величеством накануне принятия императорского титула и король не хотел бы их менять». Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», 493, 71, К4, д.3, Лист 4-5об.

⁵⁶ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», Дело 71, К4, д.3, Лист 4-5об.

Кочжона искать сближения с другими европейскими державами, проявлявшими интерес к Корейскому полуострову. И если на полуофициальные действия правителя Чосон, такие, например, как попытки получить кредиты в Германии или Франции, Российская сторона реагировала указанием на существующие русско-корейские договоренности⁵⁷, то инициатива Кочжона по созданию дипломатического представительства своей страны в Европе и налаживанию активных связей с другими европейскими державами была широко анонсированным дипломатическим шагом, призванным снизить важность Российской империи как международного дипломатического посредника для Кореи, на который у российского правительства не было прямого рычага давления.

Следует отметить, что прямых доказательств того, что именно российское правительство повлияло на отказ Франции одобрить кандидатуру Мин Ёньика в качестве корейского дипломатического представителя в Европе, нет. Тем не менее, описанная ниже противоречивая позиция французского правительства по отношению Мин Ёньику и Мин Санъхо, проанализированная на фоне франко-русского союза, позволяет предположить если не решающую, то важную роль Российской империи в событиях осени 1897 г.

Как изложено выше, возражения французского правительства против кандидатуры Мин Ёньика основывались на инциденте с Comptoir National d'Escompte, в который был вовлечен как сам Мин Ёньик, так и Мин Санъхо. Однако показательно, что, не одобрив кандидатуру Мин Ёньика на пост дипломатического представителя государства Чосон в Европе, французская сторона не высказала возражений в отношении Мин Санъхо, который также входил в состав корейского дипломатического корпуса в Европе. Ещё 5 февраля 1897 г. этот молодой чиновник указом правителя был включен в состав делегации Мин Ёньхвана в качестве первого секретаря будущего дипломатического представительства Чосон в Санкт-Петербурге⁵⁸. Даже после того, как Мин Ёньик сменил Мин Ёньхвана на перспективном посту полномочного посланника, позиция Мин Санъхо в будущем корейском посольстве осталась неизменной. При этом длительная аффилиация Мин Санъхо с проектом по созданию постоянного дипломатического представительства Чосон в Европе на ни одном из его этапов не вызвала никаких неодобрений или протестов со стороны французского правительства. Более того, письменные свидетельства того времени показывают, что Мин Санъхо, благодаря его предыдущему сотрудничеству с Comptoir National d'Escompte, был частым и желательным гостем во французской

⁵⁷ Например, российская сторона использовала соглашения, достигнутые Мин Ёньхваном в 1896 г., чтобы противодействовать попыткам Кочжона получить кредит в британском банке и его аналогичным запросам к правительствам Германии и Франции.

⁵⁸ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_13402005_001 (дата обращения: 21.01.2025).

дипломатической миссии в Сеуле [15. С. 248]. Вышеизложенное позволяет предположить, что причастность Мин Ёньика к инциденту с поддельной подписью была искусственным образом использована для обоснования отказа французского правительства принять корейского дипломатического посланника в Европе.

В свете франко-русского стратегического партнерства, определившего союзнические действия двух стран в области дипломатии, можно далее предположить, что протесты французского правительства против кандидатуры Мин Ёньика были намеренно инициированы и использованы российским правительством для того, чтобы убедить Кочжона вовсе не отправлять посланника в Европу.

Судя по всему, Кочжон вовремя уловил эти настроения, поскольку назначения другого сановника после отставки Мин Ёньика не последовало. Вместо этого идея создания постоянного дипломатического представительства Корейской империи в Европе была отложена до середины мая 1899 г., когда на фоне эскалации русско-японского соперничества на Корейском полуострове Кочжон вновь сделал ставку на российское правительство, назначив Ли Бомчжина на должность одного из двух постоянных дипломатических представителей Корейской империи в Европе⁵⁹.

Заключение

Попытки корейского правительства создать свое дипломатическое представительство в Европе, реализованные в 1880–1890-х гг., вызваны сложными геополитическими процессами в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в рамках которых государство Чосон (Корейская империя) стремилось отстоять свою субъектность в международных отношениях.

Ключевая роль в этой инициативе Кочжона отводилась Российской империи — единственному западному государству, чьи геополитические интересы в Северо-Восточной Азии оправдывались не колониальными, а полноправными территориальными владениями. Эта ставка корейского монарха на российское правительство, в свою очередь, поставила успех создания постоянного дипломатического представительства Чосон в Европе в зависимость от российских внешнеполитических приоритетов. К сожалению, сложность российских глобальных и региональных контактов на Дальнем Востоке в конечном итоге обусловила провал двух инициатив Кочжона по отправке полномочного посланника в страны Европы во второй половине 1880-х — 1890-х гг.

⁵⁹ 22 мая 1899 г. был назначен не один, а два посланника Корейской империи в Европе. Один должен был представлять интересы страны в Англии, Германии и Италии, другой — служить в России, Франции и Австрии.

Список литературы

1. Пак Б.Д. Россия и Корея. М. : Наука, 1979.
2. Хан Чх. Отправка и дипломатическая деятельность посланников Чосон в Японии в период Просвещения (1887–1894) // Хангукмунхва. 2010. № 27. Р. 285–324. (На кор.)
3. Korean-American relations. Documents pertaining to the Far Eastern diplomacy of the United States. Volume 1. The Initial period, 1883–1886 / edited by G.Mc. McCune, J.A. Harrison. University of California Press, 1951.
4. Swartout R.R.Jr. Mandarins, Gunboats and Power Politics: Owen Nickerson Denny and the International Rivalries in Korea. University of Hawaii, 1980.
5. Международные отношения и дипломатическая история Кореи: период нового времени // Тонъбука ёкса чедан. 2018. (На кор.)
6. Index to the executive documents of the House of Representatives for the second session of the fiftieth Congress, 1888–’90. Vol. 1. Part 1 1888/89. Washington: Government printing office, 1889.
7. Ким В. Дневники Аллена. Сеул : изд-во университета Тангук, 1994. (На кор.)
8. Немецкие дипломатические документы: Корея 1874–1910. Научно-исследовательский институт немецкоязычной культуры университета Корё, 2020. (На кор.)
9. Нестерова Е.И. Этническое предпринимательство во Владивостоке (конец XIX — начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. религиоведение». 2014. Т. 10. С. 63–81. EDN: TAWWVF
10. Воронов И.А. К истории возникновения консульских представительств иностранных государств в восточной Сибири в начале XX века // Вестник ИрГТУ. 2011. № 10 (57). С. 291–296. EDN: OIOEDV
11. Finch M. Min Yŏnghwan, the selected writings of a Late Chosŏn Diplomat. University of California press, 2008.
12. Yun C.H. Yun Chi-ho’s diary. Vol. 4. 1895–1896. Seoul: National History Compilation Committee, 1975.
13. Yun C.H. Yun Chi-ho’s diary. Vol. 5. 1897–1902. Seoul: National History Compilation Committee, 1975.
14. Чхве С., Ю С., Чха Г. Дневники Мутеля. 1896–1901. Сеул: Корейский научно-исследовательский институт истории церкви, 1993. (на кор.)
15. Чхве С., Ю С., Чха Г. Дневники Мутеля. 1890–1895. Сеул: Корейский научно-исследовательский институт истории церкви, 1986. (на кор.)

References

1. Pak B. *Russia and Korea*. Moscow: Nauka publ.; 1979. (In Russ.).
2. Han Ch’ŏrho. Dispatch of Chosŏn ambassadors to Japan and their diplomatic activities during the Enlightenment Period (1887–1894). *Han’gungmunhwa*. 2010;(27):285–324. (In Kor.).
3. McCune GMc, Harrison JA, eds. *Korean-American relations. Documents pertaining to the Far Eastern diplomacy of the United States*. Volume 1. The Initial period, 1883–1886. University of California Press; 1951.
4. Swartout RRJr. *Mandarins, Gunboats and Power Politics: Owen Nickerson Denny and the International Rivalries in Korea*. University of Hawaii; 1980.
5. *Korea’s Foreign Relations and Diplomatic History: Modern Era*. Tongbuga Yŏksa Chaedan; 2018. (In Kor.).
6. *Index to the executive documents of the House of Representatives for the second session of the fiftieth Congress*. 1888–90, Vol. 1. Part 1. 1888/89. Washington: Government printing office; 1889.
7. Kim W. *Allen’s diary*. Seoul: Dankook University Press; 1994. (In Kor.).

8. *German Diplomatic Documents: Korea 1874–1910*. Korea University German Language and Culture Research Institute; 2020. (In Kor.).
9. Nesterova E. Ethnic entrepreneurship in Vladivostok (late 19th — early 20th century). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 2014;(10):63–81. EDN: TAWWVF (In Russ.).
10. Voronov I. On the history of the emergence of consular missions of foreign states in Eastern Siberia at the beginning of the 20th century. *Vestnik IrGTU*. 2011;10(57):291–296. EDN: OIOEDV (In Russ.).
11. Finch M. *Min Yŏnghwan, the selected writings of a Late Chosŏn Diplomat*. University of California press: 2008.
12. Yun CH. *Yun Chi-ho's diary*. Vol. 4. 1895–1896. Seoul: National History Compilation Committee; 1975.
13. Yun CH. *Yun Chi-ho's diary*. Vol. 5. 1897–1902. Seoul: National History Compilation Committee; 1975.
14. Ch'oe S, Yu S, Ch'a G. *Mutel's diary. 1896~1901*. Seoul: Korean Church History Research Institute; 1993. (In Kor.).
15. Ch'oe S, Yu S, Ch'a G. *Mutel's diary. 1890~1895*. Seoul: Korean Church History Research Institute; 1986. (In Kor.)

Информация об авторе:

Гришина Дарья Евгеньевна — Ph.D. (Korean history), доцент Школы востоковедения, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; старший преподаватель, Восточный факультет, Государственный академический университет гуманитарных наук, Российская Федерация, 119049, Москва, Мароновский пер., д. 26, e-mail: degrishina@hse.ru ORCID: 0000-0002-9418-4677.

Information about the author:

Daria E. Grishina — Ph.D. (Korean history), associate professor, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, 17 Malaya Ordynka St., Moscow, 119017, Russian Federation; senior lecturer at Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities, 26 Maronovskiy pereulok, Moscow, 119049, Russian Federation, e-mail: degrishina@hse.ru ORCID: 0000-0002-9418-4677.

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2-239-258

EDN: SZECBW

Научная статья / Research article

Становление нового Китая по материалам статей журнала «China reconstructs»

А.Г. Люлина^{1,2} ✉, М.А. Егорова¹

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

✉ alyulina88@gmail.com

Аннотация. Значимость темы исследования определяется актуальностью проблемы «мягкой силы» во внешнеполитической и внешнеэкономической политике Китая (КНР). Цель данного исследовательского проекта — проследить истоки концепции «мягкой силы» на основе материалов и статей международного китайского журнала *China Reconstructs* (1952–1990 гг.). В исследуемый исторический период Китай переходил от модели закрытого государства к позиционированию себя как одного из мировых лидеров, постепенный переход к стране открытого типа требовал активизации политики «мягкой силы» с целью признания легитимности и укрепления своей роли на мировой арене. Основные этапы истории развития Нового Китая не только нашли свое отражение на страницах журнала, но и меняли сам журнал и его идеологическое содержание, транслируемое во внешний мир. Авторы приходят к выводу, что «мягкая сила» начала складываться с момента образования КНР и берет свое начало еще в период правления Мао Цзэдуна. Журнал *China Reconstructs* авторы рассматривают как важный инструмент «мягкой силы» Китая того периода, что подтверждается установками редакции журнала и содержанием статей.

Ключевые слова: China Today, мягкая сила Китая, СМИ, идеология, Новый Китай, реформы и открытость

Вклад авторов. Авторы внесли равный вклад в разработку концепции, сбор данных и их интерпретацию, подготовку статьи к публикации.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24.11.2024; принята к публикации 20.01.2025.

Для цитирования: Люлина А.Г., Егорова М.А. Становление нового Китая по материалам статей журнала «China reconstructs» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 239–258. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-239-258>

© Люлина А.Г., Егорова М.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The rise of modern China based on the magazine “China reconstructs”

Anastasia G. Liulina^{1,2} ✉, Maia A. Egorova¹

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ alyulina88@gmail.com

Abstract. The significance of the research topic is determined by the relevance of the problem of *soft power* in China’s foreign policy and foreign economic policy at present. The purpose of this research project is to trace the origins of the concept of *soft power*, based on the materials and articles of the international Chinese magazine *China Reconstructs* (1952–1990). During the historical period under study, China was transitioning from the model of a closed state to positioning itself as one of the world leaders; the gradual transition to an open country required the activation of soft power policy in order to recognize legitimacy and strengthen its role on the world stage. The main stages of the history of New China’s development were not only reflected in the pages of the magazine, but also changed the magazine itself and its ideological content, which was broadcasting to the outside world. The authors conclude that *soft power* began to emerge since the formation of the People’s Republic of China and dates back to the reign of Mao Zedong. The authors consider the China Reconstructs magazine as an important tool of China’s *soft power* of that period, which is confirmed by the editorial guidelines of the magazine and the content of the articles.

Keywords: China Today, China’s soft power, media, ideology, New China, reform and openness

Contribution. The authors have made an equal contribution to the development of the concept, collection of data and their interpretation, and preparation of the article for publication.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: Received: 24.11.2024. Accepted: 20.01.2025.

For citation: Liulina AG, Egorova MA. The rise of modern china based on the magazine “China reconstructs”. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(2):239–258. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-239-258>

Введение

«Мягкая сила» 软实力 как один из ресурсов внешней политики — явление актуальное. Особенно оно обращает на себя внимание при рассмотрении внешней политики Китая, в рамках которой реализация стратегии «мягкой силы» приобрела проработанные направления на современном этапе. Несмотря на то, что концепция «мягкой силы» была осмыслена, проработана, детализирована и заново изложена Си Цзиньпином (концепция веры в свою самобытную культуру 文化自信), она не является абсолютно новой для внешней политики Китая (КНР). Кроме того, во многом лозунговая дипломатия Си Цзиньпина использует механизмы, формировавшиеся

еще в период глобальных китайских трансформаций, начиная с основания Нового Китая в 1949 г.

Термин «мягкая сила» (англ. *soft power*) хотя и введен в научный оборот американским политологом Джозефом Наем, но в иносказательном виде впервые встречается в философских даосских и конфуцианских трактатах. В рассуждениях Лао Цзы, изложенных в «Книге пути и достоинства» (Дао Дэ Цзин, 道德经) говорится: «Хотя в мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет. В мире нет вещи, которая победила бы воду, ибо она нежнее и слабее всех вещей. Известно, что слабое существо побеждает сильное, нежное — крепкое, но никто этого не признает» [1]. В великом споре о внешней политике при династии Хань, «Споре о соли и железе» (盐铁论), конфуцианцы противопоставили своим антагонистам из лагеря законников акцент на жесткой силе, утверждая, что с варварами за пределами Китая можно справиться не «жесткой силой», а с помощью стратегии «мягкой силы»: привлечь чужаков и изменить их таким образом, чтобы они стали частью китайской цивилизации и разделили ее ценности. «Мягкая сила» как транснациональный способ китаизации сохранялась в периоды китайской мощи (в т.ч. когда государства на периферии Китая признавали его политическое влияние и морально-культурное лидерство) и в период слабости государства (в т.ч. когда Китай поглотил и в значительной степени обратил в свою веру своих монгольских и маньчжурских завоевателей времен династий Юань и Цин). В последние годы конфуцианские и китайские ценности в более широком смысле пережили поразительное возвращение и стали заметной частью внешнеполитического мышления Китая в области «мягкой силы» [2. С. 496].

Подобные элементы «мягкой силы» отнюдь не отсутствовали даже в революционный и маоистский период, когда конфуцианство и китайская традиция в целом подвергались жестоким нападкам. В идеях Мао Цзэдуна 毛泽东 (пр. 1943–1976), большая часть которых была сформирована и сформулирована еще до основания КНР, элементы, напоминающие мягкую силу, встречаются довольно часто. Жесткая сила, безусловно, имела значение для Мао и китайской революции: Мао, как известно, утверждал, что политическая власть растет из дула пистолета, а Коммунистическая партия Китая (КПК) пришла к власти благодаря победе Народно-освободительной армии над соперниками-националистами и ее вкладу в войне против Японии. Тем не менее, возможно, главным вкладом (или отступничеством) Мао в марксистскую мысль стал его акцент на силе идей и, как говорится на жаргоне китайских коммунистов, на революционной «точке зрения». Маоизм, достигший кульминации во время Культурной революции 1960-х гг., но имеющий глубокие корни в китайском коммунизме до КНР, привел к переносу ключевой движущей силы революции с жесткой подструктуры экономических сил производства на мягкую надстройку идеологии [2. С. 497].

С момента основания Нового государства были получены глубокие уроки в области формирования концепции «мягкой силы». Первый и главный из этих уроков — личная харизма и индивидуальность лидеров. В некотором смысле Китай Мао Цзэдуна обладал «мягкой силой» в такой степени, в какой он не обладал за последние 150 лет. Например, партизанская война Мао Цзэдуна вдохновляла партизан в Латинской Америке, Африке и Юго-Восточной Азии, его разграничение трех миров вызвало широкий консенсус, а его «культурная революция» стала одним из духовных источников западного студенческого движения 1968 г. [2. Р. 496–499]. Таким образом, можно говорить о том, что если в древности идея о «мягкой силе» была лишь индизомказательным воплощением мысли о том, что «мягкое» может быть эффективнее «жесткого», то с установлением Нового Китая при Мао Цзэдуна «мягкая сила» хоть еще и не полноценная концепция внешней политики, но идеи о роли культуры, искусства, языка и других элементов «мягкой силы» уже начинают получать свое более конкретное оформление.

Концепция «мягкой силы» современного Китая всесторонне изучена и проанализирована в научных трудах китайских и зарубежных исследователей [3–7]. Мы ставим перед собой цель исследовать один из знаковых этапов формирования и реализации концепции «мягкой силы» с момента создания Китайской Народной Республики под руководством Мао Цзэдуна и до смены власти, когда при Дэн Сяопине 邓小平 (пр. 1978–1989) был взят курс на открытость внешнему миру и пересмотр направлений внешней политики страны. Для достижения данной цели авторы обращаются к основному источнику — одному из первых примеров международной публицистики со времени основания Нового Китая и одновременно уникальному инструменту формирования имиджа государства в глазах зарубежных стран. Таким инструментом с 1952 г. становится англоязычный журнал *China Reconstructs* (中国建设), созданный супругой «отца» современного китайского государства и основателя партии Гоминьдан Сунь Ятсена (пр. 1901–1925) — Сун Цинлин 宋庆龄 (Сун Чинлинг, 1893–1981), и, что особенно примечательно, западным журналистом родом из Польши Израилем Эпштейном. И. Эпштейн, будучи главным редактором, всегда подчеркивал, что приоритетом журнала является удовлетворение потребностей читателей: *Our readers are foreigners, and have different historical backgrounds, social environments, customs, and experience. I must emphasize the need to discern and focus on what our readers are interested in, and write articles easy for them to understand, and not just try to please the editor* [8].

Если другие издания Китая того времени, например, первая газета на английском языке *The Shanghai News* (上海新闻报), были сильно политизированными, то *China Reconstructs* доброжелательно представлял читателям прекрасно иллюстрированные истории о «Новом Китае», сосредоточенные на новодемократических темах, включая национальное восстановление, борьбу с бедностью и расширение прав и возможностей ранее маргинализированных

групп. В то время как The Shanghai News не предпринимали особых попыток привлечь читателей, не разделявших их идеологическую точку зрения, *China Reconstructs* ставил своей целью завоевать расположение читателей, знакомя их с новостями и культурой Китая с помощью живых статей, симпатичных иллюстраций и творческих работ, связанных с декоративно-прикладным искусством [9].

Нужно отметить, что начиная с 1950-х гг. в СССР выходило несколько журналов о Китае на русском языке, а именно «Китай» и «Народный Китай». Однако журнал «Китай» больше знакомил читателей с культурно-историческими особенностями КНР на множестве языков. А «Народный Китай» имел целью показать народно-социалистические достижения нового Китая и публиковался исключительно на русском и английском языках с 1951 по 1957 гг.¹ Изначально выходивший на английском языке журнал *China Reconstructs* привлек внимание советской интеллигенции, вероятно, по причине его западной ориентации и авторитета редакции (China Welfare Institute). В 1955 г. Н.С. Тихонов, председатель Советского комитета защиты мира СССР, обратился в письме к уполномоченному по распространению журнала Лю Пину. Исходя из содержания письма видно, что оно являлось ответом на запрос китайской стороны оценить журнал и выразить мнение. Н.С. Тихонов также высказал предложение издавать журнал на русском языке в целях увеличения числа подписчиков и лучшем распространении актуальной информации о КНР в СССР². В итоге на русском языке этот журнал все же выходил непродолжительно, с 1967 по 1978 гг., под названием «Китай на стройке».

Авторы опирались в своем исследовании на англоязычные выпуски *China Reconstructs* по причине их большей доступности и более продолжительного периода публикации. Значительное собрание выпусков с 1953 г. до 1990 г. хранится в государственных библиотеках Москвы, отдельные номера журнала имеются в открытом доступе на порталах archive.org, marxists.org (CR Archive 1952–1990)³.

¹ В 1951 г. Мао Цзэдун в письме И.В. Сталину обратился с просьбой прислать редактора для работы с выпусками журнала на русском. См. Письмо Мао Цзэдуна И.В. Сталину о редакторе для журнала ЦК КПК «Народный Китай». 5 января 1951 г // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 336. Л. 84–85. Машинопись; Михаил Котов, ответственный секретарь Советского комитета защиты мира в 1953 г. в письме редакции журнала, помимо благодарностей, просил публиковать больше статей о научных открытиях Китая. См. Письмо ответственного секретаря Советского комитета защиты мира М.И. Котова в редакцию журнала «Народный Китай». Март 1953 г // ГАРФ. Ф. Р-9539. Оп. 1. Д. 246. Л. 22–23. Копийная машинопись.

² Письмо председателя Советского комитета защиты мира Н.С. Тихонова уполномоченному по распространению журнала «China Reconstructs» Лю Пину с изложением мнения о журнале. [31] января 1955 г // ГАРФ. Ф. Р-9539. Оп. 1. Д. 408. Л. 18–19. Машинопись.

³ Archive of China Reconstructs Magazine 1952–1990. URL: <https://archive.org/details/cr196912>; <https://www.marxists.org/subject/china/china-reconstructs/index.htm> (дата обращения: 11.10.2024).

Внешнеполитический фон и новый Китай

Задачи по формированию и реализации концепции «мягкой силы» хоть и не провозглашались открыто по причине специфичности внешней политики КНР в период нахождения у власти Мао Цзэдуна, однако негласно все равно существовали. Мао Цзэдун был приверженцем достаточно однобокой внешней политики, которая в 1949–1956 гг. носила характер дружеской и братской в отношении СССР и за которой закрепилось название «склонение в одну сторону» (一边倒). Основной задачей данной политики было установление и укрепление союзнических отношений с СССР, а также поддержка «коммунистического лагеря» в борьбе против империализма и капиталистической системы во главе с США. Данная политика реализовывалась вплоть до ухудшения отношений с И.В. Сталиным и СССР, и затем сменилась на союзнические отношения с США.

Однако, несмотря на внешнюю декларацию Мао и приверженность Китая Советскому Союзу как «старшему брату» и основному противнику капиталистического Запада, внутри самого Китая шла политическая борьба, которая затрагивала и внешнеполитические вопросы. Одним из основных был вопрос о том, какого направления придерживаться китайскому руководству: союзнических отношений с социалистическими странами во главе с СССР или же устанавливать отношения и с капиталистическими странами. Уже в начале 1950-х гг., несмотря на войну на Корейском полуострове, в китайском руководстве начинает доминировать идея о необходимости налаживать отношения в т.ч. и с капиталистическими странами, включая Великобританию и США. В 1954 г. Мао Цзэдун заявил: «Китай готов мирно сосуществовать со всеми государствами, включая США» [10. С. 204].

На этом этапе ситуация как на мировой арене, так и внутри Китая оставалась нестабильной. В 1945 г. с окончанием Второй мировой войны и поражением Японии в Китае начался очередной виток гражданского противостояния между сторонниками партии Гоминьдан во главе с главой государства Чан Кайши и коммунистами во главе с Мао Цзэдуном, которое закончилось победой коммунистов и бегством правительства Чан Кайши на остров Тайвань. 1 октября 1949 г. Мао Цзэдун в Пекине провозглашает образование Китайской Народной Республики. Начинается эпоха строительства на территории континентального Китая государства с социалистическим строем и марксистской идеологией. Начало данной грандиозной стройке положено в период с 1949 по 1952 гг., когда КПК предпринимала огромные усилия для осуществления трех критически значимых сдвигов: от экономической стагнации к экономическому росту, от политической дезинтеграции к политической мощи и от правления милитаристов к гражданскому управлению. Достигнутые в эти ключевые годы сдвиги послужили залогом роста популярности КПК у китайского народа.

Однако Китаю требовалось укрепить свои позиции на мировой арене и не допустить усиления давления на Китай со стороны США, которые оказывали поддержку Чан Кайши и образованной на Тайване молодой Китайской Республике. Для решения задачи усиления влияния Китая на международной арене перед руководством КНР во главе с Мао Цзэдуном встает вопрос о механизмах, которые на тот момент были бы возможны к задействованию для демонстрации образа Нового Китая мировой общественности. С этой целью уже в начале 1950-х гг. в Китае приходят к пониманию, что самым эффективным способом на данном историческом этапе является использование СМИ, в частности печатных СМИ, что впоследствии будет применено в ходе формирования и реализации политики «мягкой силы» Китая.

Созданный в 1952 г. журнал *China Reconstructs* (中国建设) своим названием демонстрирует важность идеи «великого строительства», что в полной мере отражало цель Мао Цзэдуна и его соратников по построению мощного модернизированного социалистического государства (建设社会主义现代化强国), а также и сегодня является одной из идеологических концепций построения современной китайской цивилизации (建设中华民族现代文明), провозглашенных Си Цзиньпином в 2022 г. Начиная с 1949 г. слово «строительство» (建设) начало превращаться в широко-используемую социально-политическую идеологическую концепцию, в полной мере передающую основное настроение периода «больших строек».

Этапы развития журнала и трансляция «мягкой силы»

Изначально журнал выпускался с периодичностью раз в два месяца на английском языке, а с 1957 г. ежемесячно на пяти и позже на семи языках. Под названием *China Reconstructs* (中国建设) он просуществовал до 1990 г., когда был переименован в *China Today* (今日中国), который выпускался вплоть до 2007 г. Содержание журнала *China Reconstructs*, как и внешний вид обложки, качество печати и пр. отражают поэтапные изменения в истории развития страны после провозглашения КНР. Сопоставляя основные вехи истории развития Нового Китая и материал журнала можно условно выделить следующие этапы:

I. Период с середины 1950-х по конец 1960-х гг. стал наиболее активным периодом по установлению Китаем дипломатических отношений с разными странами. Главным образом отношения были установлены с рядом стран Азии, Африки и Латинской Америки. Несмотря на некоторые дипломатические успехи, Китай в тот момент находился в сложном положении: с одной стороны, США активно продолжали проводить в его отношении политику, которую в Пекине считали откровенно враждебной; с другой стороны, Советский Союз так же всячески сдерживал

стратегические шаги Китая на мировой арене, оказывая на него сильное давление. В условиях такого испытания Китай усилил работу в отношении стран Западной Европы.

В 1950–1960-е гг. Китай придавал большое значение роли науки и техники в обеспечении национальной безопасности и развитии экономики, настаивал на сочетании независимости и импорта, что вскоре дало значительные результаты и позволило совершить большой прорыв в индустриализации, особенно в тяжелой промышленности. Строительство в рамках первой пятилетки позволило Китаю создать национальную экономическую систему с полным набором отраслей промышленности и подготовить большое количество квалифицированных кадров.

Новый Китай поднимался на строительство новой жизни, готовился совершить скачок, в то время как журнал *China Reconstructs* быстро развивался и адаптировался для зарубежного читателя. В первом номере 1952 г. главный редактор сформулировал основную цель журнала⁴:

The purpose of CHINA RECONSTRUCTS is to present the work and achievements of the Chinese people to people abroad who believe that all nations should cooperate for peace and mutual benefit.

CHINA RECONSTRUCTS will chronicle the life of the Chinese people in authoritative articles, vivid features, representative photographs, drawings and charts. It will relate how difficulties are overcome and problems are solved. It will report on our resurgent art, literature, music, drama and cinema — on works that embody our best national traditions and our new experiences.

Если первые выпуски журнала выходили всего шесть раз в год на английском языке, с черно-белыми фотографиями, хаотичным оглавлением и сугубо идеологическим содержанием, то к 1955 г. количество рубрик и цветных иллюстраций существенно увеличилось. С 1957 г. журнал *China Reconstructs* уже выходил ежемесячно на 5 языках (английский, французский, испанский, арабский и русский). Хотя статьи по экономическому и техническому развитию Китая очень объемные и содержательные, в целом информация носила сдержанный и официозный характер. Основной материал затрагивал наиболее значимые события и достижения, реформы: новый рост в секторе индустрии, социальное положение женщин, начало реформирования государственного языка, закон о браке, развитие медицины, выращивание хлопка и риса и пр. Заголовки статей подчеркивали демонстрацию миру новых достижений КНР: «Five years ago — and Now», «China offers trade to all», «New China and World Peace», «How the people's

⁴ Introducing. China Reconstructs. 1952. No. 1 // CR Archive. URL: <https://archive.org/details/cr196912/CR1952-01-sm/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 13.10.2024).

Government works» и пр.⁵ Появилась развлекательная рубрика — народная песня в нотах и словах.

1958 г. ознаменовался началом кампании «Большой скачок» (大跃进). Отправной точкой «Большого скачка» было быстрое превращение Китая в мощное государство, но в стремлении добиться успеха он пошел против законов экономического развития и по-прежнему использовал методы военных лет, которые заключались в «мобилизации масс и ведении народной войны». Важным элементом «Большого скачка» было производство чугуна и стали [11].

После кампании «Большого скачка» экономика Китая столкнулась с серьезными трудностями, ЦК КПК и Госсовет вынуждены были скорректировать политику развития национальной экономики. В 1960 г. Советский Союз прекратил поставки полных комплектов технологий и оборудования, что усугубило экономические трудности и осложнило отношения двух стран. В начале 1960-х гг. Китай начал ввозить полные комплекты технологий и оборудования из развитых стран Запада. Ситуация в экономике страны и поворот в сторону капиталистического блока нашел свое отражение на страницах журнала, в котором не только показывались усилия китайцев в осуществлении «большой стройки», но и были отражены тяготы социалистического строительства фактически без опоры на Советский Союз⁶.

II. Следующий период в развитии журнала соотносится с 1960–1970 гг. Победа над Японией в 1945 г. и установления Нового Китая в 1949 г. стали важными шагами в сторону усиления влияния КНР на международной арене и повышению значимости его роли в т.ч. и в международных организациях, что привело к признанию нового китайского государства в ООН 25 октября 1971 г. За этим признанием произошло исключение Китайской Республики (Тайвань) из многих международных организаций с включением вместо нее Китайской Народной Республики (КНР). В феврале 1972 г. президент Р. Никсон посетил Китай и подписал «Совместное коммюнике», которое стало первым официальным соглашением США и КНР с 1949 г. Эти важные события не замедлили запечатлеться на страницах журнала⁷.

В этот период журнал отчетливо демонстрирует рост международного статуса Китая за счет его самостоятельности во внешней политике, а также

⁵ Introducing. *China Reconstructs*. 1952. No. 1 // CR Archive. URL: <https://archive.org/details/cr196912/CR1952-01-sm/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 13.10.2024).

⁶ *China Reconstructs*. 1954. Index // CR Archive. URL: <https://www.marxists.org/subject/china/china-reconstructs/1954/CR1954-Index.pdf>; *China Reconstructs*. 1957. Index // CR Archive. URL: <https://www.marxists.org/subject/china/china-reconstructs/1957/CR1957-Index.pdf> (дата обращения: 13.10.2024).

⁷ Higher Production, Lower Budget. *China Reconstructs*. 1966. Is. 1 // CR Archive. URL: <https://www.marxists.org/subject/china/china-reconstructs/1966/CR1966-01.pdf> (дата обращения: 16.10.2024).

благодаря поступательному развитию внутри страны, несмотря на сложности в экономическом развитии и технологическом отставании от передовых западных стран, а также от Советского Союза и Тайваня. Непростой поворот Китая к капиталистическому Западу начала 1960-х гг. нашел отражение в специальной статье “Along the Socialist or the Capitalist Road?”, опубликованной совместно с издательствами газет 红旗 и 人民日报⁸. Также можно проследить интерес Китая к развивающимся странам⁹.

Период с 1966 по 1976 г. был десятилетием «Культурной революции». «Культурная революция» нанесла серьезный ущерб компартии, государству и нации, имела катастрофические последствия с точки зрения политического, экономического, культурного и социального развития. Однако национальная экономика Китая продолжала медленно развиваться, несмотря на пережитые жестокие потрясения. По данным Национального бюро статистики, с 1967 по 1976 г. валовая стоимость промышленной и сельскохозяйственной продукции в Китае росла в среднем на 7,6 % в г. [12. С. 86]. При этом уровень жизни населения стагнировал, а в некоторых районах даже снижался; особенно серьезный ущерб был нанесен образованию: государство на десять лет прекратило принятый в форме всекитайского государственного вступительного экзамена в вузы (高考) набор в университеты¹⁰. По словам Дэн Сяопина, «в начале 1960-х годов между Китаем и миром существовал разрыв, но он был не слишком велик; в конце 1960-х и в 1970-х годах разрыв между нами и миром увеличился до огромных размеров» [13. Р. 231–232].

Интересно, что в период Культурной революции выпуск *China Reconstructs* не был приостановлен, однако никакие сведения о репрессиях, гонениях и ликвидациих и пр. не упоминались на страницах журнала вплоть до окончания кампании. В октябре 1976 г. в Китае была разгромлена «Банда четырех», что положило конец гражданским беспорядкам «Культурной революции», восстановило экономическое развитие и социальный порядок, а также нормализовало общественное строительство. Выпуски журнала 1976–1977 гг. содержат отдельные статьи, посвященные итогам Культурной революции¹¹.

Все эти особенности исторического развития Китая нашли отражение на страницах *China Reconstructs*. Несмотря на сдержанный, научный характер

⁸ Chinese Delegation speaks at the United Nations. *China Reconstructs*. 1972. Is. 1 // CR Archive. URL: <https://archive.org/details/cr196912/CR1972-01/>; Joint Communique. *China Reconstructs*. 1972. Is. 4 // CR Archive. URL: <https://archive.org/details/cr196912/CR1972-04-Supp/> (дата обращения: 16.10.2024).

⁹ Along the Socialist or the Capitalist Road? *China Reconstructs*. 1967. Is. 11 // CR Archive. URL: <https://archive.org/details/cr196912/CR1967-11-Sup/> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁰ Chairman Mao Tse-tung Talks with Guests from Asia, Africa and Latin America. *China Reconstructs*. Special Supplement. 1960. Is. 7. P. 3–11.

¹¹ Chang Chien. Open-book Examinations Bring Good Results. *China Reconstructs*. 1966. Is. 1 // CR Archive. URL: <https://www.marxists.org/subject/china/china-reconstructs/1966/CR1966-01.pdf> (дата обращения: 20.10.2024).

статей и все еще идеологический контекст, видны изменения. Улучшение качества полиграфии, яркость и краски как будто иллюстрируют Западным странам первые достижения китайского народа в социалистическом строительстве. Журнал постепенно превращается в витрину, где страна рекламирует свои достижения по всем главным направлениям: экономика, промышленность, производство, сельское хозяйство, улучшение жизни деревни, развитие отдаленных районов, внимание к национальным меньшинствам, борьба за экологию, усиление значимости культуры, образования и науки в стране — все это основные рубрики журнала, призванные всесторонне продемонстрировать западному читателю, что Китай больше не отсталая, закрытая, аграрная страна, а претендент на важное место в международном сообществе, с которым придется считаться: «Some Basic Facts About China: Ten Questions and Answers»¹².

III. Следующий этап приходится на конец 1970-х — 1980-е гг. В 1978 г. состоялся Третий пленум 11-го созыва ЦК КПК. В важный исторический момент партия и правительство сделали судьбоносный выбор — отказались от «классовой борьбы как программы» и перенесли акцент в своей работе на экономическое строительство, совершив поворот, имеющий далеко идущее значение, и открыв новый период реформ и открытости (改革开放).

В это время власти Китая не только осознают то, насколько страна отстала от передовых стран, но и начинают принимать активные меры для модернизации экономики, перевода ее на капиталистические рельсы и внедрения большого количества иностранных передовых технологий. В Китае начинается масштабная перестройка классовых отношений, внедрение системы домашнего подряда на селе, развитие волостных и сельских предприятий, развитие негосударственной экономики, создание специальных экономических зон, привлечение иностранных инвестиций, принятие различных экономических стимулов для распределения и т.д. Все это позволило повысить мотивацию всех слоев общества, что привело к быстрому экономическому росту, заметному улучшению жизни людей, всестороннему развитию всех социальных начинаний и резкому сокращению числа людей, живущих в бедности¹³.

Важные изменения в стране, характеризовавшиеся переходом от маоизма к реформам Дэн Сяопина, нашли свое отражение в новом этапе развития журнала, который переживал свой расцвет. С 1979 г. внешний вид *China*

¹² Hua Kuo-Feng. Speech at the Second National Conference on Learning from Tachai in Agriculture. *China Reconstructs*. 1977. Is. 1 // CR Archive. URL: <https://www.marxists.org/subject/china/china-reconstructs/1977/CR1977-01-Sup.pdf> (дата обращения: 20.10.2024). Chung Wen. Ten Years of the Cultural Revolution. *China Reconstructs*. 1976. Is. 10. P. 2–8.

¹³ Some Basic Facts About China: Ten Questions and Answers. *China Reconstructs*. 1974. Is. 1 // CR Archive. URL: <https://www.marxists.org/subject/china/china-reconstructs/1974/CR1974-01.pdf> (дата обращения: 20.10.2024).

Reconstructs и содержание преобразились, стали более живыми и привлекательными для читателя. Теперь журнал выпускался на семи языках (английский, французский, испанский, немецкий, арабский, португальский и китайский), рубрики пополнились темами про молодежь, науку и технологии, фактами об улучшении социальной жизни. Отдельного внимания заслуживает рубрика — уроки китайского языка для иностранцев (Language corner), которая появилась еще в номерах 1956 г. Учебный материал был распределен по номерам журнала по принципу от простого к сложному. Если сначала разбирались основы фонетики и иероглифики, то в выпусках 1960–1970-х гг. уже появились тексты для чтения на разные темы. Круг тем уроков затрагивал не только типичные ситуации (семья, друзья, урок в школе, покупки в магазине, поход в кино, в театр), но и такие, которые были бы полезны иностранцам при посещении Китая (аэропорт, покупка билетов на самолет/поезд, бронирование гостиницы, проживание в отеле, поход в банк, обмен валюты, посещение китайского ресторана и достопримечательностей и пр.). Примечательно также то, что английский подстрочник к диалогам и текстам представлял собой неадаптированный перевод, а буквальное значение слов для лучшего понимания лексики китайского языка¹⁴. Журнал демонстрировал приветливый по отношению к иностранцам образ Нового активно развивающегося Китая, в котором заинтересованы в контактах с «иностранными гостями» (外宾) [14].

Почему с 1979 г. *China Reconstructs* перестал выходить на русском языке? Очевидно, по причине нарастающего противостояния в холодной войне, а также из-за ввода советских войск в Афганистан. В 1980 г. Китай также отказался участвовать в летних Олимпийских играх в Москве. Кроме того, более популярный в России журнал «Китай» мог содержать схожие статьи, что привело к утрате актуальности перевода *China Reconstructs*.

После реализации политики реформ и открытости Китай смог достичь долгосрочного высокоскоростного экономического роста, преодолел ограничения старой системы и механизмов, что позволило реформам затронуть все сферы развития государства и дать источник и потенциал для активизации «мягкой силы» Китая. Другими словами, появилось что именно и в какой форме можно экспортировать зарубеж, что может служить инструментом влияния на контрагентов и укреплению положения на мировой арене. Только благодаря тому, что «мягкая сила» в области культурного влияния страны становится мощнее, можно успешно достичь цели «двух веков» (两个一百年奋斗目标): как можно скорее построить богатую, сильную, демократическую, цивилизованную и гармоничную современную социалистическую страну

¹⁴ Rewi Alley. From Old China to the New. *China Reconstructs*. 1978. Is. 4 // CR Archive. URL: <https://www.marxists.org/subject/china/china-reconstructs/1978/CR1978-04.pdf> (дата обращения: 20.10.2024).

и как можно скорее реализовать мечту о великом возрождении китайской нации [15].

В частности, в 1987 г. Тринадцатый съезд партии предложил трехэтапную общую стратегию экономического строительства Китая. На первом этапе, с 1981 по 1990 г., ВВП должен был быть удвоен по сравнению с 1980 г. и проблема пропитания населения должна была быть решена (温饱); на втором этапе, с 1991 г. до конца XX в., ВВП должен был быть снова удвоен, и жизнь людей должна была достичь уровня умеренного достатка (小康); и на третьем этапе, к середине XXI в., жизнь людей должна стать относительно обеспеченной, модернизация должна быть достигнута в основных чертах, и ВВП на душу населения должен достичь уровня умеренно развитых стран, чтобы люди смогли вести относительно обеспеченную жизнь (富裕) [16. С. 381]¹⁵.

Что касается внешней политики КНР, то после того, как на Двенадцатом Всекитайском съезде КПК была официально утверждена новая дипломатическая стратегия, ее содержание постоянно обогащалось и совершенствовалось с учетом непрерывного развития международной и внутренней ситуации и дипломатической практики Китая. Дэн Сяопин заявлял, что внешняя политика Китая является независимой и действительно внеблоковой [17. Р. 350, 428, 500, 520, 829]¹⁶. Наиболее мощной жизненной силой в отношениях между государствами провозглашались «Пять принципов мирного сосуществования» (和平共处五项原则). В марте 1986 г. Чжао Цзяян (赵紫阳) более систематично изложил основные элементы и базовые принципы внешней политики Китая в своем докладе на четвертой сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва, в котором он заявил, что Китай никогда не будет привязываться к какой-либо сверхдержаве, не будет вступать в союз или устанавливать стратегические отношения с любой из них, а также, что Китай придерживается независимости и самостоятельности всегда и при любых обстоятельствах, и что он будет рассматривать все международные вопросы и определять свое отношение и реакцию на них, исходя из того, способствуют ли они поддержанию мира во всем мире, развитию дружбы и сотрудничества между странами и содействию мировому экономическому процветанию [18. С. 962].

К этому времени новая дипломатическая стратегия, установленная Двенадцатым Всекитайским съездом и широко известная как «независимая и автономная дипломатическая стратегия», была доведена до совершенства. Основные положения были следующие: 1) неприсоединение, отказ

¹⁵ Language Corner. Lesson 10: Going to Yangshuo. *China Reconstructs*. 1979. Is. 10 // CR Archive. URL: <https://www.marxists.org/subject/china/china-reconstructs/1979/CR1979-10.pdf> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁶ Zhi Exiang. Diversifying the Rural Economy. *China Reconstructs*. 1981. Is. 12. P. 11–17 // CR Archive. URL: <https://archive.org/details/cr196912/CR1981-12/page/n13/mode/2up> (дата обращения: 20.10.2024).

от конфронтации и ненаправленность против третьих стран; 2) в международных делах Китай определяет свою позицию, исходя из существа вопроса и коренных интересов китайского народа и народов мира; 3) на основе Пяти принципов мирного сосуществования он устанавливает и развивает всевозможные отношения со всеми странами мира, включая союзные и неприсоединившиеся страны.

IV. Подобные глубокие изменения отразились и на журнале, который в 1990 г. был переименован в *China Today* (今日中国). Отказ в названии от идеи строительства и выбор в качестве названия слова «сегодня» (今日) ярко свидетельствовали об изменении самой концепции журнала и основного содержания рубрик. Место статей о стройках и усилиях народа по изменению страны заняли позитивные обзоры достижений современного Китая, которые демонстрировали прекрасные плоды усилий прошлых десятилетий.

В журнале появляются рубрики по искусству, археологии, истории, спорту, путешествиям, скетчи, раздел с комиксом, реклама товаров и услуг. Журнал как отражение изменений в жизни страны — либерализации, улучшения качества жизни, отказа от политизации, увеличения свобод в разных сферах — растет и увеличивает количество рубрик, меняя их содержание от политико-экономических в пользу социально-культурных. Теперь зарубежный читатель может больше узнать не только о большом китайском строительстве под руководством Компартии Китая, но также о жизни народа, культуре, о том, чем может быть привлекателен Китай иностранным гостям. С момента реформ само понятие *Waibin* (外宾) меняется на *Laowai* (老外) — менее формальное и требовательное — что стало лингвистической реакцией на приток в страну иностранных политиков, журналистов, специалистов, бизнесменов, ученых, иностранных студентов и пр.

В таком виде журнал просуществовал почти до 2007 г., когда страна вступила в новый исторический период, связанный с увеличением темпов развития и роста, укреплением промышленности, повышением эффективности сельского хозяйства, расширением внешней торговли, привлечением иностранных инвестиций, улучшениями в области науки, техники и образования, цифровизацией, урбанизацией, улучшением жизни населения и другими достижениями. Все это привело к тому, что вес Китая в международном сообществе укрепился, страна взяла курс на достижение стратегического лидерства в мире. Теперь уже в Китай хлынули потоки иностранных друзей (外国朋友), т.е. всех тех, без кого современное открытое государство не могло бы сделать следующий шаг в своем развитии в сторону становления себя как сверхдержавы. В этот исторический период журнал *China Today* теряет свою актуальность и становится не нужен государственной власти. Выполнив свою ключевую задачу в самый важный период перехода Китая от «закрытой»

страны к «открытой», он словно завершил и подытожил тот период, когда печатное СМИ служило каналом влияния на читателя и могло способствовать формированию образа страны за рубежом.

Заключение

Журнал *China Reconstructs* фактически стал голосом Нового Китая, обращенным во внешний мир, своеобразным «зеркалом» складывающейся концепции «мягкой силы» в конкретный исторический период, в связи с чем он выступил предметом научного исследования авторов. Со страниц журнала, выходявшего на нескольких языках, люди их разных стран мира узнавали, что происходит в новосозданном государстве, какими темпами идет социалистическое строительство, каковы тенденции экономического развития страны, какие отрасли и направления являются приоритетными, какие успехи делает китайский народ на новом этапе своей истории. Журнал формировал привлекательный образ Китая на международной арене. Вместе с тем он служил проводником китайской культуры, весьма действенным инструментом «мягкой силы» того исторического периода.

Ключевые принципы, выработанные в ходе революции и закрепленные в 1950-е гг., лежали в основе внешней пропаганды в КНР. Двумя наиболее важными из них были: «внутри и снаружи — разные» (内外有别), означающий, что внешняя пропаганда должна не копировать внутреннюю, а отвечать потребностям аудитории; и «не навязывать себя другим» (不强加于人), то есть быть тонкой и доступной, будучи направленной на «массы средней руки». Цель заключалась в том, чтобы сделать внешнюю пропаганду живой и привлекательной для новых читателей, избегая политического жаргона и спорных точек зрения.

Авторы исследовали основные этапы формирования концепции «мягкой силы» Китая, который, по их мнению, начинается уже со времени основания Нового государства. В первую очередь Пекину необходимо было сформировать имидж государства в глазах зарубежных стран, что было сделано с помощью активизации роли СМИ, в частности благодаря созданию влиятельными общественными фигурами журнала *China Reconstructs*, рассчитанного на зарубежного читателя. Китай перестал быть традиционной «закрытой» страной, изменения шли внутри страны во всех сферах жизни, была заимствована философия марксизма как идеологическая основа построения социалистического государства. В стране шла «большая стройка», на что были брошены все внутренние ресурсы. Достижения служили важным инструментом пропаганды китайской модели для зарубежных стран и были важны для повышения роли Китая на мировой арене и замещения в международных организациях, прежде всего ООН, Китайской республики (Тайвань) на Китайскую Народную Республику, что служило бы знаком признания мировым сообществом новосозданного государства.

Таким образом, рассмотрен ключевой период, в который Китай заложил плацдарм для дальнейшего развития и повышения своего мирового статуса. Данные перемены были показаны через изменения внешнего облика и содержания журнала *China Reconstructs* — основного канала воздействия «мягкой силы» Китая в период большого строительства и реформ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

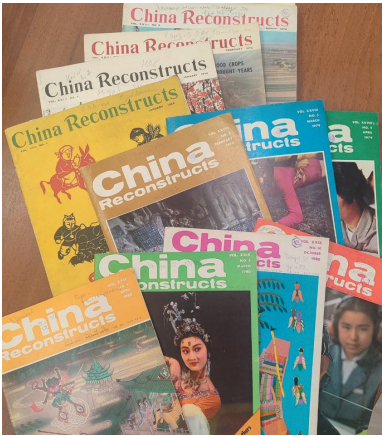

Рис. 1. Обложка журнала *China Reconstructs*. No. 1 (January), 1957

Источник: <https://www.marxists.org/subject/china/china-reconstructs/1957/CR1957-01-Cover.pdf> (дата обращения: 20.10.2024).

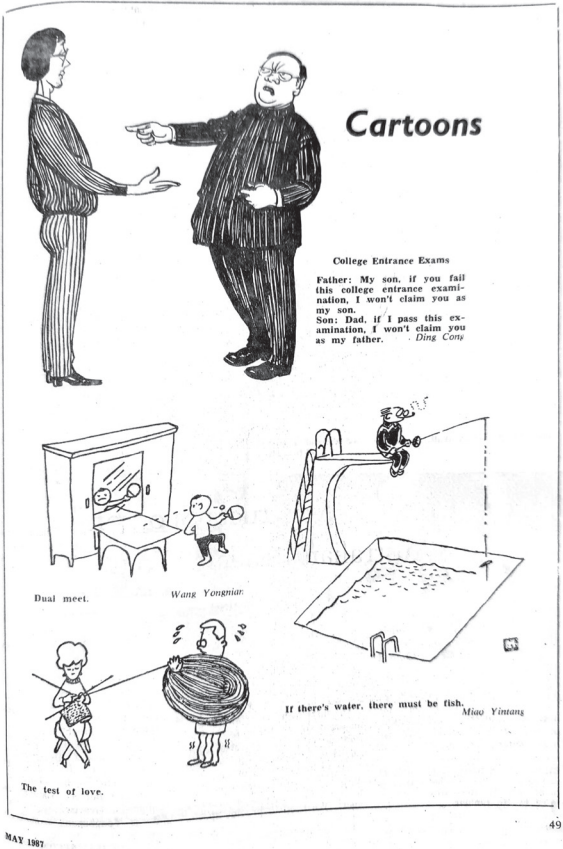
Figure 1. Cover of the Magazine *China Reconstructs*. No. 1 (January), 1957

Source: <https://www.marxists.org/subject/china/china-reconstructs/1957/CR1957-01-Cover.pdf> (accessed: 20.10.2024).

Рис. 2. Выпуски журнала разных лет. Библиотека ИВ РАН
Источник: фото А.Г. Люлиной.

Figure 2. Issues of the Magazine China Reconstructs. Library of the Institute of Oriental Studies RAS
Source: photo by A.G. Lyulina.

Рис. 3. Анекдоты. China Reconstructs. No. 5 (May), 1987. Библиотека ИВ РАН
Источник: фото А.Г. Люлиной.

Figure 3. Cartoons. China Reconstructs. No. 5 (May), 1987. Library of the Institute of Oriental Studies RAS
Source: photo by A.G. Lyulina.

Список литературы

1. *Лао-цзы*. Дао дэ цзин. Книга пути и достоинства / перевод Кониси Масутаро. 1894 // Электронная библиотека. URL: <https://next.profilib.com/chtenie/140538/lao-tszy-dao-de-tszin-kniga-puti-i-dostoinstva-8.php> (дата обращения: 11.10.2024).
2. *DeLisle J.* Soft power in a Hard place: China, Taiwan, cross-strait relations and U.S. policy // *Orbis*. Fall 2010. P. 493–524.
3. *Liu K.* Xunzhao xinde wenhua rentong: jinri Zhongguo ruanshili he zhuanmei wenhua [В поисках новой культурной идентичности: «мягкая сила» современного Китая в СМИ] // *Wenhua yanjiu*. 2010. № 7. P. 13–20.
4. Gaige kaifang 40nian: Zhongguo guangbo dianshi chanye sici dakuayue [40. лет реформ и открытости: четыре больших скачка в индустрии радио и телевидения Китая] // *Guojia guangdian zhiku*. 2018.11.14. URL: http://gdj.hubei.gov.cn/ywdt/xyzx/202008/t20200821_2822481.shtml (дата обращения: 20.10.2024).
5. *Wang X.* A comparative review of the exercise of soft power by China and the United States // *American Studies Quarterly*. 2011. Vol. 25. № 3. P. 19–27.
6. *Бу Р.Х.* «Мягкая сила» как инструмент внешней политики Китая на примере сопряжения ЭППП и ЕАЭС : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2022.
7. *Семедов С.А.* Специфика «мягкой силы» КНР // *Обозреватель*. 2020. № 10. С. 32–41. EDN: ZJZXLU
8. *Liu D.* Israel Epstein: a special Chinese citizen who brings China to the outside world // *Guowang*. China Today. January 2002. URL: <http://www.china.org.cn/english/2005/Etsteri/126167.htm> (дата обращения: 11.10.2024).
9. *Howlett J.J.* The Shanghai news (1950–1952): external propaganda and New Democracy in early 1950s Shanghai // *Journal of Chinese History*. 2021. Vol. 5. № 1. P. 107–130. <https://doi.org/10.1017/jch.2020.5>
10. Mao Zedong wajiao wenxuan [Избранные дипломатические документы Мао Цзэдуна]. Beijing: Shijie zhishi chubanshe, Zhongyang wenxian chubanshe, 1994.
11. *Zhang G.* Xin Zhongguo chengli 70nian lai woguo wuci jingji jianshe gaochao [Через 70 лет после основания Нового Китая пятиэтапное экономическое строительство достигло своей кульминации] // *Zhongguo gaigebao*. 2019.09.30. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/gdzt/cl70zn/201909/t20190930_1197743_ext.html (дата обращения: 11.10.2024).
12. Zhonggong zhongyang guanyu Jianguo yilai ruogan zhongda lishi wenti de jie jue (1981) [Резолюция Центрального комитета Коммунистической партии Китая по нескольким основным историческим вопросам с момента основания Китайской Республики, 1981 г.] // *Zhonggong zhongyang dangxiao jiaowubu*. Shiyijie san quanhui yilai dang he guojia zhongyao wenxuanbian. Beijing: Zhonggong Zhongyang dangxiao chubanshe, 2008.
13. *Deng X.* Shehui zhuyi ye keyi gao shichang jingji (1979.11.26) [Социализм также может осуществлять рыночную экономику, 26.11.1979] // *Deng Xiaoping wenxuan (di er juan)*. Beijing: Renmin chubanshe, 1994.
14. *Yu H.* Waiguo ren, Yangren, Waibin, Laowai. Tan yizu tongci de xuanrong [Особенности выбора и употребления ряда синонимичных понятий со значением «иностранец»] // *Xinan minzu xueyuan xuebao (Zhaxue shehui kexueban)*. 2001. № 1. P. 169–172.
15. “Liangge yibai nian” fendou mubiao. Xi Jinping wajiao sixiang he xin shidai Zhongguo wajiao [Осуществление «Целей двух столетних юбилеев». Внешнеполитические идеи Си Цзиньпина и дипломатия Китая в новую эпоху] // *Xin shidai Zhongguo wajiao baike*. 2022.10.12. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2022-10/12/content_78462478.shtml (дата обращения: 12.10.2024).
16. Yanzhe you Zhongguo tese de shehui zhuyi daolu qianjin — Zhongguo gongchandang di shisan ci quanguo daibiao dahui baogao [На пути к социализму с китайской спецификой — Доклад Тринадцатого Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая] // *Zhonggong Zhongyang dangxiao jiaowubu*. Shiyi jie san zhongquanhui yilai

dang he guojia zhongyao wenxian xuanbian. Beijing: Zhonggong Zhongyang dangxiao chubanshe, 1992.

17. Deng Xiaoping sixiang nianbian [Теория Дэн Сяопина. Ежегодник] // Zhonggong Zhongyang wenxian yanjiushi bian. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2011.
18. Guanyu di qige wunian jihua de baogao. Zhonggong Zhongyang wenxian yanjiushi zhubian [«Доклад о седьмом пятилетнем плане» под редакцией Управления документальных исследований ЦК КПК] // “Shi er da yilai zhongyao wenxian xuanbian” (Zhong). Beijing: Renmin chubanshe, 1986.

References

1. Lao Tz. *Dao de jing*. Transl. Konishi Masutaro. 1894. Digital Library. Available from: <https://next.profilib.com/chtenie/140538/lao-tszy-dao-de-tszin-kniga-puti-i-dostoinstva-8.php> [Accessed 11 October 2024]. (In Russ.).
2. DeLisle J. Soft power in a hard place: China, Taiwan, cross-strait relations and U.S. policy. *Orbis*. 2010;493–524.
3. Liu K. Xunzhao xinde wenhua rentong: jinri Zhongguo ruanshili he zhuanmei wenhua [Search of a new cultural identity: modern China's soft power in the media]. *Wenhua yanjiu*. 2010;(7):13–20. (In Chin.).
4. Gaige kaifang 40nian: Zhongguo guangbo dianshi chanye sici dakuayue (40 years of Reforms and Opening to the outside world: Four Great Leaps in China's Radio and TV Industry). *Guojia guangdian zhiku*. 2018.11.14. Available from: http://gdj.hubei.gov.cn/ywdt/xyzx/202008/t20200821_2822481.shtml [Accessed 20 October 2024] (In Chin.).
5. Wang X. A Comparative Review of the Exercise of Soft Power by China and the United States. *American Studies Quarterly*. 2011;25(3):19–27.
6. Bu RH. «Myagkaya sila» kak instrument vneshnei politiki Kitaya na primere sopryazheniya EPShP i EAS [Soft power” as an instrument of China's foreign policy on the example of B&R and EEU pairing] [Dissertation]. Saint Petersburg; 2022. (In Russ.).
7. Semedov SA. Spetsifika «myagkoi sily» KNR [Specifics of China's soft power]. *Obozrevatel*. 2022;(10):32–41. (In Russ.). EDN: ZJZXLU
8. Liu D. Israel Epstein: a special Chinese citizen who brings China to the outside world. *Guowang. China Today*. January 2002. Available from: <http://www.china.org.cn/english/2005/Etsteri/126167.htm> [Accessed 11 October 2024].
9. Howlett JJ. The Shanghai news (1950–1952): external propaganda and New Democracy in early 1950s Shanghai. *Journal of Chinese History*. 2021;5(1):107–130. <https://doi.org/10.1017/jch.2020.5>
10. Mao Zedong wajiao wenxuan [Selected diplomatic documents of Mao Zedong]. Beijing: Shijie zhishi chubanshe, Zhongyang wenxian chubanshe, 1994. (In Chin.).
11. Zhang G. Xin Zhongguo chengli 70nian lai woguo wuci jingji jianshe gaochao (Seventy years after the founding of New China, the five-stage economic construction reached its culmination). *Zhongguo gaigebao*. 2019.09.30. Available from: https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/gdzt/cl70zn/201909/t20190930_1197743_ext.html [Accessed: 11 October 2024]. (In Chin.).
12. Zhonggong zhongyang guanyu Jianguo yilai ruogan zhongda lishi wenti de jie jue (1981) (Resolution of the Central Committee of the Communist Party of China on several major historical issues since the founding of the Republic of China, 1981). *Zhonggong zhongyang dangxiao jiaowubu. Shiyijie san quanhui yilai dang he guojia zhongyao wenxuanbian*. Beijing: Zhonggong Zhongyang dangxiao chubanshe, 2008. (In Chin.).
13. Deng X. Shehui zhuyi ye keyi gao shichang jingji (1979.11.26) [Socialism can also implement a market economy, 26.11.1979]. *Deng Xiaoping wenxuan* (di er juan). Beijing: Renmin chubanshe, 1994. (In Chin.).

14. Yu H. Waiguo ren, Yangren, Waibin, Laowai. Tan yizu tongci de xuanyong [Specifics of choice and use of a number of synonymous concepts with the meaning “foreigner”]. *Xinan minzu xueyuan xuebao (Zhaxue shehui kexueban)*. 2001;(1):169–172. (In Chin.).
15. “Liangge yibai nian” fendou mubiao. Xi Jinping waijiao sixiang he xin shidai Zhongguo waijiao [Realizing the “Two Centennial Goals”. Xi Jinping’s foreign policy ideas and China’s diplomacy in the New Era]. *Xin shidai Zhongguo waijiao baike*. 2022.10.12. Available from: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2022-10/12/content_78462478.shtml [Accessed 12 October 2024] (In Chin.).
16. Yanzhe you Zhongguo tese de shehui zhuyi daolu qianjin — Zhongguo gongchandang di shisan ci quanguo daibiao dahui baogao [Toward Socialism with Chinese Characteristics — Report of the Thirteenth National Congress of the Communist Party of China]. *Zhonggong Zhongyang dangxiao jiaowubu. Shiyi jie san zhongquanhui yilai dang he guojia zhongyao wenxian xuanbian*. Beijing: Zhonggong Zhongyang dangxiao chubanshe, 1992. (In Chin.).
17. Deng Xiaoping sixiang nianbian [Deng Xiaoping Thought Yearbook]. *Zhonggong Zhongyang wenxian yanjiushi bian*. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2011. (In Chin.).
18. Guanyu di qige wunian jihua de baogao. Zhonggong Zhongyang wenxian yanjiushi zhubian [“Report on the Seventh Five-Year Plan” edited by the Documentary Research Office of the CPC Central Committee]. *Shi er da yilai zhongyao wenxian xuanbian* (Zhong). Beijing: Renmin chubanshe, 1986. (In Chin.).

Информация об авторах:

Люлина Анастасия Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока, Институт востоковедения РАН, Российская Федерация, 104031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, e-mail: alyulina88@gmail.com ORCID: 0000-0003-0634-8844. SPIN-код: 9703-4208.

Егорова Майя Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: mey1@list.ru ORCID: 0000-0003-2931-8330. SPIN-код: 6861-8601.

Information about authors:

Anastasia G. Liulina — PhD in History, Associate Professor at Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation; Research Associate at Department of Ancient Orient, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka St., Moscow, 104031, Russian Federation, e-mail: alyulina88@gmail.com ORCID: 0000-0003-0634-8844. SPIN-code: 9703-4208.

Maia A. Egorova — PhD of Political Sciences, Associate Professor at Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: mey1@list.ru ORCID: 0000-0003-2931-8330. SPIN-code: 6861-8601.

АНТИЧНЫЙ МИР ANTIQUE WORLD

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2-259-267

EDN: SLIPRY

Научная статья / Research article

Interpretatio Romana: египетские религиозно-культурные топосы за пределами Египта

М.С. Чисталев

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, *Нижний Новгород, Российская Федерация*

✉ marcus7@mail.ru

Аннотация. Была ли египетская религиозная экспансия единым процессом поступательного внедрения культов одной, более древней культуры, в другую, восприимчивую к внешнему воздействию, или же распространение происходило иным способом? Для ответа необходимо обратиться к отличительным чертам отправления культов на территории Италии. В этой связи цель исследования — рассмотреть особенности египетской религиозной практики в тесной взаимосвязи с социальным контекстом, а также специфике интеграции этих верований в римскую культурно-религиозную среду. Результаты исследования показали, что процесс принятия египетских культов в римском мире носил весьма избирательный характер. Египетские религиозно-культурные традиции стали предметом присвоения только в той степени, в которой это было нужно (и допустимо) для самих римлян, что предопределило использование разнообразных методов репрезентации, адаптировавших египетскую религию для римского общества. Все эти репрезентации зависели в своей основе не от далекого и эфемерного Египта, а от римского мировоззрения, традиций, общепринятых в Риме взглядов и убеждений.

Ключевые слова: Древний Рим, Египет, религиозные культы, кросс-культурные контакты

Финансирование. Исследование проведено при поддержке гранта Российского научного фонда № 20-18-00374П «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 01.10.2024; принята к публикации 20.12.2024.

© Чисталев М.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Чисталев М.С. Interpretatio Romana: египетские религиозно-культурные топосы за пределами Египта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 259–267. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-259-267>

Interpretatio Romana: Egyptian religious and cultural toposes outside Egypt

Mark S. Chistalev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, *Nizhny Novgorod, Russian Federation*

✉ marcus7@mail.ru

Abstract. In order to compile an objective picture of the features of the spread of Egyptian cults in the territory of Rome and Italy (as far as possible from surviving sources), it is necessary to understand how the Romans adapted their knowledge of Egypt to form their own religious models. It should be taken into account that consideration of the characteristics of Egyptian religious practice on the territory of Italy should occur through the prism of the social context, as well as taking into account the specifics of the integration of these beliefs into the Roman cultural and religious environment. Rejecting traditions that were unacceptable to them, the Romans, nevertheless, willingly accepted those that had already been adapted by the Greeks. However, if we proceed from the postulate that the history of cultures is a history of borrowings, then we must admit that the readiness to introduce something new in Roman culture was by no means absolute, and Egyptian religious and cultural characteristics became the subject of appropriation only to the extent that this was necessary (and acceptable) for the Romans themselves.

Keywords: Ancient Rome, Egypt, religious cults, cross-cultural contacts

Funding. The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation No. 20-18-00374P “Imperial Mediterranean: models, discourses and practices of imperialism from Antiquity to early modern times”.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 01.10.2024. Accepted: 20.12.2024.

For citation: Chistalev MS. Interpretatio Romana: Egyptian religious and cultural toposes outside Egypt. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(2):259–267. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-259-267>

Введение

Еще со времен Ф. Кюмона в историографии сформировались определенные стереотипы в отношении распространения египетских культов в Римской державе. Ключевым из них было утверждение, что римский сенат и нобилитет в целом являлись главными защитниками традиций и обычаев

предков, в то время как представители низших слоев стремились найти защиту, обращаясь к чуждым восточным культам [1]. В последующем такой подход способствовал укреплению утверждения, что египетские культы в Риме и Италии представляли собой фактически независимую от местных реалий замкнутую среду, основанную исключительно на традициях древнего Египта с некоторой адаптацией в эллинистический период [2. С. 298]. Лишь к концу XX в. появилось понимание того, что культы египетских богов на территории Италии стали частью именно римского мироощущения [3. С. 17]. Однако, несмотря на то что изучение распространения египетских верований в античном мире в зарубежной историографии активно продолжается, далеко не все аспекты темы раскрыты, особенно в контексте анализа более обширной проблематики восприятия образа Египта и египетской культуры в римском обществе. Таким образом, **цель исследования** — рассмотрение особенностей египетской религиозной практики на территории Италии в тесной взаимосвязи с социальным контекстом и специфики интеграции этих верований в римскую культурно-религиозную среду.

Для составления объективной картины необходимо понять, каким образом римляне адаптировали свои знания о Египте для формирования собственных религиозных моделей. Соответственно, для того чтобы определить, рассматривать ли египетскую религиозную экспансию как единый процесс поступательного внедрения культов более древней культуры в другую, восприимчивую к внешнему воздействию, или выявить иные способы распространения, необходимо, в первую очередь, обратиться к культовой практике, применявшейся в Италии.

Специфика культов Исиды и Сераписа на территории Италии

Ввиду скудности сохранившихся источников практически невозможно восстановить ритуально-обрядовую практику культа Сераписа в Риме и Италии. Проводить прямые аналогии с культом Исиды, по которому до нашего времени дошли достаточно обширные сведения, также не представляется возможным, так как характер ритуальных взаимоотношений Исиды и Сераписа в римской интерпретации доподлинно неизвестен. Вопреки сложившейся традиции применять к египетским культам в Римской державе объединительный термин «культы Исиды и Сераписа», в иконографии, равно как и в надписях можно констатировать частое «появление» этих богов отдельно друг от друга [4. С. 79; 5. Р. 293].

Опираясь на сохранившиеся артефакты, такие как, например, бронзовая пластина с изображением Исиды, Сераписа и Харпократа (находящаяся в Антиквариуме в Помпеях), а также рельеф с изображением Сераписа на троне в окружении Исиды и Харпократа, найденный на Виа делла Кончилиационе в Риме (хранится в Капитолийских музеях Рима, инв. № S2425), некоторые

историки вслед за Р. Меркельбахом стали обозначать трех богов как «изображение Святого семейства» [6. S. 86], хотя к значительно более распространенной триаде Исида — Серапис — Анубис такого термина никто не применяет. Очевидно, что некоторые храмы были посвящены исключительно одному из трех божеств, о чем свидетельствуют и греческие письменные источники. Так, Павсаний пишет, что по дороге в Акрокиринф встречаются несколько святилищ Исиды, причем первый — Исиды Пелагии (Морской), другой — Исиды Египетской и два святилища Сераписа, один из которых называется «В Канопе» (Paus. II. 4.6). Подобная дифференциация ставит вопрос о причинах происхождения такого рода различий в наименовании храмов. Подчеркивают ли они наличие каких-либо особенностей в ритуальной практике? В противном случае сложно объяснить причину расположения храмов столь близко друг к другу для отправления идентичного культа. Похожим образом разделяет Исиду и Сераписа Апулей в повествовании о процессии в честь Исиды, где Серапис упоминается лишь один раз (Apul. Met. XI. 9). Совершенно очевидно, что для Апулея музыкальные композиции из храма Сераписа были специфическими произведениями, не характерными для храмов Исиды. На первый взгляд, этому утверждению можно было бы противопоставить последующее упоминание об Осирисе, но с точки зрения Апулея, эти два божества не тождественны. Посвящение в мистерии Осириса не имеет ничего общего с Сераписом и тем более было обособленно от культа Исиды.

Необходимо подчеркнуть, что празднества в честь Исиды, отмечавшиеся в Риме и Италии, представляли собой лишь незначительную толику того объема общеегипетских и местных праздников, которые были связаны с Исидой, Осирисом, Анубисом и Хором как в доптолемеевский период, так и во времена правления Лагидов [5. С. 296]. В греко-римской традиции отмечались только два крупных праздника, лишь один из которых (фестиваль Хояк) имел большое значение в самом Египте [7. S. 958–960]. Сам по себе данный факт является важным свидетельством того, в какой степени греки, а в след за ними и римляне в действительности воспринимали египетские культы, выбирая лишь то, что соответствовало их представлениям, и интерпретируя оригинал под свои потребности.

Первый праздник — это *Isidis navigium*, отмечавшийся в начале марта в день открытия навигации (ILS 8745; RICIS 501/0219). На нем Исида почиталась в образе защитницы мореплавателей, к ней возносились молитвы, чтобы море оставалось спокойным. Как и Исида Пелагия она считалась владычицей морей, изобретательницей мореплавания и покровительницей торговли [8. С. 57], а ее иконографический образ предусматривал изображение богини, которая держит двумя руками и одной ногой раздувающийся парус [9. С. 48]. Стаций в Сильвах, описывая предстоящее путешествие Меция Целера в Египет, обращается к Исиде как повелительнице моря (Stat. Silv. III. 2. 101–107). Кроме того, праздник отчетливо отсылал к событиям

мифологии Исида, напоминая о ее путешествиях в поисках Осириса. Все это в совокупности позволило ее последователям в Италии обращаться к богине с молитвами как к Исиде-Фортуне. Такая ассоциативная связь расширяла «возможности» Икиды в помощи морякам, торговцам и путешественникам, которым требовалось выйти в открытое море. Трансформация этого праздника со всем комплексом религиозных ассоциаций служит иллюстрацией способности римской религии к интеграции новых культов. Являясь иноземным божеством, представляющим чужую культуру, отношение к которой можно назвать неоднозначным, Исида постепенно превратилась в защитницу римского морского сообщения. Несомненно, что сам фестиваль получил распространение на территории Италии из греческого мира, вероятнее всего с Делоса [10. Р. 134–150], разграбленного в 88 г. до н.э. Важно также отметить, что только в таком значительно модифицированном (эллинизированном) варианте египетские культы вопреки своей изначальной инаковости могли стать частью важных общественных мероприятий, демонстрируя свою приверженность социальному порядку.

Другое ежегодное празднество *Isia* проходило в конце октября — начале ноября (CIL I.2 274, 276; RICIS 501/0221). В его основе лежит египетский фестиваль Хояк, традиционно праздновавшийся в декабре [11. Р. 94–100]. Несомненно, что в Риме он появился еще в период поздней Республики (Ov. Met. IX. 690–695), но был добавлен в календарь только около 25–28 гг. н.э. [12. S. 67, 3. Р. 90]. Фестиваль представлял собой ритуальную постановку мифа об Исиде и Осирисе. Подобного рода инсценировки в начале I в. н.э., по всей видимости, были весьма распространены: о подготовке представления, в котором египтяне и эфиопы должны были изображать сцены из загробной жизни в ночь смерти Калигулы, пишет Светоний (Suet. Cal. 57. 4). Основная цель таких представлений — объяснить порядок и систему верований, связанных с культом Икиды. Первая часть фестиваля посвящалась отчаянным поискам Осириса [13. С. 45]. Дальнейший ход ритуала описан у Плутарха, но в его изложении события разворачивались в египетской Дендере (Plut. De Is. et Osir. 37). В римской вариации после обретения Осириса ликования в честь Икиды продолжались еще три дня [5. С. 302].

Ритуальные действия

Ключевым элементом формирования общины последователей египетских культов и их связи с богом были разнообразные ритуальные действия, проводимые и в самом храме, и за его пределами: речь идет о жертвоприношениях, молитве, обряде инициации.

Жертвоприношения способствовали как укреплению связи общины с богами, так и формированию чувства уверенности и спокойствия в завтрашнем дне, поскольку именно такие культовые действия поддерживали

порядок в материальном и духовном мире. В литературных источниках наиболее упоминаемое жертвоприношение — гусь (Juv. Sat. VI. 540; Ov. Fast. I. 453), однако и здесь наблюдается адаптация под местные римские традиции и место гуся занимает курица или петух [12. S. 141]. Среди использовавшихся для ритуальных возлияний сосудов особенно примечательным выглядит циста. Считалось, что именно в плетеном сосуде для фруктов аналогичной формы хранилась голова Осириса. Однако, скорее всего, здесь мы снова сталкиваемся с *Interpretatio Romana*, поскольку цисты такой формы в египетских культах до римского периода не встречается [14. С. 135].

Другим важным элементом религиозной практики являлась молитва, с помощью которой человек мог обратиться к богу с просьбой о помощи. Апулей подчеркивает особенности в восприятии молитвы среди последователей египетских культов (Apul. Met. XI. 15). Основная часть молитв произносилась в храме, поскольку именно это место считалось своего рода привилегированным для общения с божеством и получения ответов от него посредством видений, знаков и т.п. В то же время, в Риме и Италии не было найдено никаких свидетельств наличия практики инкубации в храмах египетских божеств, равно как и отдельных традиций по толкованию снов [5. С. 334]. Более того, как подчеркивает Дж. Ренберг, археологические данные даже не позволяют выявить храмы, архитектурные решения которых обеспечивали бы условия для проведения таких ритуалов [15. Р. 114–116].

Возвращаясь к еще одному важному элементу египетской религиозной практики, обряду инициации, следует отметить, что согласно античным источниками именно Исида была инициатором его введения (Diod. I. 20.6; Plut. De Is. et Osir. 27). Однако подтверждений того, что данный обряд применялся в храмах на территории Рима и Италии уже с I в. до н.э. нет [16. Р. 9–36, 17. Р. 95–107]. Достаточно подробное описание обряда дает Апулей, хотя он и делает оговорку, что открыть все тайны ритуала непосвященным слушателям он не может (Apul. Met. XI. 23). Важным этапом перед началом процесса было омовение, причем и здесь римская реальность внесла свои коррективы. Как пишет Апулей, неофит вместе со жрецом шел в ближайшие бани и только после этого проводилось дополнительное ритуальное очищение в виде окропления (Apul. Met. XI. 23).

Одним из ключевых элементов в повествовании Луция у Апулея является утверждение, что одного желания со стороны адепта египетского культа пройти инициацию было недостаточно, независимо от того, каким бы настойчивым оно ни было (Apul., Met., XI. 22). Центральным вопросом, вероятнее всего, было финансовое благосостояние человека. Наличие возможности надлежащим образом отблагодарить жреца, проводившего ритуал, сказывалось и на отношениях внутри общины и на скорости принятия адепта в категорию избранных. Косвенно это подчеркивает и Апулей (Apul. Met. XI. 25).

Повествование Луция позволяет также прийти к выводу, что посвящения в мистерии Осириса в Риме отличаются по своему содержанию от обряда инициации в храме Исида (Apul. Met. XI. 27–29), хотя и культовая практика в последнем, подробно описанная Апулеем, явно не претендует на то, чтобы считаться эталонным образцом, соблюдавшимся во всех остальных храмах.

Заключение

Подводя итог, хотелось бы отметить, что процесс принятия египетских культов в целом и культа Исиды в частности римском мире носил весьма избирательный характер. В случае с Исидой это особенно проявилось в том, что касалось ее магических способностей, указания на которые имелись в египетской мифологии и значительного объема ритуалов и иных особенностей культа, свойственных египетскому «оригиналу». Безусловно, далеко не каждый египетский культ мог в принципе вызвать положительные эмоции у римлян. Фактически римляне осознанно разделяли их на «правильные», т.е. достойные принятия на территории Рима и Италии, и «неправильные», вызывавшие у них выраженное отвращение. Ключевыми факторами негативного отношения можно назвать две особенности египетской религии: боги представлены в виде животных; многих обычных животных египтяне обожествляли, считая их священными. Такая специфика восприятия радикальным образом противоречит традиционным римским религиозным взглядам на богов, как превосходящих людей, а на людей, как превосходящих животных. В силу наличия сложившихся представлений, римляне не могли принять египетские зооморфные культы, именно поэтому отношение к ним строилось исключительно на негативной основе, а сами культы считались заслуживающими презрения.

Оставалась ли Исида египетской богиней в представлении самих римлян? Положительный ответ можно дать только применительно к отдельным элементам символики, ее ментальная связь с Египтом уже была потеряна. Представления о Египте в эпоху античности значительно менялись, что неизбежно влекло за собой изменения и контекстуальных связей. Иными словами, изначальная ассоциация с реальным Египтом постепенно трансформировалась в *Interpretatio Graeca et Romana* египетской действительности. То, что Л. Брико и М.Дж. Верслюйс называют «этнической» [18. С. 33] религией становится лишь культурным и символическим концептом, существующим только в воображении представителей культуры-реципиента.

Кроме того, если для египтянина вся мифология Исиды, связанная с поисками тела Осириса, противостоянием с другими богами носила

не абстрактный, а вполне реалистичный характер, так как все события разворачивались на берегах Нила, то для римлян, напротив, даже Нил сам по себе уже был неким идеализированным образом, который лично видели лишь единицы, а обрядовая практика, иные ежедневные ритуалы и элементы мифологии по своей сути стали искусственной конструкцией, основанной на римской репрезентации Египта. Исходя из этого, египетские религиозно-культурные топосы оказались вне и помимо самого Египта. Такое восприятие египетских культов имеет смысл именно потому, что более зависит от римских представлений, чем от самого Египта, и этот смысл непосредственно исходит из разнообразных римских методов репрезентации, которые делают египетскую религию понятной для самих римлян. Все эти репрезентации зависят в своей основе не от далекого и эфемерного Египта, а от римского мировоззрения, традиций, общепринятых в Риме взглядов и убеждений.

Список литературы / References

1. Cumont F. *Oriental Religions in Roman Paganism*. Chicago: The Open Court Pub. Co.; 1911.
2. Witt RE. *Isis in the Ancient World*. Ithaca: Cornell University Press; 1971.
3. Takács SA. *Isis and Sarapis in the Roman world*. Leiden: Brill; 1997.
4. Dunand F. *Le culte d'Isis dans le bassin oriental de la Méditerranée*. Leiden: Brill; 1973. Vol. I.
5. Alvar J. *Romanising Oriental Gods. Myth, Salvation and Ethics in the Cults of Cybele, Isis and Mithras*. Leiden: Brill; 2008.
6. Merkelbach R. *Isis Regina — Zeus Sarapis: die Griechisch-Ägyptische Religion nach den Quellen dargestellt*. Leipzig: Teubner; 1995.
7. Daumas F. Choiakfeste. *Lexikon der Ägyptologie*. Helch W, Otto E, editors. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1975, Bd.I., s. 958–960.
8. Sfameni Gasparro G. The Hellenistic face of Isis. *Nile into Tiber. Egypt in the Roman World*. Bricault L, Versluys MJ, Meyboom PGP, editors. Leiden: Brill; 2007, p. 40–72.
9. Kuvatova VZ. Characteristics of hellenized egyptian cults in the Roman Empire. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2019;3(9):45–55. (In Russ.). EDN: EBGMIH
Куватова В.З. Особенности эллинизированных египетских культов в Римской империи // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 3 (9). С. 45–55. EDN: EBGMIH
10. Bricault L. *Isis, Dame des flots*. Liège: Presses de l'Université de Liège, 2006.
11. Perpillou-Thomas F. *Fêtes d'Égypte ptolémaïque et romaine d'après la documentation papyrologique grecque*. Louvain: Universitas Catholica Lovaniensis, 1993.
12. Lembke K. *Das Iseum Campense in Rom: Studie über den Isiskult unter Domitian*. Heidelberg: Verlag Archäologie und Geschichte; 1994.
13. Turcan R. *Sénèque et les religions orientales*. Brussels: Latomus; 1967.
14. Malaise M. Ciste et Hydrie, symboles isiaques de la puissance et de la présence d'Osiris. *Le Symbolisme dans le culte des grandes religions. Actes du colloque de Louvain-la-Neuve, 4–5 Octobre 1983*. Ries J, editor. Louvain-la-Neuve: Centre d'Histoire des Religions; 1985, p. 125–15+5.
15. Renberg GH. Was Incubation practised in the Latin West? *Archiv für Religionsgeschichte*. 2006;(8):114–116.
16. Bianchi U. Iside dea misterica. Quando? *Perennitas: Studi in onore di A. Brelich*. Hultkrantz A, Widengren G, editors. Roma: Ed. dell'Ateneo; 1986, p. 9–36.

17. Alvar J. Isis prerromana, Isis romana. *Isis. Nuevas perspectivas. Homenaje A. de Miranda*. Rubio R, editor. Madrid: Ediciones Clásicas; 1997, p. 95–107.
18. Gasparini V, Gordon RL. Looking for Isis ‘the Magician’ (ἡκζυ.τ) in the Graeco-Roman World. *Bibliotheca Isiaca III*. Bricault L, Veymiers R, editors. Bordeaux: Ausonius Éditions; 2014, p. 39–53.

Информация об авторе:

Чисталев Марк Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории древнего мира и средних веков, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, e-mail: marcus7@mail.ru ORCID: 0000-0002-7178-4549. SPIN-код: 1536-2385.

Information about the author:

Mark S. Chistalev — PhD. in History, Research Fellow, Department of Ancient and Medieval History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2 Ulyanova St, Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation, e-mail: marcus7@mail.ru ORCID: 0000-0002-7178-4549. SPIN-code: 1536-2385.